

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

Тыну40k
Goblina

БОРИС ЮЛИН
ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ
.....
ВОЙНЫ КОНЦА
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

РАЗВЕД ОПРОС

х. Зарайского по

Annotation

Новая книга известного отечественного историка Бориса Юлина посвящена тяжелому и трагическому периоду русской истории – Русско-японской и Первой мировой войнам, которые привели Россию к революциям.

- Могла ли Россия избежать этих страшных кровопролитных событий, в которых было безвозвратно утрачено так много?

- Как и почему Российская империя оказалась втянута в масштабный конфликт мировых держав?

- Имелись ли у Российской империи шансы на победу в мировой войне?

- Был ли неизбежен Брестский мир, или это позорный проигрыш большевиков?

- [Борис Юлин, Дмитрий Пучков](#)
 - [Предисловие](#)
 - [О Русско-японской войне](#)
 - [Про соотношение сил и вооружений к началу Русско-японской войны](#)
 - [О боевых действиях Русско-японской войны](#)
 - [О подготовке к Первой мировой войне](#)
 - [О начале Первой мировой войны](#)
 - [Про события Первой мировой войны 1915 г.](#)
 - [Про события Первой мировой войны 1916 г.](#)
 - [Про события Первой мировой войны 1917 г.](#)
 - [Об итогах Первой мировой войны](#)
-

Борис Юлин, Дмитрий Пучков
Войны конца Российской
империи

Предисловие

Эта книга посвящена войнам начала XX века. Речь в ней пойдет о Русско-японской войне 1904–1905 годов и о Первой мировой войне. И та и другая оказали колоссальное влияние на дальнейшее развитие нашей страны. Обе они в итоге привели Россию к революциям.

И в войне России с Японией, и в Первой мировой были задействованы ведущие мировые державы. Эти войны были империалистическими, а значит, велись они за рынки сбыта и источники сырья. Каждая из стран стремилась оторвать себе наиболее жирные куски. Что из всего этого получилось, вы увидите в книге.

Но нас интересует прежде всего Россия. В 2017 году мы с вами отметили знаменательную дату – 100-летие Великой Октябрьской революции, а в конце 2018 года грядет и 100-летие окончания Первой мировой войны. История имеет тенденцию повторяться. И не только потому, что все происходящее сегодня возникло не на пустом месте, а имело свои истоки и предпосылки, но и потому, что нереализованные задачи и не исправленные ранее ошибки переходят в день сегодняшний, и мы снова и снова наступаем на одни и те же грабли.

А ошибок таких и в Русско-японскую, и в Первую мировую войну было совершено немало. Начиная с того, что в войну с Японией можно было не вступать до тех пор, пока Россия не закончит перевооружение армии и флота. Япония в виде ультиматума прислала свои предложения, Николай II на них согласился, но слишком затянул с ответом. В результате страна ввязалась в войну. На создание флота, строительство крепостей, дорог, разработку новейшего вооружения ранее были выделены колоссальные средства. Но в стране

господствовала коррупция, и деньги на военные расходы повсеместно разворовывались. При этом императору докладывали, что подготовка к войне практически завершена. Вам это ничего не напоминает?

Слабой, а порой и просто ошарашивающей, была и стратегия военачальников. В результате бездарного руководства армия и флот несли огромные потери. Достаточно сказать, что в этой войне русская армия ни на суше, ни на море не выиграла ни одного сражения! Более того, задачи «разбить противника» даже не ставилось! При этом русские моряки и солдаты сражались отчаянно, многие гибли. Кто-нибудь ответил за это? Нет, все, кто командовал, сохранили высокие посты. Итогом столь позорного поражения в войне, потребовавшей громадного напряжения сил и средств, стала Первая русская революция 1905–1907 годов.

В Первую мировую войну с военной стратегией у русских дело обстояло гораздо лучше. Учитывая предыдущий опыт, был проведен ряд военных реформ.

Но война длилась долго, и России не хватало людских и промышленных ресурсов. Возникли острейшие проблемы с обеспечением войск оружием, пропитанием, транспортом. И если в начале войны у населения был мощный патриотический подъем, то к 1917 году мы наблюдаем массовое дезертирство с фронта и взрыв революционных настроений в обществе. Что и привело в конечном итоге к Великой русской революции.

Обычно, когда характеризуют Россию этого периода, изображают ее либо нищей и отсталой, либо, напротив, чуть ли не наиболее передовой в мире страной. Не будем впадать в эти крайности. Достаточно сказать, что Россия участвовала в Первой мировой войне в ряду крупнейших держав мира. Так же, как и они, хотела получить для себя «лакомый кусок» – проливы. И точно так же предполагала, что война

продлится не более 2–3 месяцев. Во всех странах, как и в России, был сначала патриотический подъем, потом – жертвы, усталость, апатия и... желание немедленно прекратить войну. Лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» на самом деле принадлежит не большевикам. Это были мирные предложения Германии в 1916 году! В результате Первой мировой войны во многих странах-участницах произошел резкий рост коммунистических и левых движений. Но к власти коммунисты пришли только в России.

Обо всем этом подробно, с описанием событий, вооружений, хода сражений и итогов войны вы прочитаете в книге.

Дмитрий Goblin Пучков

О Русско-японской войне

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Регулярно в комментариях появляются вопросы типа: «Кто он такой?», «Можно подумать, он во всем на свете разбирается»... Во всем – не во всем, но вот, например, в истории Русско-японской войны разбирается хорошо. Борис Витальевич, почему так?

Б. Юлин: Тема была мне интересна, в общем-то, с детства.

Д. Пучков: А почему именно Русско-японская?

Б. Юлин: Еще в младшем школьном возрасте наткнулся на книгу «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя. Пошла она великолепно, но захотелось разобраться. Потом был «Порт-Артур» А. С. Степанова. Ну и дальше само поехало – а почему так, почему мы проиграли, почему они выиграли? И оказалось, что у нас есть много хорошей литературы о Русско-японской войне. А лет двадцать пять назад добрался и до архивов. И начало всплывать много такого, что, скажем так, в официальной историографии упоминалось как-то очень завуалированно. И стало еще интересней.

Д. Пучков: А в чем причина завуалированных упоминаний? Это вредно для нас?

Б. Юлин: Во-первых, все-таки хотели иначе, чуть более благородно преподнести характер войны. Во-вторых, гордясь нашей великой историей (в том числе великой военной историей), очень тяжело описывать войну, в которой не было одержано ни одной победы – ни на суше, ни на море. И поэтому перечисляются вроде бы реальные факты, но общие выводы делаются очень-очень аккуратно, обтекаемо. Разве что Ленин довольно

хлестко прошелся по этой войне, говоря о сущности загнивающего царизма. Но его троллем объявили.

Д. Пучков: Сейчас и тебя объявят коммунистом, который исповедует коммунистическую точку зрения.

Б. Юлин: Чтобы исповедовать какую-либо точку зрения, нужно разобраться, что эта война из себя представляла.

Д. Пучков: Итак. Вот Русско-японская война. Тема глубокая. Будем только про боевые действия?

Б. Юлин: Нет.

Д. Пучков: Значит, как положено: что послужило причиной, какая была обстановка, кто виноват, кто хороший, кто плохой?

Б. Юлин: Ну, а без этого как рассматривать боевые действия?

Д. Пучков: Отлично! Давай приступим.

Б. Юлин: Если мы берем середину XIX века, у Российской империи никаких проблем с Японией нет. У Японии с Россией – в общем-то тоже. Между нами находится Китай, никто друг другу не мешает.

В 1850 году даже представить было невозможно, что Россия будет воевать с Японией. Тем более, что Япония в это время еще оставалась отсталым феодальным государством – сегунатом, тем, что показывали в блестящем фильме «Семь самураев» (1954).

Тем временем события на Дальнем Востоке набирают обороты: слабеет Цинская империя, идут опиумные войны, Англия с Францией (при поддержке Соединенных Штатов) потихоньку подминают под себя Китай. Наша страна тоже этим пользуется, навязывая Китаю неравноправные договоры, делая предложения, от которых Китай не может отказаться.

А японцы, видя всю эту вакханалию, связанную с богатым жирным Китаем, и зная, что, когда закончат с Китаем, доберутся и до них, хватаются за головы – и у

них происходит так называемая «революция сверху», революция Мэйдзи.

Д. Пучков: Смена парадигмы.

Б. Юлин: Да. Скинули сегунов, власть вернули императорам, но попутно провели ряд крупных революционных преобразований: например, отменили сословное деление, фактически сменив путь развития, так сказать, с феодального на капиталистический. Началось бурное развитие японской промышленности, японской торговли. Любимые традиции, которые были освещены под властью сегуната, отодвинули в сторону, начали перенимать все у европейцев. Хотя и сейчас японцы очень любят все традиционное...

Д. Пучков: Еще больше любят американское...

Б. Юлин: Скажем так, на переговорах ни одного японца ты в кимоно не увидишь, они в костюмах. И это началось как раз с революции Мэйдзи.

Итак, Японии, чтобы развиваться как нормальной, богатой капиталистической стране (не Мексике какой-нибудь), нужны рынки сбыта и источники сырья. Значит, нужно грабить кого-то, кто рядом. Есть традиционный объект грабежа – Корея и ее сюзерен Китай, который и так уже рвут на части. Почему бы не попробовать отхватить себе кусочек.

Д. Пучков: Я обращаю пристальнейшее внимание зрителей на то, что к коммунизму это не имеет никакого отношения. Коммунизм никого не грабит. Сущность капитализма – ограбить окружающих и таким образом повысить благосостояние своих граждан. Не всех, но по мелочи долетает до многих.

Б. Юлин: Если при феодализме захватывают земли с людьми, так как главное – податное население, то капиталисты захватывают рынки и источники сырья.

Д. Пучков: Так, например, царская Россия напала на Среднюю Азию и Кавказ, организовав рынки сбыта.

Б. Юлин: Да, но сейчас мы уходим далеко в сторону от темы...

Д. Пучков: Извините. Итак, Корея, традиционный объект грабежа.

Б. Юлин: Как раз в это время Россия, отобрав у маньчжуров спорную территорию – Уссурийский край, вышла к Владивостоку. При Александре III у нас проводилась очень аккуратная политика: дальше Владивостока наши интересы не простирались. Жесткое самоограничение, чтобы избежать ненужных конфликтов. Мы не спорим ни с китайцами, ни с японцами, со стороны наблюдаем, как другие грабят Китай.

Когда эта картина начала меняться? С воцарением Николая II. Сначала Россия умудрилась влезть в японо-китайский конфликт. Япония, перевооружив армию, создав более или менее современный, хотя и небольшой, флот, сумела одержать победу в японо-китайской войне: разгромила лучшую китайскую эскадру (так называемую Северную), захватила Вэйхайвэй и Порт-Артур (вырезав в Порт-Артуре весь гарнизон). До этого японцы разбили китайские войска в Корее и взяли Корею под свой контроль, а потом навязали китайцам Симоносекский мирный договор, по которому Китай отдавал японцам Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, Тайвань и Корею, вдобавок к чему выплачивал колоссальную контрибуцию.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Это очень жирный кусок. На всех таких не хватает, и поэтому в ситуацию с ограблением Китая Японией вмешались другие государства, конкретно: Российская империя, Германская империя и Французская республика. Учитывая, как немцы и французы любят друг друга, их братское согласие очень показательно.

Флоты (наш, немецкий и французский) подошли к Японии и предложили японцам пересмотреть условия мирного договора.

Д. Пучков: Это и была «дипломатия канонерок»?

Б. Юлин: В общем-то, да. То есть у нас стволов больше и корабли мощнее, поэтому мы делаем предложение, от которого вы не можете отказаться. Японцы не отказались. Им были сохранены контрибуции, но деньги на выплаты контрибуций китайцам дала Российская империя (около 400 миллионов рублей золотом).

Д. Пучков: Так.

Б. Юлин: Корея, вместо того чтобы стать японской территорией, получила независимость от Китая. Тайвань ушел японцам, которые получили в Китае свою сферу влияния (тоже кусочек для ограбления, но официально не являющийся колонией). Порт-Артур отошел России в аренду.

Д. Пучков: В аренду?

Б. Юлин: На 25 лет. Вот, собственно говоря, каков был расклад. При этом для ограничения японских устремлений через год после окончания японо-китайской войны был заключен военный союз Российской и Китайской империй, направленный против Японии, автоматически в него включили и Корею. Это означало: если Япония нападает на Корею, на Китай или на Россию – остальные страны тут же вступают в эту войну и должны вести ее, не заключая сепаратный мир, до полного разгрома противника.

Д. Пучков: Хорошо.

Б. Юлин: Под этот союз и под выдачу денег Китаю наши получили концессию на железную дорогу через территорию Китая, КВЖД (Китайско-Восточную железную дорогу) – прямой путь на Владивосток. Через год эту концессию сумели продлить еще и на юг, проложив железную дорогу к Порт-Артуру. Все это

строилось и управлялось Россией. А дальше начинаются более интересные моменты.

Но прежде чем к ним перейти, хотелось бы обрисовать следующую картину. Обычно у нас любят показывать, что Япония напала на Российскую империю, где войны не хотели. Так вот: сразу после японо-китайской войны у нас был проведен целый ряд военных совещаний и принято такое решение: «На главном театре должны быть расположены и главные силы, каковым в данное время следует признать Дальний Восток, силой обстоятельств в Балтийском море в нашей будущей кораблестроительной деятельности следует ограничиться постройкой только судов береговой обороны. Все же остальные усилия должны быть направлены для пополнения наших нужд на Дальнем Востоке». Это было 12 декабря 1897 года, до Русско-японской войны оставалось еще 7 лет. Решено было довести состав нашего флота на Дальнем Востоке до 10 броненосцев, перегнать туда все броненосные крейсера, разместив там 10 крейсеров 2-го класса и столько же 3-го класса, 36 истребителей и 11 миноносцев.

27 декабря 1897 года состоялось новое совещание, которое наметило дополнительную судостроительную программу (то есть несколько расширило прежнюю). Она получила название «Программа 1898 года» и требовала около 200 миллионов рублей сверх того, что было выделено раньше. Тут возник традиционный в то время для Российской империи конфликт между Министерством финансов и Военным ведомством. С. Ю. Витте возмущался и старался любой ценой уменьшить финансирование программы, потому что ему нужно было сводить дебет с кредитом. Он указывал, что Япония не в силах закончить перевооружение флота раньше 1905 года, пытался увеличить сроки выполнения и сократить выплаты на 50 миллионов

рублей. Для примера: когда шло обсуждение, новейший эскадренный броненосец типа «Петропавловск» стоил 10 миллионов рублей, то есть речь была о пяти броненосцах.

Военные с доводами Витте не соглашались. Они считали, что, во-первых, японцы смогут вооружить флот раньше, во-вторых, доказывали, что денег просто не хватит для нужного усиления флота. Витте одержал частичную победу: было решено выделить все 200 миллионов, как и предполагалось (по завершении процесса у нас на Тихом океане должны были быть 10 эскадренных броненосцев, 5 броненосных крейсеров, 7 крейсеров 1-го ранга, 5 крейсеров 2-го ранга, 7 канонерских лодок, 2 минных крейсера, 20 истребителей-миноносцев и 24 миноносца), но полную реализацию этой солидной программы наметили на 1905 год.

Д. Пучков: А где их должны были строить?

Б. Юлин: Так как верфей уже не хватало (все были заняты в предыдущей программе)...

Д. Пучков: А где наши верфи находились?

Б. Юлин: На Черном море и на Балтике, где строились корабли как раз для Тихого океана и Балтийского моря.

Д. Пучков: А на Тихом океане - нет?

Б. Юлин: Только один сухой док во Владивостоке.

Д. Пучков: Почему? Не было необходимости или возможности построить?

Б. Юлин: Постройка верфей на Тихом океане оставалась в очень-очень далеких планах. Темпы развития инфраструктуры в Российской империи были достаточно низкие. Транссибирская магистраль, которую отгрохали за 10 лет, выделяется как безумно быстро реализованный колоссальный проект. Других аналогичных не было.

Д. Пучков: Я чайник, мне непонятно – если строят на Балтике, то надо плыть вокруг Африки или через Суэцкий канал, через полглобуса...

Б. Юлин: Так и плавали.

Д. Пучков: Если проплыть через полглобуса, механизмы изнашиваются, корабли неважно себя чувствуют... Разве такую массу плавсредств можно хотя бы отремонтировать в одном сухом доке?

Б. Юлин: Открыть тебе занятную тайну? Состав русских кораблей во Владивостоке постоянно менялся: одни приходили, другие уходили, например, на модернизацию или вообще в резерв...

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: Наши корабли, перед тем как прийти во Владивосток, проходили текущий (после такого плавания) ремонт в Нагасаки, в Японии.

Д. Пучков: Военные?

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Прекрасно.

Б. Юлин: Да. Итак, промышленных ресурсов у Российской империи для выполнения этой программы не было. Было решено значительную часть флота заказать за рубежом. Например, в Америке у Крампа были заказаны броненосец и крейсер 1-го ранга, «Ретвизан» и «Варяг».

Д. Пучков: «Варяг» – это про который песня, да?

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Построили американцы.

Б. Юлин: Да, фирма Крампа, в Филадельфии.

Д. Пучков: Тут многие спрашивают, почему «28 панфиловцев» прокатывает американская контора, – лучше поинтересуйтесь, почему геройский крейсер «Варяг» сделали в Америке.

Б. Юлин: Броненосец «Цесаревич» и броненосный крейсер «Баян» для нас строили французы, бронепалубные крейсера 1-го ранга «Аскольд» и

«Богатырь» и бронепалубный крейсер 2-го ранга «Новик» (который больше всего прославился из крейсеров во время Русско-японской войны) – немцы, фирмы Круппа и Шихау. Даже один крейсер 2-го ранга («Боярин») был построен в Дании.

Д. Пучков: С одной стороны, наверное, ничего плохого в этом нет, если внезапно требуется много кораблей, а у нас мощностей не хватает. С другой стороны, все-таки, на мой взгляд, свое кораблестроение гораздо важнее, чем спонсирование зарубежных сборщиков.

Б. Юлин: Это да. Допустим, половина наших истребителей-миноносцев строились за рубежом, в России были построены только канонерские лодки.

Д. Пучков: А крейсер «Аврора» где построили?

Б. Юлин: У нас.

Д. Пучков: И придумали тоже?

Б. Юлин: «Диана», «Паллада» и «Аврора». В качестве прототипа использовали французский проект, но это наш крейсер – проектировали у нас, построили у нас, поэтому он получился такой поганый.

Могу краткое отступление сделать, проиллюстрировать. Вот по одной программе строятся три крейсера типа «Аврора»: «Аскольд», «Варяг», «Богатырь». Возьмем для сравнения «Варяг», созданный американцами. Он не лучше, чем «Аскольд», и хуже, чем «Богатырь».

При этом «Варяг» весит 6500 тонн, «Аврора» – 6700 тонн.

Д. Пучков: Примерно одинаковые.

Б. Юлин: Близко. «Аврора» чуть-чуть крупнее. «Варяг»: главный калибр – 12 орудий 152 миллиметра, «Аврора»: главный калибр – 8 орудий 152 миллиметра; «Варяг»: максимальная скорость – 24 узла, «Аврора»: максимальная скорость – 19,5 узла; дальность хода «Варяга» – 6000 миль, «Авроры» – 3700 миль.

Д. Пучков: Как-то да...

Б. Юлин: Наши морские офицеры иногда шутили, что крейсера типа «Диана» отличаются от обычных атлантических пакетботов (пароходов, которые ходят через Атлантику) относительной тихоходностью и некоторым числом шестидюймовых орудий.

Д. Пучков: Сильно.

Б. Юлин: Шутки шутками, но это проблема кораблестроения. Японцам в этом плане было, с одной стороны, проще, а с другой – хуже. Они получили колоссальные кредиты от Великобритании и от Соединенных Штатов и китайскую контрибуцию. Все основные, наиболее крупные корабли (все броненосцы, все броненосные крейсера и большую часть бронепалубных крейсеров) им строили за рубежом. Шесть японских броненосцев строились в Англии, из 6 броненосных крейсеров, которые у них были запланированы по программе, 4 – также в Англии, 1 – в Германии, 1 – во Франции, бронепалубные крейсера – в разных странах: 2 крейсера – в Америке, что-то – уже в самой Японии, что-то – в Англии.

Японская промышленность в это время еще только создавалась. Япония начала вылезать из средневековья за 35 лет до войны. Естественно, что за это время серьезно не развернешься, и тем не менее японцы сумели освоить судостроение до уровня бронепалубных крейсеров, создать арсеналы, наладить производство собственной высокобризантной взрывчатки, шимозы (это по сути то же самое, что и лиддит, только японского производства). Так как они только учились делать взрывчатку, она была хуже английской тем, что с большей вероятностью взрывалась в собственных артпогребах, то есть была менее стабильна. Очень неприятный боеприпас.

Никакого японского превосходства не предполагалось. С самого начала мы, планируя

политику, проводимую в отношении Японии, предполагали численное превосходство над японцами. К 1905 году у нас должно было быть 10 броненосцев против шести японских, то же – с более мелкими кораблями. Россия должна была иметь возможность постоянно диктовать японцам свои условия. При этом эскадру из нескольких броненосцев и броненосных крейсеров на Тихом океане мы создали еще раньше – постоянно происходила ротация, но эскадра была. Как раз в то время начали базироваться на Порт-Артуре и все новое, что строилось, гнали туда.

Вот на каком фоне развивались наши взаимоотношения с Японией.

А теперь поговорим о том, как они развивались. Японцы пытались оторвать себе кусок Китая: во-первых, забрать зависимую от него Корею, которую считали сферой своих интересов, а во-вторых – закрепиться в Северном Китае. Мы тоже хотели закрепиться в Северном Китае. Японцы предлагали разделить сферы влияния. По заключенному в итоге Симоносекскому мирному договору с поправками великих европейских держав получалось, что Корея должна быть по сути свободной от Китая, но оставаться в японской сфере интересов, как Маньчжурия – в российской. Японию это в принципе устраивало, Российскую империю – нет.

В связи с Русско-японской войной часто без расшифровки упоминается «безобразовская клика»...

Д. Пучков: Кто такой Безобразов?

Б. Юлин: Один из царедворцев. Влиятельный, с хорошими связями, но сам по себе, можно сказать, никто.

Вот как все начиналось. Сразу после окончания японо-китайской войны некто Ю. В. Бринер подписал с корейским правительством соглашение об образовании «Корейской лесной компании», согласно которому компания получала преимущественное право вырубки

лесов в верховьях реки Туманган (Северная Корея) и бассейна реки Ялу (это, собственно говоря, граница Китая и Кореи), то есть ближе к русской сфере интересов. Корейское правительство получало четверть активов компании и четверть прибыли в обмен на гарантированное отсутствие тарифов и налогов на деятельность компании. Очень похоже на то, что наши заключали с американцами о разделе продукции «Сахалин-2». Собственно говоря, унижительный и позорный договор для Кореи, но для корейцев – чуть ли не единственный способ получить реальные живые деньги.

Д. Пучков: Хоть что-то.

Б. Юлин: По договору, компания должна была приступить к работе в 1897 году, в противном случае Бринер лишался концессии. Но дело в том, что Бринеру не удалось найти денег на свое предприятие. Вырубать корейский лес для того, чтобы везти его в Россию... Можно подумать, что лес – это то, чего у нас в стране больше всего не хватает.

Никому сначала не удалось продать эту идею, и концессия фактически провалилась – зря потраченное время и деньги. Но про концессию узнал знакомый Бринера – представитель России в Сеуле министр Н. Г. Матюнин. Он и его деловой партнер задумали создать на основе концессии Бринера большую русскую промышленную компанию по образцу английских «chartered companies» и посвятили в идею А. М. Безобразова, тот подтащил И. И. Воронцова-Дашкова (главу царедворцев – министра царского двора), и они решили развить проект до уровня государственного.

Д. Пучков: Провел лоббирование.

Б. Юлин: Да. Они обратились к министру иностранных дел. Тот как трезвый человек послал их на фиг, втаскивать страну в эту авантюру и влезать сам он

не хотел. Предприниматели пытались действовать через министерство финансов, оттуда их сразу послали. И тогда они обратились напрямую к царю. Министр царского двора Воронцов-Дашков передал царю докладную записку от Безобразова, которая звучала так: «Восточно-Азиатская компания создается не для обогащения отдельных лиц, но для самого насаждения русских идей. В руках компании должно сосредоточиться все влияние на общий ход дел в Корее». Под видом служащих компании предполагалось ввести в места концессии 20 тысяч военных. И, соответственно, на все выделить значительное государственное финансирование. Компания, помимо заготовки леса, должна была заниматься топографией, стратегическими дорогами, складами. Таким образом, российское правительство получало двойную выгоду: от эксплуатации лесов на границе между Кореей и Маньчжурией – с одной стороны, а с другой – от возможности военно-политического укрепления в регионе и тем самым сдерживания возможного продвижения Японии на континент.

Теперь понятно, почему от этого отказались и М. Н. Муравьев, и С. Ю. Витте? Это прямой путь к войне: взять и устроить на ровном месте драку.

Николай II согласился на доводы Безобразова. Дело в том, что после инцидента в Японии он Японию не любил.

Д. Пучков: Граждане не поймут, что за инцидент.

Б. Юлин: Незадолго до восшествия на престол Николай II путешествовал по Дальнему Востоку.

Д. Пучков: На яхте или военном корабле?

Б. Юлин: На крейсере. С ним путешествовал наследник австрийского престола, еще какие-то принцы...

Д. Пучков: Мажорные дети.

Б. Юлин: Ну да. И в Японии они устроили хулиганство – осквернили храм.

Д. Пучков: Сейчас дети-мажоры носятся на «гелендвагенах», эти – осквернили храм. Каким образом, что сделали?

Б. Юлин: Ходят разные слухи, самый распространенный – они помочились на стену синтоистского храма. По официальной версии – не делали ничего плохого, просто ходили мимо храма и громко разговаривали. (Ну мы же знаем, что мажоры тоже не катались на машинах, вот и там ничего не было.) Но японский полицейский не стерпел. Это оказался бывший самурай (дело в том, что самураи в основном пошли работать в полицию, потому что деваться после революции Мэйдзи им было некуда). Он, выхватив свою казенную катану, ломанулся на будущего Николая II и врезал ему этой меченюгой по башке.

Д. Пучков: Разрубить хотел или просто стукнул?

Б. Юлин: Сейчас не понять. Известно только, что голова Николая уцелела, а казенный меч сломался. Зрители повязали жандарма и сдали властям. Получили, кстати, за это награды – и от микадо, и от Российской империи. Но Николай, похоже, что-то на Японию затаил... В противном случае совершенно непонятно, как и зачем можно было поддаться на бред, который предлагал Безобразов. Однако Николай II не только дал «добро» на все это, но лично из царских денег внес 200 тысяч фунтов стерлингов.

Д. Пучков: На что?

Б. Юлин: Вот на эту концессию. Два миллиона рублей золотом. Затыкать эту дыру в царских деньгах Витте пришлось при помощи государственной казны, но это были уже проблемы Витте, правильно?..

Летом 1898 года делегация из 12 человек отправляется в Корею на отпущенные из фонда

имперского комитета 70 тысяч рублей и договаривается с корейцами отодвинуть срок ликвидации концессии в случае отсутствия работ до 1903 года (ну, денег-то занесли). Концессию выкупают и продолжают дальше действовать. Витте упирается, кричит, что денег никаких не даст, - и действительно не дает. Но царь постоянно поддерживает инициативу - отслюнявливая из царской казны.

В 1901 году был принят устав этой Восточно-Азиатской промышленной компании. Согласно ему сфера ее деятельности не ограничивалась Кореей, но распространялась и на Корею, и на Маньчжурию. Управление поручили одному из богатейших людей России - лесопромышленнику И. Балашову. Уважаемого человека с деньгами подтянули: связь напрямую с императором тоже недешево стоит. Продолжая давить на царя, «Безобразовская клика» (к тому времени уже получившая это название) смогла по личному указанию царя выбить кредит в два миллиона рублей (сверх сумм, выданных ранее). Заметь, расходы на эту фигню уже приблизились к стоимости крейсера «Варяг».

В 1903 году в местах вырубки лесов начали тайно обосновываться русские военные - под видом простых лесозаготовителей. Об этом знали и китайцы, и корейцы, и, само собой, русские, и японцы.

Царь потребовал, чтобы поддержку на месте обеспечивало еще и русское начальство во главе с наместником Е. И. Алексеевым в Маньчжурии. Так как наместник подчинялся непосредственно царю, получалось все очень удобно. По требованию формально царя (а по сути Безобразова) Алексеев начал вводить русские войска в Корею. А из Порт-Артура в Чемульпо (современный Инчон, возле Сеула) прибыли российские корабли - теперь они присутствовали здесь постоянно.

В 1903 году прислали еще 600 солдат, переодетых в гражданскую одежду, и об этом тоже все знали. Начали строить военную дорогу (военные дороги имеют вполне конкретные параметры, чтобы проходили повозки артиллерийского парка). В деревню Юнампо ввели еще 100 солдат под предлогом строительства там лесных складов. Построили бараки, конюшни, мол.

Англия и Япония это стали воспринимать как вполне конкретную попытку России закрепить полностью свое присутствие на севере Кореи и вообще во всей Корее.

Д. Пучков: В то время как там хотели закрепиться англичане и американцы...

Б. Юлин: Нет, там хотели закрепиться японцы. Англичане и американцы закреплялись южнее, в более жирных местах. А эта территория, по условиям договора, заключенного еще после японо-китайской войны, оставалась сферой интересов Японии, что было признано Россией (участницей договора).

Японцы заявили вполне официальный протест Российской империи, копии которого разослали другим державам. Все это происходило буквально за несколько месяцев до начала войны. На протест ответа они не получили – ни одного слова.

А что же происходило в Японии? Япония стала создавать новый флот еще для войны с Китаем. Первые современные японские броненосцы «Фудзи» и «Ясима» строили именно для этого, но к войне с Китаем не успели. Позднее четыре более современных броненосца, в том числе и знаменитую «Микасу» – флагман адмирала Того, – заложили в расчете, что придется воевать с Россией. Однако в действительности рубиться с Россией – крупной европейской державой, имеющей собственную очень солидную военную промышленность, – долгое время очень не хотели.

Пока премьер-министром Японии был маркиз Ито, крайне влиятельный в Японии человек, очень

уважаемый самурай из древнего дайме, с Россией все время пытались договориться, - но как в ответ действовала Россия, ты видишь. Затем к власти пришли «ястребы», Ито выдавили в отставку. При этом, все-таки отдавая дань уважения как связям маркиза, так и, собственно говоря, его уму и заслугам перед страной, его наделили колоссальными полномочиями и отправили во главе миссии в Российскую империю с указанием заключить союз либо с Россией, либо с Англией.

Разумеется, когда Ито прибыл в Россию, он не сообщал об этом «либо-либо». Он пытался договориться с Россией о сотрудничестве, о разграничении сфер влияния (как раз по реке Ялу между Кореей и Маньчжурией), хоть как-то решить проблему. Речь даже шла о том, что японцы могут предоставить порт Мозампо в Корее для русской базы.

Посольство принимали, водили на военные верфи, показывали строящиеся корабли (видно, чтобы японцы смягчились). А японцы прекрасно видели, что русские корабли будут достроены только к 1905 году (определяли по степени готовности, специалисты они были хорошие, англичанами воспитанные). При этом наш император так и не удосужился встретиться с маркизом Ито, а все японские предложения о решении спорных вопросов были отклонены. Получалось, что Россия говорит: «Да, мы будем дружить и так далее, но ни на одно из ваших предложений не ответим».

Наше правительство переоценивало и свое влияние, и престиж России, и контроль ситуации. Миссия маркиза Ито распрощалась, но отправилась не домой, а в Англию, где в 1902 году был заключен англо-японский союз, который существенно облегчил японцам работу над флотом, а кроме того ограничил возможность вмешательства других держав в конфликт на стороне России.

Д. Пучков: Японский меч ковался в Англии.

Б. Юлин: В Англии и Штатах, но в основном – в Англии, да. Вот такая занятная картина.

Витте говорил, что японцы не закончат строительство своего флота до 1905 года, и поэтому окончание русской программы отложили. Японцы завершили создание своего флота к 1902 году. Основная разница была в том, что российские корабли строились на русских верфях, а японские – на английских, работающих намного лучше и в два раза быстрее. Корабли, которые Россия строила по этой программе на зарубежных верфях, – броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» – в строй вошли. Броненосцы типа «Бородино» были заложены позже, строились у нас и в строй не попали.

Итак, в 1902 году японцы фактически закончили формирование флота, а к 1903 году завершили активные учения, обеспечение взаимодействия эскадр и так далее, в то время как наши корабли еще стояли на стапелях. Эскадра в Тихом океане у России имелась, но не превосходила японские, а чуть-чуть им уступала. На 1903 год, например, там было 5 броненосцев против 6 японских и 3 броненосных крейсера – тоже против шести.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Правда, в 1904 году прибыли российские «Цесаревич», «Ретвизан», «Баян»...

Д. Пучков: С Балтики, да?

Б. Юлин: Из Европы. Когда добавились корабли, построенные французами и американцами, у нас стало 7 броненосцев против 6 японских и 4 броненосных крейсера против 6 японских – силы уже вполне сравнимые.

Уже планируются активные действия, но война еще не началась, идет систематическая тренировка флота. Русский посланник в Японии барон Розен и военно-

морской агент Русин постоянно шлут доклады о том, что в Японии готовятся к войне. Они докладывают о том, что эскадры выводятся в море, все корабли находятся в действующем флоте, ни один не остался в резерве, о том, что началась мобилизация запасных, они докладывают о начавшейся в Японии реквизиции и вооружении судов торгового флота (для переброски войск, для конвоя и так далее). Они доложили даже об организации Главной квартиры верховного командования у японцев.

Но раз наше руководство объявило, что война начнется в 1905 году, значит, будет в 1905-м, а японцы должны сделать какие-то серьезные дипломатические шаги и так далее... Выяснилось, что руководство просто плохо знало японцев и даже не изучило опыт японо-китайской войны. Никаких больше шагов Япония делать не собиралась.

Накануне нового 1904 года русскому посланнику в Токио были сообщены последние японские предложения по корейскому вопросу, переговоры по которому тянулись более полугода. В результате деятельности «Безобразовской клики» японские протесты, попытки разобраться, разделить сферы влияния были Россией проигнорированы. Наконец, японцы сформулировали последнее предложение, вручили его посланнику Розену, причем японский министр иностранных дел барон Комура добавил, что «дальнейшее промедление будет крайне неблагоприятно для обеих сторон». С учетом проведения мобилизации и учений флота, я думаю, к этим словам имело смысл прислушаться. В декабре 1903 года это предложение отправили российскому руководству - по телеграфу, не гонцами, не голубями... Тем не менее рассмотрено оно было 22 января 1904 года.

Д. Пучков: Почти через месяц. Или больше.

Б. Юлин: Да. При этом рассмотрели предложения только после того, как о том, что они присланы, несколько раз сообщил японский посланник Курино. Представьте себе: он сообщает, ему отвечают «да-да» и снова откладывают. Наконец-таки рассмотрели, и началось самое интересное. Мы-то еще не были готовы к войне и поэтому дали согласие на все японские предложения.

Д. Пучков: Отлично. Так...

Б. Юлин: Но в Токио телеграмму об этом получили 25 января. 23 января японцы разорвали дипломатические отношения, а 24 января начали боевые действия – приступили к захвату русских пароходов, то есть, по сути, начали выполнять боевые операции. И на следующий день после этого поступило сообщение, что Россия согласна на японские предложения.

Д. Пучков: Хорошо получилось.

Б. Юлин: По-моему, гениально.

Своеобразная наглость и, скажем честно, полнейшее раздолбайство – откуда они взялись? Министры, которым постоянно докладывали о положении дел, просто не обращали внимания на эти доклады. Ясно, что когда встал вопрос о японских предложениях, правительство столкнулось с тем, что у России меньше сил на Дальнем Востоке, чем у японцев, и мы к войне еще не готовы. Поэтому приняли решение: согласиться и отложить. Но уже стало поздно для соглашений. Нужно было меньше...

Д. Пучков: Щелкать...

Б. Юлин: Клювом, да.

Но все-таки откуда такая наглость до этого? Ведь в принципе часть военных говорила о том, что японцы будут готовы воевать к 1902–1903 годам. Дело в том, что наш военный министр А. Н. Куропаткин ездил в Японию, писал записки о положении дел там, проводил

анализ. И он довольно низко оценивал возможности японской армии в борьбе с Российской империей. Он более чем в полтора раза занижил ее потенциальную численность: у Куропаткина получалось, что японцы могут мобилизовать 360 тысяч человек, по-моему, а они смогли мобилизовать 600 тысяч.

Д. Пучков: Почти вдвое.

Б. Юлин: Ну да. Он много чего еще понаписал, но ключевые слова были такие: «В военных школах никакого религиозного образования и воспитания не дают, храмов при школах не имеется, будущие офицеры Всевышнему не молятся ни в горе, ни в радостях. То же явление наблюдается и в армии. Это большая слабость японской армии – без религии, без веры в Промысел выдержать тяжелые испытания войны, выдержать тяжкие лишения и потери смогут лишь отдельные лица, но массы не могут. В школах вместо религии преподается высшая мораль – любовь к Родине, императору, уважение к семье».

Вот ведь уроды японцы.

Д. Пучков: Какая-то идиотия.

Б. Юлин: Этот же военный министр потратил часть денег военного ведомства на постройку 51 храма.

Д. Пучков: Дело нужное.

Б. Юлин: Но при этом крепость Порт-Артур, которую нужно было срочно строить с учетом приближающейся войны, ее не достроили. И Куропаткин, кстати, приезжал с проверкой крепости Порт-Артур в 1903 году, так он наложил такую резолюцию, что крепость способна выдержать любую осаду.

Д. Пучков: Молодец.

Б. Юлин: При этом из шести фортов в Порт-Артуре к этому времени готов был один, из пяти укреплений не готово ни одного, а из положенных трехсот с лишним орудий на этом фронте имелось в наличии восемь.

Д. Пучков: Но это ж смерть бойцам, в общем-то.

Б. Юлин: Ну, потом, уже после начала войны, что-то достраивали. Японцы же не могли сразу нанести удар по Порт-Артуру: им нужно было высадиться, а до того – захватить господство на море. Но есть факт – военный министр врет царю (да и себе самому), объявляя готовой крепость, которая не готова, при этом именно она будет ключевым объектом для ведения боевых действий. Таково было отношение Куропаткина. Он считал, что японская армия слаба, ведь японцы мало молятся, храмов не посещают, лишь воспитываются в «любви к Родине, императору и уважению к семье».

Д. Пучков: Чего, конечно, недостаточно для хороших военных, да.

Б. Юлин: Как считал Куропаткин, да. Необходим молебен.

Д. Пучков: Молиться надо чаще, а не с саблями скакать.

Б. Юлин: Да, ровно это и сказано.

Д. Пучков: Познавательное. Я смотрю, ты как-то на гадостях не сосредотачиваешься. Или гадости пойдут дальше? Что было с вооружением, боеприпасами, командованием...

Б. Юлин: И про вооружение поговорим, и про боеприпасы, и про командование, и про боевые операции, и про снабжение. Это была только прелюдия.

И, кстати, что интересно: Куропаткин был уверен, что японская армия не может нанести нам поражение на суше. Допустим, придется некоторое время отступить, а потом сосредоточим необходимые силы и японцев разобьем. К сражениям на море, по мнению наших военных, японцы будут готовы хуже, чем мы. Считалось, что азиаты вообще не могут сражаться наравне с европейцами.

Такой шовинизм был вызван успехами как английского, так и немецкого, и французского, и даже

русского оружия в войнах как раз таки с азиатами.

И да, чуть не забыл крайне важную вещь: у нас же был заключен союз с Китаем. Казалось, он сможет нам помочь. Так вот, в 1899 году в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней – так называемое Боксерское восстание. На самом деле оно было антиимпериалистическим, направленным против иностранных захватчиков – грабителей Китая. Ну и разумеется, в ходе него убивали иностранных граждан в Китае. Сначала китайское правительство вроде бы как поддержало восставших, потом открестилось от них, и против китайцев была организована вооруженная интервенция, в которой приняли участие Англия, Соединенные Штаты, Франция, Германия, Япония и Россия. Мы участвовали в подавлении восстания ихэтуаней и после этого не вывели свои войска из Китая. На КВЖД находилась пограничная стража – 24 тысячи человек, был построен русский город Харбин (в Китае). На юг шла еще одна ветка, там стояла арендованная военная крепость Порт-Артур, вдобавок к которой наши основали свой собственный коммерческий порт Дальний. Он, кстати, был построен совершенно бредово: рядом с военной базой устроили никем не защищенный, но хорошо оборудованный порт. Как раз чтобы японцы могли его захватить и, опираясь на него, вести осаду крепости.

Д. Пучков: Толково придумано.

Б. Юлин: Но это казалось выгодным. К началу войны в Маньчжурии стояло 98 тысяч наших солдат (кроме корпуса пограничной стражи). Местную администрацию после подавления восстания ихэтуаней наши, мягко говоря, послали куда подальше. В это время Маньчжурию в России уже вполне официально называли Желтороссией, там было введено наместничество во главе с Алексеевым. В связи с «безобразовской кликой» мы его уже упоминали: по

распоряжению императора он давал Безобразову вооруженных людей.

Д. Пучков: То есть уверенность в своих силах была полная?

Б. Юлин: Это была уже полная колонизация и ограбление Маньчжурии. И поэтому, когда началась Русско-японская война, трехсоттысячная Северная армия, которая находилась в той же Маньчжурии, но за пределами русских владений, просто наблюдала за боевыми действиями.

Заклучив союз с китайцами против японцев, мы отобрали у Китая северные территории, грабили Китай, совершенно игнорировали любые интересы китайцев – и в итоге во время войны оказались без союзника.

Д. Пучков: Отлично. Все продумано, буквально все.

Б. Юлин: Да. Теперь мы с Японией остались один на один.

Д. Пучков: Начало интригующее. Неудивительно, что последствия были таковы... Спасибо, Борис Витальевич. Очень интересно.

Про соотношение сил и вооружений к началу Русско-японской войны

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: На чем в прошлый раз остановились?

Б. Юлин: Мы поговорили о прелюдии к Русско-японской войне и о том, какими наши страны пришли к моменту начала военных действий. Ну а сейчас, наверное, имеет смысл рассказать о том, какими средствами воевали: о вооруженных силах, оружии и так далее. Казалось бы, вот смотришь на глобус – как любят наши историки, – и видишь огромную Российскую империю и крошечную Японию. Населения там тоже было намного меньше, чем в России, хотя и не настолько, как кажется, когда глядишь на карту: Российскую империю в те дни населяло 170 миллионов жителей, Японскую – 42 миллиона, насколько я помню.

Д. Пучков: Где-то в середине восьмидесятых, помню, я как-то забрался в атлас – такие советские добротные атласы были, – и с удивлением узнал, что на планете 117 миллионов русских и 117 миллионов японцев. Эту Японию возле России-то и не видно, а вот население одинаково примерно сейчас.

Б. Юлин: Сейчас да. Россиян больше, чем японцев, а вот русских, пожалуй, уже даже меньше. Сейчас население Японии составляет около 120 миллионов.

Д. Пучков: Ну даже сорок – все равно хорошо, приличная держава.

Б. Юлин: Вполне, к тому же в это время она достаточно бурно развивалась. После революции

Мэйдзи Япония действительно очень солидно прирастала каждый год. Собственно говоря, как Советский Союз при Сталине – темпы развития были аналогичны. Правда, у японцев получился совсем низкий старт: из глубокого феодализма – решительно в капитализм. К этому времени они уже выиграли японо-китайскую войну, получили колоссальную контрибуцию, военные корабли и, собственно говоря, международное признание как почти что белые люди, которые имеют право владеть колониями, а не быть колонией. То есть пробилась в ряд ведущих мировых держав. Конечно, если брать в целом, силы России и Японии были слабо сопоставимы, все-таки территория России намного обширнее, экономика превосходила японскую объемами, а население превышало население Японии почти в 4 раза. Но война шла не между Россией и Японией – как если бы Япония пыталась захватить Россию или наоборот. Война была колониальной – решалось, кто будет грабить китайцев. И Япония находилась рядом со спорной территорией – в отличие от России, чьи основные силы были сосредоточены к западу от Урала, от которого еще черт знает сколько пилить на восток до этой Маньчжурии.

Д. Пучков: Извини, я тебя перебыю: а в те времена БАМ уже проложили?

Б. Юлин: Нет, проложили Транссиб.

Д. Пучков: Железную дорогу?

Б. Юлин: Да, но это была одноколейка – на легком балласте, с легкими рельсами, предполагавшими ограниченную грузоподъемность поездов и скорость не больше 30 верст в час. К началу Русско-японской войны Транссиб имел пропускную способность шесть пар поездов в сутки.

Д. Пучков: Небогато.

Б. Юлин: Ну и в принципе грузоподъемность тогдашних поездов намного уступала нынешней –

эшелоны покороче, паровозики послабее.

Д. Пучков: Соответственно, если транспортировать что-то на кораблях, придется идти от Балтики, или из Черного моря, либо через Суэц...

Б. Юлин: Через три океана.

Д. Пучков: Либо вокруг Африки, черт-те куда. Далеко.

Б. Юлин: Да. Поэтому театр военных действий оказался в значительной мере изолирован. Правда, там имелось определенное русское население и как раз вдоль границы с Китаем были размещены казачьи войска. Но с японскими 40 миллионами эти людские ресурсы, конечно, не сравнить. Таким образом, фронт «висел» либо на море и однокорейной железной дороге, либо просто на «однокорейке», если японцы господствуют на море. Но это с точки зрения логистики. А теперь – о том, что из себя представляли вооруженные силы. Российская империя имела самую большую в это время армию мирного времени, то есть собственно армия составляла около 1 миллиона 100 тысяч человек, а все вооруженные силы – примерно 1 миллион 350 тысяч человек. Для сравнения: японская армия насчитывала в мирное время 160 тысяч человек.

Д. Пучков: Несопоставимо, да.

Б. Юлин: Организация вооруженных сил была следующей. В России действовала всеобщая воинская повинность, однако не всеобщая – на всеобщую нашей экономики немножко не хватало. Это включало 4 года срочной службы, после которой солдаты отправлялись в резерв, а потом приписывались к ополчению. Те, кто не призывался на военную службу, сразу зачислялись в ратники ополчения. Это в идеале. Обученных резервов к началу Русско-японской войны у нас было порядка 2 миллионов человек – вдобавок к действующей армии.

Куропаткин, который внимательно изучал Японию и считался до начала Русско-японской войны одним из лучших стратегов, оценивал мобилизационные способности японской армии (с учетом и резервистов, и территориальных войск) в 375 тысяч человек. На самом деле картина была несколько иная. Японцы переняли прусскую систему: 3 года срочной службы, 4 года 4 месяца – в запасе, после чего – резерв. В Японии тоже была всеобщая воинская повинность (всеобщую также не тянули), и в итоге в начале войны сумели мобилизовать 600 тысяч человек.

Д. Пучков: Неплохо!

Б. Юлин: Япония была разделена на 12 дивизионных округов, и армию составляли 13 дивизий – 12 пехотных и одна гвардейская, столичная. В каждой дивизии из артиллеристов создавалась резервная бригада. То есть вот 13 дивизий – 13 бригад, не считая кавалерийских частей. Это основа. Из тех, кто находился в резерве и в ополчении, набирались дополнительные части для территориальных войск и резервных дивизий. Таким образом, японцы сумели поставить под ружье больше, чем планировалось по штатной схеме мобилизации. Вот какая картина получается: у нас – 1 миллион 350 тысяч, у японцев – 160 тысяч, но именно на Дальнем Востоке у нас присутствует всего 98 тысяч человек в войсках плюс 24 тысячи человек в пограничной страже, тоже иногда участвовавшей в боях, но подчинявшейся Министерству финансов. Таким образом, у японцев явное превосходство. Все остальные наши ресурсы – это те, кого мы сможем доставить по железной дороге и снабжать при помощи ее же. Подготовлена японская армия была хорошо: до 1902 года ее обучали немецкие специалисты, с 1902 года – английские, с учетом опыта Англо-бурской войны. Наша армия готовилась по своим наработкам, которые уже несколько устарели.

Например, японцы всю осваивали окапывание на поле боя, а у нас это в серьезные дисциплины не входило. Отрабатывались действия в рассыпном строю: например, если у японцев полк 3-батальонный, то у него 6 рот развертываются в стрелковые цепи, 2 роты во взводных колоннах обеспечивают поддержку, и 1 батальон остается в резерве. У нас была достаточно дурацкая четвертичная система – в дивизии 4 полка, в полку 4 батальона, в батальоне 4 роты, то есть полк насчитывает 16 рот. Из них в стрелковые цепи развертывалось две. Еще 2 роты находятся во взводных подержках, то есть 4 роты – это первая линия. Четыре роты – это у нас вторая линия в ротных колоннах, то есть фактически в резерве развернутых частей, и еще 2 батальона – также в резерве.

Д. Пучков: Это из-за отсутствия опыта?

Б. Юлин: Перестраховались, то есть слишком большое значение придавали резервам и из-за этого недооценивали роль войск, которые непосредственно ведут бой. Во время войны эту практику стали пересматривать, из полка в резерв начали выводить не 2 батальона, а только один, а 3 батальона развертывать в боевые порядки. Иначе воевать вообще не получалось – какие бы силы ни были, а все равно сражается мало народу.

Наша кавалерия была качественнее и гораздо больше, чем у японцев: лучше конский состав, лучше выездка. Но кавалерия в эту войну особо не «зажгла». Японская кавалерия была малочисленнее, но по сути представляла собой конную пехоту, то есть вместо лихих конных атак в любом боевом столкновении сразу же спешивалась, залегала и отстреливалась из винтовок.

Д. Пучков: Лошади тоже залегали?

Б. Юлин: Отгонялись в тыл. В конной рубке, конечно, наша кавалерия оказалась бы гораздо

сильнее. Но конных рубок в этой войне не было. Основную ставку японцы делали на пешие войска. Преимуществом нашей пехоты перед японской была высокая культура марша. Строевую подготовку по армии помнишь, да? Это умение маршировать в ногу, бодро двигаться всей ротой в заданном направлении. У японцев на такое времени не выделялось, поэтому войска на марше шли практически толпой, длинной растянутой колонной без строя, не в ногу. Из-за этого маршевая скорость дивизии оказывалась в 1,5-2 раза ниже, чем у нас.

Д. Пучков: Какая прелесть!

Б. Юлин: Это сказывалось на скорости японских маневров во время войны.

Д. Пучков: Да. Известная шутка «если вы такие умные, что ж вы строем не ходите» – в общем-то, не шутка.

Б. Юлин: Ну вот японцы строем не ходили. Кстати, получив опыт Русско-японской войны, они этим занялись очень серьезно и уже к следующей войне с Китаем серьезно поднатаскали свои войска – те стали перемещаться намного бодрее.

Основным вооружением русской пехоты была винтовка Мосина: магазинная винтовка 1891 года. В дальнейшем она совершенствовалась, к началу Русско-японской войны на вооружении было несколько модификаций, но все они назывались абсолютно одинаково. У нас часто пишут, что эта винтовка была лучшей в мире, но обычно забывают добавить: лучшей в мире она считалась в год своего создания – 1891-й. Тогда – безусловно, магазинная винтовка Лебеля, например, которая была самой распространенной, по большинству параметров уступала нашей винтовке Мосина. А винтовка Гра и другие, та же самая старая японская винтовка Мурата, были еще хуже. Однако в дальнейшем создавались более новые винтовки.

Д. Пучков: А «Арисака»?

Б. Юлин: «Арисака» была новее, ее делали с оглядкой на немецкую винтовку «Маузер» 1898 года. Наша «мосинка» – трехлинейка, то есть имеет калибр 7,62 миллиметра. Японская винтовка – 6,5 миллиметра, то есть калибром меньше. «Арисака» немножко легче «мосинки», имеет большую начальную скорость и за счет этого – лучшую баллистику на близких и средних дистанциях. На больших дистанциях «мосинка» бьет уже несколько лучше за счет более тяжелой пули, благодаря которой также «лучше действует» на организм противника. За счет большего калибра у нее более сильная отдача. Винтовка «Арисака» имеет специальный щиток на затворе, который закрывает механизм от пыли и грязи. У «мосинки» таких прелестей нету, зато механизм сделан настолько разумно с точки зрения использования в бою, что надежность его все равно высока. Загрязнения винтовка Мосина почти не боялась. Но из-за того, что все-таки наша винтовка была более устаревшей, в ней имелось несколько архаичных недостатков: менее удобное ложе приклада, выдвинутая вперед рукоятка затвора (у «Арисаки» она рядом, у «мосинки» – подальше, что больше сбивает прицел при перезарядке). У нас – выступающий магазин, у японцев он утоплен в ложе приклада, то есть его невозможно повредить, допустим, случайным ударом. Но эти все моменты, на самом деле, относятся к вкусовщине, то есть можно считать оружие фактически равноценным. Рота с винтовками Мосина в огневом бою будет практически ничем не хуже роты, вооруженной винтовками «Арисака».

На вооружении наших ополченческих частей, которые впоследствии сражались на Сахалине, находилась однозарядная винтовка Бердана. В свое время великолепная, к Русско-японской войне она уже полностью устарела. У японцев так же, как и у нас,

винтовок «Арисака» хватало только на строевые части и на резервистов. Их ландвер, ополчение, тоже вооружалось устаревшими винтовками Мурата – похуже, чем «Арисака» или «мосинка», но ощутимо лучше «берданки». Это что касается стрелкового вооружения. Можно вспомнить еще пулеметы. В начале войны пулеметов в зоне боевых действий практически не было ни у нас, ни у японцев. Допустим, в Маньчжурской армии у русских имелось 8 пулеметов – это ни о чем. У японцев картина аналогичная. Во время войны оснащение пулеметами сильно росло. У нас основным был «Максим», который выпускался в России по лицензии фирмы «Виккерс». Он обладает колоссальной огневой мощностью, то есть может вести огонь непрерывно, у него водяное охлаждение, но располагался он на жутко громоздком, похожем на орудийный, лафете – с высокими колесами, с большим щитком. Это хорошо против папуасов, но против как следует вооруженной армии противника...

Д. Пучков: Не так здорово, да?

Б. Юлин: У японцев обычно использовался, притом с треноги, пулемет Гочкиса образца либо 1897-го, либо 1900 года. Кстати, в Японии наладили его производство. Это довольно занятная конструкция, в которой не каждый сразу узнает пулемет. Например, по-настоящему надежно он стрелял только с использованием жесткой ленты.

Д. Пучков: Что это такое?

Б. Юлин: Рамочка на 2,5 десятка патронов, которую сбоку вставляешь, отстреливаешь, вставляешь следующую, отстреливаешь... Из-за такого заряжания, а также из-за воздушного охлаждения пулемет Гочкиса не мог обеспечить такой шквал огня, как «Максим». Но он был гораздо легче, компактнее, и, что печально, у японцев их имелось в наличии гораздо больше.

Например, в сражении под Мукденом у нас было 56 пулеметов, а у японцев – 200.

Д. Пучков: Ого!

Б. Юлин: Кроме больших габаритов и очень большого веса, у пулеметов «Виккерс»/«Максим», которые были у нас на вооружении, имелся еще один очень большой недостаток. Дело в том, что наши в 1897 году купили лицензию на выпуск этого пулемета, по которой фирме «Виккерс» за каждый выпущенный у нас на протяжении 10 лет пулемет отчислялось 50 фунтов стерлингов – это примерно 500 рублей золотом.

Д. Пучков: Неплохо! Крепко стояла фирма «Виккерс».

Б. Юлин: Очень. Особенно учитывая, что производство пулеметов постоянно нарастало. Изначально полагали, что такого оружия будет выпускаться немного, и в итоге попали на деньги очень солидно.

Д. Пучков: Отскакивая в сторону: а вот у красноармейца Сухова что был за пулемет?

Б. Юлин: «Льюис» – ручной пулемет Первой мировой войны, гораздо более поздняя машинка.

Д. Пучков: Так, продолжим.

Б. Юлин: Кроме того, для Приветнинских крепостей и крепостей Дальнего Востока были закуплены ружья-пулеметы Мадсена, как раз очень похожие по методу использования на «Льюисы». По сути, это были именно ручные пулеметы – с кожухом, с сошками, сверху магазин – классика жанра. «Мадсен» – хороший пулемет со всеми недостатками именно ручного пулемета: из него не обеспечишь такой шквал огня и такую точность, как из станкового. Это стрелковое оружие. Казалось бы, вот ему самое место в войсках, а его отправили в крепости. Собственно говоря, «Виккерс»/«Максим» и вот этот датский «Мадсен» были примерно равноценны.

Теперь об артиллерии. Основная пушка русских войск - Обуховского завода, образца 1902 года. У японцев - 75-миллиметровая пушка «Арисака». Калибр почти одинаковый - 75 миллиметров и 76,2 миллиметра. Но наша пушка относилась к так называемым «скорострельным орудиям», то есть имела откат по оси канала ствола, быстродействующий затвор, достаточно легко обеспечивая скорострельность до 15 выстрелов в минуту.

Д. Пучков: Солидно!

Б. Юлин: Японская пушка была покомпактнее нашей, но откатывалась всем лафетом, то есть противооткатных устройств не имела вообще. Доступ затвора был достаточно неудобен, плюс к этому - раздельное заряжение, так что скорострельность получалась всего 4-5 выстрелов в минуту. Кроме того, наша пушка била на 10 верст, японская - на семь. Шрапнелью наша могла стрелять на 6-7 верст, японская - на четыре с половиной. Наша пушка по огневой мощи превосходила японскую в разы, поэтому российскую полевую артиллерию тех времен можно считать гораздо более совершенной. Но у японцев треть артиллерии составляли горные пушки - те же самые «Арисака», чуть облегченные, которые разбирались и могли перетаскиваться во вьюках. Театр военных действий был достаточно гористым, особенно когда действия шли в Корее и в Восточной Маньчжурии. У нас горных пушек не было вообще, и это оказалось очень большим минусом на практике.

С гаубичной артиллерией было плохо с обеих сторон: у японцев - хорошие крупновские пушки, но довольно мало. У нас ни качество не радовало, ни количество - использовались 6-дюймовые мортиры Энгельгардта. Я сообщал общую численность войск Российской империи? Ну вот, на всех вместе приходилось около шести десятков таких мортир.

Д. Пучков: Небогато, да.

Б. Юлин: Недооценивали гаубичную артиллерию, считали, что все задачи может решить полевая. Это было ошибкой. В целом на равнине были сильнее наши артиллеристы, а в горах – японские, потому что их пушки могли там свободно действовать.

Кроме того, на театре военных действий была представлена крепостная и береговая артиллерия, в крепостях Порт-Артур и Владивосток стояло довольно много орудий. Например, на начало войны во Владивостоке было 169 береговых орудий, в Порт-Артуре – по-моему, 118. В это количество входили пушки как новейших образцов, так и устаревшие, которые составляли примерно 3/4 от общего числа. То же самое касалось и крепостной артиллерии. У японцев в этом отношении было даже хуже, например, часть крепостной осадной артиллерии у них была представлена бронзовыми мортирами, уже казнозарядными, – короче, примерно такой артиллерией наши воевали в русско-турецкую войну 1877 года.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Но в чем японцам повезло – их крепостная артиллерия за всю войну крепости ни разу не защищала, а береговая артиллерия от наших кораблей ни разу не отбивалась. То есть на прочность испытана не была. Скорее всего, она бы показала себя не очень хорошо, но факт в том, что этого и не потребовалось.

Ну и о флоте. Флот Российской империи, гораздо более сильный, чем японский, был разделен на три отдельных флота – Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский. Удар японских сил должен был принимать последний, и вот он по численности японцев не превосходил. Черноморский флот в силу статуса проливов вообще прийти на помощь не мог, а Балтийский должен был быть отправлен в качестве Второй Тихоокеанской эскадры, новые корабли для него

в основном еще только строились, а устаревшие как раз недавно прибыли с Тихого океана и проходили модернизацию и текущий ремонт.

Что из себя представляли корабли Первой Тихоокеанской эскадры, которые должны были сражаться с японцами, собственно говоря, Тихоокеанский флот? Семь эскадренных броненосцев, из которых три несколько устарели, но оставались вполне мощными. Водоизмещение этих броненосцев типа «Петропавловск» (собственно «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь») было порядка 11,5 тысячи тонн, броня – несколько устаревшая гарвеевская, вооружение – 4 орудия по 305 миллиметров и 12 орудий по 152 миллиметра, из которых 8 расположено в башнях, плюс главный калибр целиком в башнях. Скорость хода этих броненосцев составляла 15–16 узлов. Два более новых броненосца, так называемые броненосцы-крейсера типа «Пересвет» – это «Пересвет» и «Победа», – имели скорость хода 18 узлов, то есть быстрее «бегали», и новую, более современную броню, толщина которой была уменьшена до 229 миллиметров – 9 дюймов. При этом, чтобы обеспечить кораблям хорошую мореходность, большую дальность хода и высокую скорость, конструкторы пошли на уменьшение главного калибра. Если на «Петропавловске» главный калибр представляли 4 орудия по 305 миллиметров, то здесь – 4 орудия по 254 миллиметра: с 12 дюймов корабли «просели» по огневой мощи до 10 дюймов. Чтобы было понятнее, вес снаряда у 12-дюймовки – 331 килограмм, а у 10-дюймовки – 250 килограммов.

Д. Пучков: Существенная разница.

Б. Юлин: Кроме того, из-за очень высокого борта большая часть этого борта оставалась без брони. На подобных кораблях основная броня идет по ватерлинии, включая бронирование артиллерии и боевой рубки.

Плюс к этому у нас было 2 броненосца, созданных по новой программе, - с вооружением, как у «Петропавловска», - 4 по 305 миллиметров и 12 по 152 миллиметра, но со скоростью, как у «Пересветов», 18 узлов. Это построенный в Америке «Ретвизан» и построенный во Франции «Цесаревич», на тот момент - одни из лучших кораблей в мире в своем классе. При водоизмещении 12,5 тысячи тонн (у «Цесаревича» - чуть-чуть более 13 тысяч) они были хорошо бронированы (то есть имели большую площадь бронирования), на «Цесаревиче», к тому же, максимальная толщина брони достигала 250 миллиметров. Они включали в себя полностью бронированную артиллерию среднего калибра и обладали приличной скоростью хода. Действительно отличные корабли. Для своего водоизмещения - просто прекрасные.

Д. Пучков: А что такое «Ретвизан» по-русски?

Б. Юлин: Дело в том, что это название нерусское, оно нам досталось в наследство от шведов. Наш фрегат захватил линейный корабль «Ретвизан» - еще парусный - во время одной из войн со шведами, и его ввели в состав русского флота. В боевых действиях он отличился, в результате имя стало наследоваться.

Так вот, «Ретвизан» и «Цесаревич» были прекрасные броненосцы, но таких на вооружении стояло всего два.

Что было у японцев против семи наших броненосцев? Два строившихся еще во время японо-китайской войны броненосца, «Фуджи» и «Яшима», по схеме размещения брони очень близкие к нашим броненосцам типа «Петропавловск». Броня чуть толще, вес побольше на 1000 тонн, вооружение даже немного слабее: 4 орудия по 305 миллиметров и 10 - по 152 миллиметра. Артиллерия на них была размещена хуже: орудия главного калибра - в барбетах, прикрыты броневыми колпаками, не башнями, как у нас. После

каждого залпа в сторону приходилось возвращать башню в диаметрально плоскость для заряжения, а потом снова поворачивать в сторону противника. При теоретически равной нашим судам скорострельности реальную скорострельность японских кораблей это снижало в 4-5 раз.

Д. Пучков: Оригинальная конструкция, да?

Б. Юлин: Она позволяла сэкономить вес, обеспечить лучшую защиту, но за все нужно платить, правильно? Достоинствами этих кораблей является неплохая мореходность, а главное - скорость: у «Фуджи» 18 узлов, у «Яшимы» - 19. Они «бегали» заметно быстрее, чем «Петропавловск». Кроме того, на вооружении японских войск было 4 броненосца следующего поколения - с другой системой бронирования и нормальными артиллерийскими установками, которые заряжаются в любом положении к горизонту. Среди них 3 броненосца были практически одинаковы по конструкции - «Хацусе», «Шикишима» и «Асахи», а один, более поздний, несколько выделялся - это был «Микаса», который стал флагманом. При его конструировании учли слабости предыдущих броненосцев: несколько улучшили систему бронирования и поставили новые артиллерийские установки. Если максимальная скорострельность наших бронированных кораблей составляла около 1 залпа в минуту (у японских - аналогично, кроме «Фуджи» и «Яши-мы», стрелявших медленнее), то «Микаса» мог делать 2 залпа в минуту. Вернее, чуть меньше, у него время перезарядки - 38 секунд. При этом японские броненосцы, тем более новые, имели еще и более сильное противоминное вооружение: не 12, а 14 орудий по 152 миллиметра. Достигнуть этого японцам удалось просто: их броненосцы были крупнее. Если, допустим, наш «Ретвизан» весил 12,5 тысячи тонн, то «Микаса» -

14,5 тысячи тонн. Не надо забывать, все японские броненосцы строились в Англии.

Д. Пучков: Круто! Я-то только подумал, что они там технологии развивали.

Б. Юлин: Развивали, просто к Русско-японской войне еще не успели достаточно развить. А у нас было своих 5 броненосцев, один – построенный в Америке и еще один – из Франции. Интересный момент: во время этой войны удалось сравнить давно конкурирующие школы – французскую и английскую.

Д. Пучков: И что показало сравнение?

Б. Юлин: Да показало, в общем, что корабли с обеих сторон достойные, то есть против друг друга рубились на равных. При этом наш «Цесаревич» был все-таки поменьше, чем новые японские броненосцы.

Следующим классом после броненосцев были броненосные крейсера. Вот здесь дела у русских обстояли гораздо хуже. У нас к началу войны было 4 броненосных крейсера, у японцев – шесть. При этом японские корабли были примерно однотипными, – броненосные крейсера типа «Асама», различий между ними немного. Первые два изначально строились в Англии для Чили во время гонки вооружений между Чили и Аргентиной. Так как страны замирились, японцы перекупили «Асаму» и «Токиву» и заказали еще два таких же корабля, но с более совершенной броней, и не двух-, а трехтрубные. Их – «Ацзуму» и «Якумо» – построили соответственно во Франции и в Германии. Они несколько отличались от первых двух по внешнему виду, но характеристики у всех были примерно одинаковые – то есть скорость 20-21 узел...

Д. Пучков: Бодрые!

Б. Юлин: Бодрые. Бортовая броня – 178 миллиметров, башни-казематы – 152 миллиметра, вооружение – 4 орудия по 203 миллиметра, 14 орудий по 152 миллиметра у кораблей английской постройки, 4

по 203 и 12 по 152 миллиметра - у кораблей французской и немецкой постройки. Получилось довольно однородное соединение из 6 броненосных крейсеров.

У нас самым старым был броненосный крейсер «Рюрик», который создавался как английский истребитель: огромный, очень мореходный, с очень большой автономностью корабль, гораздо крупнее, чем японские крейсера. По водоизмещению он превосходил их не так чтобы сильно - на пару тысяч тонн, но по визуальным размерам был намного больше. Его скорость хода составляла 18,5 узла, гораздо меньше, чем у японцев, а вооружение - 4 орудия по 203 миллиметра, 16 - по 152 миллиметра и 6 орудий по 120 миллиметров. Казалось бы, очень мощное вооружение, но дело в том, что если у японцев 4 орудия по 203 миллиметра были расположены на броненосном крейсере - это носовая и кормовая 2-орудийные башни, - то на «Рюрике», как на «Авроре», пушки находились за щитами по бортам. И если в бортовом залпе у японцев были 4 орудия по 203 миллиметра, то у нас - два.

Следующий, более новый наш крейсер - «Россия» - развивал скорость уже 19,5 узла, имея примерно такое же вооружение - 4 по 203 миллиметра и 16 по 152 миллиметра. Но башен опять же не было, артиллерия располагалась в казематах и за щитами. Последний из этой серии крейсер «Громобой» имел такое же вооружение, как у «России», при этом скорость возросла до 20 узлов. Новейшая, более тонкая, но большей площади броня, но артиллерия в казематах, башен нету. Соответственно, все эти наши крейсера были обречены на бортовой залп только из 2 орудий по 203 миллиметра при наличии четырех. Все они были именно огромными океанскими охотниками. Допустим, если водоизмещение «Осамы» составляло 9,8 тысячи

тонн, то «Громобоя» - 12,5 тысячи тонн, он был размером с броненосец. То есть у нас были огромные быстроходные океанские рейдеры, а у японцев - меньшие по размеру, более компактные и более шустрые броненосцы. В артиллерийском бою японские корабли были сильнее. На коммуникациях, конечно, картина другая - там мореходность и дальность хода играют одну из главных ролей, и наши крейсера оказываются вне конкуренции.

У нас был и один крейсер нового поколения - построенный во Франции «Баян» (хорошее название, кстати). Будучи меньше, чем японские и остальные наши крейсера, он имел скорость 21 узел, хорошую 203-миллиметровую броню и всего лишь 2 орудия - 203 миллиметра и 8 по 152 миллиметра. Правда, на этот раз пушки 203 миллиметра были размещены отлично - в одноорудийных бронированных башнях, но по весу залпа японским броненосным крейсерам уступали почти в 2 раза. И кроме того, он, конечно, был достаточно совершенен, но он был один. Если в Порт-Артуре находилось 7 броненосцев и с ними «Баян», то броненосные крейсера «Рюрик», «Россия» и «Громобой» отдельно базировались во Владивостоке, потому что не предназначались для действий совместно с эскадрой в одном строю из-за больших размеров и не очень удачного размещения артиллерии.

Дальше картина становится еще занятнее: бронепалубные крейсера. У нас было 7 бронепалубных крейсеров на Тихом океане, из которых 5 относятся к 1-му рангу и 2 - ко 2-му рангу. Разница между ними следующая: крейсера 1-го ранга имели 6-дюймовые орудия, то есть 152 миллиметра. Самый известный наш крейсер 1-го ранга того времени - «Аврора», с ней находились еще 2 однотипных крейсера - «Диана» и «Паллада» из той же самой серии. А крейсера 2-го ранга имели калибр 120 миллиметров, то есть в 2 раза

более легкий снаряд. Что из себя представляла эта подборка? Над «Дианой» и «Палладой» даже моряки издевались, называя их «Дашка» и «Палашка», а офицеры шутили, что от обычного трансатлантического пакетбота крейсера типа «Дианы» отличаются некоторым количеством 6-дюймовых орудий и относительной тихоходностью. Эти корабли имели скорость 19 узлов и 8 орудий по 152 миллиметра, при этом были здоровенными. Если сравнить «Варяг» и «Аврору» по скорости: 19 узлов – у «Авроры», 23 узла – у «Варяга»; по количеству орудий 152 миллиметра: 8 – у «Авроры», 12 – у «Варяга»; по дальности плавания: 3700 миль – у «Авроры», 6000 миль – у «Варяга». При этом водоизмещение «Авроры» немножко больше, чем у «Варяга», и они являются ровесниками по постройке.

Д. Пучков: Прикольно.

Б. Юлин: Вот настолько наше судостроение отставало по технологиям. Итак, 2 крейсера 1-го ранга у нас были не очень. Три других – отличные: строились по новой программе, несли 12 орудий по 152 миллиметра, развивали скорость 23-24 узла, были достаточно хорошо защищены, обладали большой дальностью плавания. Один, «Аскольд», построила в Германии фирма Круппа, он выделялся тем, что был 5-трубным. Один был построен фирмой Крампа – 4-трубный «Варяг». Самый лучший – 3-трубный «Богатырь» – сделали в немецкой фирме «Шихау». У него даже артиллерия частью располагалась в бронированных казематах, а частью – в бронированных башнях: не чета ни «Авроре», ни «Варягу».

Во 2-м ранге у нас было 2 корабля. Один из них – крейсер «Новик», который имел довольно слабое бронирование, как, в общем-то, и все крейсера 2-го ранга, довольно слабое вооружение – 6 орудий по 120 миллиметра, но был самым быстроходным на тот момент крейсером в мире, развивая скорость 25 узлов.

Д. Пучков: Ого!

Б. Юлин: Он должен был служить эскадренным разведчиком и для своих задач подходил великолепно. Второй – крейсер «Боярин», чуть-чуть больше «Новика», тоже нес 6 орудий по 120 миллиметров, создавался для тех же задач, но имел скорость 22 узла. Его создавали такие известные судостроители-датчане. Я ни разу не слышал про датские корабли на экспорт, но Российская империя решила помочь Датскому королевству в связи с тем, что императрица-мать у нас была датская принцесса.

Д. Пучков: Дорого стоили корабли?

Б. Юлин: Эскадренный броненосец типа «Петропавловска» стоил в то время порядка 10 миллионов рублей. Крейсер «Варяг» – 6 миллионов рублей.

Эсминец можно было приобрести за 300–500 тысяч рублей. А если учесть, что боекомплект этого корабля стоит как треть корабля, плюс дорогая эксплуатация...

Д. Пучков: Недешевое развлечение – война.

Б. Юлин: Недешевое. Допустим, броненосный большой «Рюрик» обошелся нам, по-моему, в 10 миллионов рублей.

У японцев бронепалубных крейсеров имелось аж 12 штук. Правда, из них – ни одного крейсера 1-го ранга, все бронепалубные крейсера были мелкие. Вернее, один из них даже был броненосным, но при этом являлся самым маленьким. На броневом поясе его достоинства заканчивались. Часть кораблей были достаточно старыми, но японцы их все старательно модернизировали, заменяли артиллерию на новую. «Идзуми», который строился для Чили еще в 1883 году, был древнее нашего «Рюрика», «Нанива» и «Такачихо» также были построены давно очень, но их перевооружили. «Чиодо» перевооружили, поменяли котлы машин и всю «начинку» в корабле.

Лучшими у японцев были два корабля. Во-первых, построенный в Англии крейсер «Иошина», который участвовал еще в японо-китайской войне, но при этом имел скорость хода 23 узла, 4 орудия по 152 миллиметра и 8 орудий по 120 миллиметров. Во-вторых – английский же крейсер «Токосага». Все японские крейсера строили по проектам фирмы Армстронка: маленькие, компактные, очень быстрые и с мощным вооружением. Правда, за это приходилось платить и обитаемостью, и мореходностью, и дальностью плавания, но именно как артиллерийские платформы они были хороши. Крейсер «Токосага», который был лучшим крейсером японского флота на начало войны из бронепалубных, имел водоизмещение 4200 тонн, в 1,5 раза меньше, чем «Варяг», при этом нес 2 орудия по 203 миллиметра, как на броненосных крейсерах, и 10 орудий по 120 миллиметров. Это дополнялось довольно толстой броневой палубой с толстыми скосами и скоростью 23 узла. Примерно такими же характеристиками обладали (но были чуть покрупнее) построенные в Америке по такому же техзаданию на той же самой фирме Крампа, что и «Варяг», крейсера «Читозе» и «Касаги». В общем, японских крейсеров было больше, но они уступали нашим размерами, и таких кораблей, как наши лучшие бронепалубные крейсера типа «Аскольд», «Варяг», «Богатырь», у них вообще не имелось. Наше качественное превосходство было абсолютным: мы обладали целым классом кораблей, которого у японцев не было.

Д. Пучков: А расскажи, пожалуйста, для чайников, корабли – они для чего? Для того, чтобы друг друга топить или чтобы по берегу лупить?

Б. Юлин: Это зависит от класса. Сначала нужно разобраться, для чего служит флот. Чтобы захватить господство на море и использовать это господство в своих целях. Допустим, Крымская война. После того как

наш флот затонул в Севастополе, англичане и французы куда хотели, туда и приходили, что хотели, то обстреливали, где хотели, там высаживали войска. Правильно? А нам приходилось защищать побережье, строить береговые укрепления и пытаться хоть как-то отбиваться. Плюс к этому они вели морскую торговлю, а мы - нет. То есть, захватывая господство на море, более сильный флот обеспечивает огромные преимущества той стране, которой принадлежит. Теперь - о том, что делают конкретные классы кораблей. Броненосцы нужны в первую очередь для уничтожения в артиллерийском бою любых классов вражеских кораблей, поэтому у них толстенная броня, очень мощная артиллерия, но они самые дорогие, самые большие и их не так уж много. Крейсера - это многоцелевые корабли, которые должны и уничтожать все классы кораблей, кроме броненосцев (с броненосцем крейсер обычно тягаться не может), в артиллерийском бою, и вести разведку при эскадре, в том числе дальнюю, совершать набеги на вражеские берега, выходить на коммуникации и топить вражеские транспорты, а также защищать свои коммуникации. Обычно крейсера бегают чуть быстрее, чем броненосцы, гораздо хуже (но все равно мощно) защищены, гораздо хуже (но все равно мощно) вооружены и обычно имеют несколько большую автономность. У разных задач есть специализация: броненосные крейсера и крейсера 1-го ранга лучше подходят для того, чтобы бить противника, поэтому они самые большие и самые сильные, но могут решать и остальные задачи. Крейсера 2-го и 3-го ранга - для того, чтобы бегать в разведку и гонять вражеские миноносцы. Поэтому они поменьше, послабее и подешевле. Дальше идут эсминцы и миноносцы. Собственно говоря, эсминец - это эскадренный миноносец, просто более крупный. Эти корабли названы

в честь своего основного вооружения - торпеды, самодвижущейся мины.

Д. Пучков: Я все время думал - что ж такое, елыпалы?

Б. Юлин: Они отличались маленьким силуэтом, чтобы сложнее было попасть, высокой скоростью - ну насколько получалось, полным практически отсутствием бронирования, маленькой мореходностью, маленькой автономностью. Эсминцы еще могли действовать в открытом море, а мелкие миноносцы годились только для прибрежных операций. Они назывались эскадренными потому, что могли сопровождать в море эскадру. Их основное вооружение - торпеды. Наш стандартный миноносец, допустим, имел торпеды и пару маленьких скорострельных пушек, развивал скорость где-то 20-24 узла. Водоизмещение эсминца - уже не 100-150 тонн, как у миноносцев, а от 250 до 350 тонн. Их обычная скорость - 24-26 узлов, вооружены были одной пушкой 75 миллиметров, 3-5 малокалиберными пушками и имели по 2-3 торпедных аппарата, чем тяжелее - тем с более крупнокалиберными торпедами. Это уже довольно серьезная угроза для вражеских кораблей. Эсминцев на начало войны у нас было 24, у японцев - 19. Миноносцев у нас было 10 штук, у японцев - около 30, довольно много. Остаются минные заградители, вспомогательные крейсера и так далее - они уже не настолько определяют мощь флота. Эсминцы, миноносцы, крейсера и броненосцы в это время относились к так называемым основным классам, по ним мерилось соотношение сил.

Мы с японцами были примерно равны по броненосным силам: броненосных кораблей у японцев больше, но в основном за счет крейсеров, а эскадренных броненосцев - на один меньше. Бронепалубных крейсеров у японцев больше намного, а

по легким силам, по минным силам у Японии превосходство уже почти двойное. Учитывая, что Япония находится рядом с нашими крепостями на Дальнем Востоке, превосходство в легких силах было достаточно неприятным. Но гораздо неприятнее было другое: большая часть наших сил находилась в Порт-Артуре, в Желтом море, а меньшая - во Владивостоке, в Японском море. А посередине лежала Корея, этакий огромный мыс между этими двумя базами, то есть взаимодействовать наши силы флота практически не могли. Японская основная база «Симоносеки» стояла четко напротив южной оконечности Кореи. Вернее, их было две - «Симоносеки» и «Сасебо», но находились они рядом и могли с удобством действовать и против Порт-Артурса, и против Владивостока, не разделяя сил.

Так как в Японии боевые действия не проходили, то японские крепости можно не упоминать. У нас на Дальнем Востоке имелись две первоклассные крепости. «Первоклассные» - это не красивое название: Порт-Артур и Владивосток официально являлись крепостями 1-го класса. Владивосток был уже полностью достроен, Порт-Артур находился вроде бы в довольно высокой степени готовности, но с точки зрения основных новейших укреплений - фортов и внешних - был готов достаточно слабо. Куропаткин в 1903 году докладывал, что крепость полностью готова, может отразить любой штурм, но из шести фортов в это время достроен один, частично готовы два, из пяти долговременных укреплений закончены - ноль, частично готовы - два. Например, форт № 6 был даже не размечен на местности, просто по карте строители могли показать, где он будет стоять. К началу боевых действий в Порт-Артуре на сухопутном фронте стояло 8 орудий из положенных почти 400. Владивосток в этом плане был оснащен лучше, но тоже не на 100 %. Но все же крепости были достаточно мощными, и с Порт-Артуром

японцам потом пришлось повозиться. Вот с чем стороны подошли к войне.

Д. Пучков: Что-то как-то мы не очень активно китайцев грабили – крепость нормальную поставить не могли. Что это такое?

Б. Юлин: Да нет, поставить-то могли, но... Сейчас, например, строится стадион «Зенит Арена». Его что, технологии не позволяют закончить?

Д. Пучков: Миллиард за миллиардом, да.

Б. Юлин: Вот в Порт-Артуре было то же самое – воровали. То есть по отчетности все хорошо – на месте нету.

Д. Пучков: Немедленно вспоминается: на Кубе в Гаване какая-то испанская супер-пупер-крепость обошлась в такие деньги, что когда королю Филиппу в Испании сказали цену, он закричал: «Дайте мне подозрную трубу – за такие бабки ее отсюда должно быть видно!»

Б. Юлин: С Порт-Артуром в значительной мере получилось так же. Воровство там было потрясающее: например, постоянно воровали цемент, из-за этого в растворе было много песка, и иногда руками удавалось отломить угол бетонного каземата. Воровали не только при строительстве крепости, воровали в принципе везде. Кроме того, к военной подготовке подходили странно. Например, Куропаткин отмечал, что японцы плохо готовы, потому что бездуховны, то есть учатся любить Родину, императора и сражаться, а нужно верить в Бога. Поэтому на деньги военного ведомства, которых и так постоянно не хватало – тормозилась постройка крепостей, дорог, кораблей, – Куропаткин построил 51 церковь.

Д. Пучков: Молодец! Православные, честные люди, все как следует.

Б. Юлин: Куропаткин как раз с этим очень серьезно носился.

И наконец, о взрывчатке и снарядах. Ходит масса мифов о чудесной японской шимозе. На самом деле это, как уже говорилось, всего лишь японский вариант лиддита, это пикриновая кислота. Она не так уж сильно отличается от использовавшегося в русской армии и флоте влажного пироксилина, который тоже является высокобризантной взрывчаткой. В этом отношении мы ничуть не уступали японцам, в какой-то мере даже превосходили их: японцы чаще использовали боеприпасы с дымным порохом, чем мы. Вторая частность, которую потом всерьез объявляли чуть ли не причиной поражения в войне, – у нас были более легкие снаряды, чем у японцев. 12-дюймовый снаряд на японском броненосце весил 380 кг...

Д. Пучков: Солидно!

Б. Юлин: А наш – 330 кг. На самом деле это было связано как раз таки с тем, что пробил адмирал Макаров, когда был начальником Артиллерийского управления флота. Исходя из небольшой дистанции боя он предложил облегчить снаряды, чтобы обеспечить большую начальную скорость и настильность траектории на коротких дистанциях, то есть чтобы снаряд с большей вероятностью попадал в цель и лучше пробивал броню. Но так как дистанции боя к Русско-японской войне возросли, это вышло боком, потому что более легкий снаряд уже не точнее попадает в цель, а разрушений приносит меньше. Однако на самом деле это было не смертельно. А про крутую японскую шимозу часто рассказывают потому, что у нас на флоте были только бронебойные и полубронебойные снаряды: они рассчитывались на то, чтобы взорваться, пробив преграду. На это же рассчитывались наши капсюльные взрыватели Бринка. А японцы часто использовали взрыватели мгновенного действия, которые срабатывали даже при ударе о воду: бух, бах, все взрывается, спецэффекты как в голливудском фильме.

При этом у японцев были снаряды с тонкими стенками и со стенками потолще, то есть фугасные и полубронебойные, а у нас – со стенками потолще и с совсем толстыми, то есть полубронебойные и бронебойные. Поэтому наши взрывы были куда менее эффективны, но в общем-то не менее эффективны, чем японские: в целом воздействие на цель зависит от цели и попадания. Легенда о том, что мы проиграли из-за плохих снарядов, смахивает на неловкое оправдание. Позднее, в Первую мировую в России делали очень длинные и очень тяжелые снаряды, но выиграть это не помогло.

Д. Пучков: Не в снарядах дело, видимо.

Б. Юлин: В общем, снаряды были неплохие, следовало их правильно использовать, как и любое оружие.

Итак, какова картина в целом? У нас есть огромная армия, более многочисленный, чем у японцев, флот, но при этом на Тихом океане наши сухопутные силы в несколько раз меньше японских, а флот примерно равен японскому. Наш флот – более разношерстный и с большим процентом тихоходных кораблей, у японцев с этим получше, если не брать в расчет их китайские трофеи. Самое главное – японский флот составляют практически однотипные броненосцы и броненосные крейсера с примерно одинаковой, довольно высокой скоростью. На суше мы качественно отстаем от японцев только в том, что не имеем горной артиллерии. Зато японская полевая пушка гораздо хуже нашей. Вот с чем Россия и Япония приблизились к войне.

Д. Пучков: Дальше будет о том, как все прошло?

Б. Юлин: Да, я думал, что мы поговорим о самом ходе войны.

Д. Пучков: Ясно. Спасибо, Борис Витальевич. А на сегодня все. До новых встреч!

О боевых действиях Русско-японской войны

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Народ требует продолжения. Про японскую войну.

Б. Юлин: Про то, что к ней привело, поговорили. По вооруженным силам мельком, поверхностно, пробежались.

Д. Пучков: Ну если это поверхностно...

Б. Юлин: Поверхностно. Там есть о чем рассказать. Существуют целые монографии о каждом отдельном корабле, о той же самой пушке.

Д. Пучков: Боюсь, там отверзнутся бездны, если так углубляться.

Б. Юлин: Это реально. Так же кратенько мы пройдемся и по самой Русско-японской войне, потому что подробно рассказывать про войну, которая шла столько времени и с таким масштабом, можно до старости.

Д. Пучков: То есть сегодня мы уже переходим к конкретике, к боевым действиям?

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Отлично.

Б. Юлин: Японцы начали мобилизацию за несколько дней до начала войны. Она была скрытой: отмобилизованные силы перебросили к портам, произвели мобилизацию транспортного флота, чтобы было на чем перевозить войска. Мобилизовали часть быстроходных транспортов в качестве вспомогательных крейсеров, то есть занялись развертыванием заранее,

чтобы к моменту, когда начнутся боевые действия, ничто не мешало воевать. Поэтому те самые предложения, на которые Российская империя согласилась за день до нападения японцев, их уже абсолютно не интересовали. Информация о том, что японцы готовятся к войне, у нас в принципе была и местами даже сработала. 26 января, то есть перед самым нападением японцев, Владивосток, одна из двух наших крепостей первого ранга на Дальнем Востоке, была переведена на военное положение. Но по ней не ударили. Комендант во Владивостоке оказался толковым – но, к сожалению, только он. Японцы начали высадку в Корее – в соответствии с существовавшими ранее договоренностями. То есть Корея...

Д. Пучков: Разрешите, я перебежусь. Ты говоришь, что оказался толковым только владивостокский комендант. Но он же не в вакууме жил! По каким-то признакам он определил, что пора привести крепость в боевую готовность...

Б. Юлин: Да, по всей видимости.

Д. Пучков: Сообщил коллегам.

Б. Юлин: Да сообщать даже не надо, все остальные уже получили информацию.

Д. Пучков: Да, но...

Б. Юлин: Информацию о чем? Во-первых, о том, что японцы начали высаживаться в корейских портах. В соответствии имеющимися договоренностями они имеют право защищать там свои интересы и наводить порядок после японо-китайской войны. Но главное – перед самой войной японцы прислали пароходы в Порт-Артур и Владивосток и вывезли своих агентов из этих городов.

Д. Пучков: Сильно.

Б. Юлин: Во Владивостоке на это отреагировали, а в Порт-Артуре – нет. В Ляояне – тоже нет.

Д. Пучков: Молодцы.

Б. Юлин: И японцы, выведя в море боевые корабли еще до начала боевых действий, например, перехватили в Маньчжурии транспорт, который вез недостающий запасной боекомплект для русских кораблей в Порт-Артур. И обзавелись некоторым количеством неплохих русских бронебойных снарядов.

Д. Пучков: Калибр-то подходил?

Б. Юлин: В большинстве случаев подходил. В малом калибре у нас и у японцев были различия: 75 миллиметров и 76,2 соответственно. А снаряды 254 миллиметра, 152 миллиметра, 203 миллиметра – одинакового калибра.

Д. Пучков: Этот транспорт шел без боевой охраны?

Б. Юлин: А зачем боевое охранение в мирное время? С какой стати, на каком основании?

Д. Пучков: Даже не знаю. Вроде он снаряды везет, нет?

Б. Юлин: Мало ли, военные транспорты вообще много чего полезного возили. Ну вот, короче, снаряды достались японцам...

Д. Пучков: Просто повезло, а?

Б. Юлин: Можно сказать и так. Перед началом войны у японцев не было особенной возможности для маневра. В Красном море стоял (медленно брел к Порт-Артуру) отряд Вирениуса: броненосец «Ослябя», такой же, как «Пересвет» и «Победа», которые были в Порт-Артуре, крейсера «Аврора» и «Дмитрий Донской», 7 эсминцев, 4 миноносца – в общем, вполне приличный отрядик, который серьезно поддержал бы русскую Первую Тихоокеанскую эскадру. Японцы решили бить до того, как он придет. И вот они высаживают часть войска в Чемульпо (порт Сеула, по сути). Положение Кореи было достаточно своеобразным, как и у других завоеванных государств во всем мире. Великие державы держали там стационаров для защиты своих интересов.

Д. Пучков: Что такое «стационар»?

Б. Юлин: Это канонерская лодка либо крейсер, который приходит в зарубежный порт, встает на якорь и держит флаг, обеспечивая защиту своих граждан, своих дипломатов.

Д. Пучков: Чтобы все видели, что он тут есть?

Б. Юлин: Да, это называлось политикой канонерок – демонстрировать флаг и пугать аборигенов. В данном случае аборигенами выступали корейцы. В порту Чемульпо стояли французский, английский, американский, японский, итальянский и русский корабли. Русских было даже два. Сначала там стояли крейсер «Боярин» 2-го ранга и канонерская лодка «Кореец». Но прибыл английский крейсер «Тэлбот», которым командовал аж капитан 1-го ранга, и старшим на рейде, получается, становился английский капитан. После этого наши срочно делают финт ушами: отзывают «Боярин» и присылают «Варяг», крейсер 1-го ранга, более высокого ранга, чем у английского «Тэлбота», под командованием Руднева, у которого ранг больше по выслуге лет. Старшим на рейде становится Руднев. Так как времени не остается, англичане не заморачиваются с присылкой нового корабля и производят командира «Тэлбота» в командоры.

Д. Пучков: Повышают в звании, да? Чтобы он главнее был.

Б. Юлин: Да, чтобы он главнее был, потому что в этом случае информация идет через него, и кроме того, решения на рейде стационары принимают под его контролем.

Д. Пучков: Ловко.

Б. Юлин: И вот старшим на рейде становится английский командор Бейль. В этом же порту стоит японский крейсер «Чемульпо», тоже стационар. Приходят японские транспорты, высаживают пехоту, которая берет под контроль Чемульпо. И этому никто

помешать не может, потому что мешать можно, только если стационаеры решат, что их интересы задеты. А старший на рейде – англичанин.

Д. Пучков: Который этому только рад, да?

Б. Юлин: Да. А остальным в достаточной мере все равно. И вот японцы высаживают десант, после чего японский крейсер «Чиода» уходит. Это тоже сигнал, который, правда, уже передать толком не получалось, потому что японцы захватили еще и телеграф. Японцы высадились, Владивосток приведен в боевое положение, в Порт-Артуре никто не чешется. Эскадра стоит на внешнем рейде. Там была своя специфика. В Порт-Артуре очень узкий вход на внутренний рейд. До войны постоянно шли споры: адмирал Макаров, например, кричал, что нужно базировать корабли на внутреннем рейде, а ему отвечали, что можно легко заблокировать выход из этого рейда брандерами, то есть просто перекрыть его.

Д. Пучков: Брандер в тогдашнем понимании – это что такое?

Б. Юлин: Судно-смертник – такое, которым жертвуют для чего-то. Тогда брандерами назывались, например, транспорты самых разных размеров, предназначенные, чтобы закупорить узкий проход.

Д. Пучков: То есть его можно было затопить, и никто бы не выжил?

Б. Юлин: Ну если не подымут и не оттащат в сторону. И так, Макарову говорили, что можно закупорить флот на внутреннем рейде, а он отвечал, что на внешнем рейде его зато можно безнаказанно атаковать. И вот японцы отправляют к Порт-Артуру отряд из 10 эсминцев, а еще 8 эсминцев посылают к Дальнему, потому что не знают, где точно застанут русские корабли. Из 10 эсминцев Порт-Артур атакуют 8, выпустив ночью 16 торпед. Японцам было очень удобно, потому что русские корабли стояли на внешнем рейде и

старательно светили в море прожекторами, чтобы в случае чего увидеть атаку. Ну, японцы по этим прожекторам и ориентировались. Правда, японцы стреляли не слишком метко. Торпеды тогда были не очень совершенны. Из 16 торпед попало в цель только три.

Д. Пучков: Все равно много.

Б. Юлин: Много. Были поражены два самых лучших наших броненосца – «Ретвизан» и «Цесаревич», а также бронепалубный крейсер «Паллада». Все три корабля остались на плаву, но были надолго выведены из строя. А на следующее утро произошло сразу два боя. Один – в Чемульпо, бой «Варяга» с японцами, второй – у Порт-Артура, столкновение нашей эскадры с главными силами японского флота. Японский отряд, состоящий из 6 броненосцев, 5 броненосных крейсеров и 4 самых лучших бронепалубных крейсеров, подошел к Порт-Артуру. Наша эскадра – оставшиеся неповрежденными 5 броненосцев и бронепалубные крейсера – вышла навстречу японцам и, действуя под прикрытием русских береговых батарей, устроила бой на контркурсах (встречных курсах). Как раз такому методу боя русские моряки были хорошо обучены. В ходе достаточно короткой перестрелки корабли обеих стран пострадали мало. Кстати, японцам досталось сильнее, так как с нашей стороны было больше попаданий. И адмирал Того решил не рисковать. Ночью он получил от эсминцев доклад, что большая часть русской эскадры уничтожена, и пришел добивать остатки. А вместо остатков его встретила большая часть эскадры, вполне способная вести бой. Того отошел от Порт-Артура.

В это же время в Чемульпо эскадра адмирала Уриу, состоящая из 4 бронепалубных крейсеров, была усилена броненосным крейсером «Асама», самым мощным из эскадры Уриу, и мелким крейсером «Чиода», как раз тем самым японским стационаром. В итоге 6 крейсеров, а

также 4 крупных и 4 малых миноносца – против нашего «Варяга» и канонерской лодки «Кореец». Японцы присылают в Чемульпо ультиматум: «Либо сдавайте корабли, либо мы зайдем на рейд и расстреляем вас внутри. Нейтралитета в Корее больше не существует, а между нашими странами идет война». На совещании стационаров Руднев объявляет, что он со своими кораблями будет драться. Уриу ждет снаружи, за пределами рейда Чемульпо. «Варяг» с «Корейцем» выходят, происходит достаточно короткий бой: наши корабли попадают под довольно серьезный обстрел со стороны японцев и после полученных повреждений возвращаются. «Варяг» был заметно поврежден и понес довольно большие потери в личном составе. По возвращении в Чемульпо он открыл кингстон и был затоплен, а «Кореец» взорвали. Кстати, после этого боя было много заявлений о том, что японский крейсер затонул, англичане опубликовали крейсер «Такачихо» из эскадры Уриу в траурной рамке, также сообщали, что затоплено два японских миноносца. Непонятно, то ли это журналисты так постарались, как часто бывает, то ли сознательная дезинформация. В действительности у японцев потерь в кораблях не было. Миноносцы даже в атаку не выходили.

Д. Пучков: Песня «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”» – про это?

Б. Юлин: Про это. Кстати, песня сначала появилась у немцев, на немецком языке, потом была переведена на русский. У нас этот случай сразу объявили невероятным, чудесным подвигом. На самом деле... Моряки, включая офицеров, сражались действительно мужественно, но подвигом этот бой назвать, на мой взгляд, невозможно. Корабли не бились до последнего, до истощения всех средств для ведения боя. Они вернулись в порт и были затоплены своими экипажами. Что в этом особенно героического, я не знаю. Но

Российской империи нужен был подвиг для поднятия патриотических настроений в начале войны. Бой «Варяга» был использован для этого. Японцы получают превосходство на море: «Варяг», один из лучших крейсеров 1-го ранга, потоплен, крейсер 1-го ранга «Паллада», а также броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» выведены из строя. Японцы начинают стремительно разворачивать войска в Корею. Там высаживаются уже главные силы первой армии под командованием генерала Куроки - около 60 тысяч человек.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Наш флот ничем японцам не мешает. Правда, в это же время пытается действовать владивостокский отряд крейсеров: в первый же день войны он выходит в море, нацелившись на японские коммуникации в Корейском проливе, но дойти туда не может, потому что попадает в зимний шторм. Корабли серьезно повреждены, плюс к этому вода попала в стволы орудий, там образовались ледяные пробки, и отряд оказывается небоеспособен. Ему приходится идти во Владивосток и сделать специальные змеевики на стволы, чтобы с помощью пара выбить эти пробки.

Д. Пучков: Извините за глупый вопрос, у них что, никаких заглушек нет?

Б. Юлин: Были, но корабли шли в боевом положении, в любую секунду готовясь встретиться с противником.

Д. Пучков: В шторм. Оригинально...

Б. Юлин: Оригинально. Там было много таких интересных нюансов. Начало получилось абсолютно гениальным. По крайней мере, отряд владивостокских крейсеров, в отличие от порт-артуровской эскадры, сразу вышел в море, выполняя боевую задачу, хоть и не смог ее выполнить.

Д. Пучков: Я, конечно, не знаю, но, может, какой-нибудь брезентовый намордник, пропитанный маслом, помог бы закрыть ствол?

Б. Юлин: Были специальные штатные заглушки, которые должны закрывать стволы, но они были сняты.

Д. Пучков: Бардак. Куда смотрел боцман?

Б. Юлин: Боцман не отдает такие приказы, он их выполняет. Ему сказали, чтобы заглушки были сняты, – их сняли.

Сразу же после ночной атаки японцев на Порт-Артур, когда информация пришла в Петербург, Николай II издал манифест об объявлении войны Японии. Это важно: войну Японии объявили мы – но в ответ на нападение без объявления войны. Для японцев с их этим вот самурайским менталитетом оно было не подлостью, а военной хитростью. К подобным вещам они относились спокойно. Прийти к кому-нибудь в гости и внезапно зарезать – это доблесть, а не предательство.

Д. Пучков: Я тебе так скажу: знаешь известную картинку, на которой сидит такой японский дедушка? Это Морихей Уэсиба, который придумал айкидо. Если я правильно помню, он весил 80 кг, для японца это серьезный вес мускулистого, очень крепкого мужчины. Ну и, соответственно, он изучал всяческие боевые искусства. В те времена это означало ходить от одного заведения к другому и биться с руководителями. Если он тебя побеждал, ты у него чему-то учился. Морихей много чему научился и в конце концов придумал айкидо, главный принцип которого – никогда не бить первому. Надо спровоцировать противника, а потом уже ловко перенаправить его силу и прочее, и прочее. Но замечу, подобные вещи хороши, когда тебе уже 50 лет, ты прошел «Крым, Рим, медные трубы» и все на свете, получил боевой опыт и все такое. В нормальной жизни всегда надо бить первым, так, чтобы с одного удара гражданин... того. Ты один раз стукнул, противник

прекратил сопротивление, и на этом драка, собственно, закончена.

Б. Юлин: Для японцев начинать войну без объявления войны было в принципе нормой. Для нас это оказалось некоторой неожиданностью. Мы с Японией воевали впервые. На второй день войны...

Д. Пучков: Я опять, извини, перебую. Значит, не было людей, которые понимали менталитет японцев, знали, как с ними обращаться, предполагали, чего от них в какую минуту ждать. Не рассказывали всем прекраснодушные сказки о том, какие мы хорошие и правильные, а от этих подлецов-азиатов можно ждать чего угодно...

Б. Юлин: К сожалению, наше правительство тогда плохо понимало менталитет даже собственного народа, не то что японского.

Д. Пучков: И не только тогда.

Б. Юлин: Поэтому то, что они плохо понимали японцев, – это уже, извини, дело десятое. На второй день войны император Николай II принял в Зимнем дворце депутацию петербургского губернского земства, которая поднесла Николаю патриотический верноподданнический адрес. «Санкт-Петербургское губернное земство, в скорбном негодовании на дерзкое нарушение самонадеянным врагом любовно охранявшегося Вами мира, как один человек, сплачивается у отца нашей Родины. Непоколебимо величие России и ее монарха. Да благословит Господь подвиги победоносных войск Ваших, Государь, и да сохранит он драгоценные силы и здоровье Ваше». В ответ Николай II заявил: «Меня очень утешают в переживаемое нами трудное время единодушные выражения патриотизма, доходящие до меня из самых отдаленных местностей России. Уповая на помощь Божью и глубоко веря в наше правое дело, я твердо убежден, что наши войска и флот сделают все, что

подобает доблестному русскому воинству, для поддержания чести и славы России». Кстати, в этот же день появился рескрипт императора Японии об объявлении войны России.

Д. Пучков: А зачем этот адрес? Что он должен выражать?

Б. Юлин: Моральная поддержка власти. Все сплотились вокруг императора в результате подлого нападения японцев.

Д. Пучков: Ну, сейчас про такую формулировку сказали бы: «Мощно лизнул».

Б. Юлин: В общем-то, да. Это было особенностью самодержавной монархии: вовремя прогнуться перед императором – реально выгодно.

Д. Пучков: И очень важно.

Б. Юлин: Нет, ну на самом деле урапатриотический подъем в первый момент был довольно серьезный. Настолько серьезный, что даже сторонники введения в стране конституции и конституционных преобразований объявили, что на время войны снимают все свои требования.

Д. Пучков: Ты смотри. Та-ак. И что же дальше?

Б. Юлин: Итак, ситуация. Японцы напали на корабли на внешнем рейде, повредив лучшие в эскадре. Значит, Макаров был прав. Адмирал Старк получает пинка под седалище, и командующим Тихоокеанским флотом назначается адмирал Макаров. Но при этом если Старк командовал тихоокеанской эскадрой, то Макаров сразу получает пост выше. Ему дают очень большие полномочия и назначают командующим Тихоокеанским флотом. Под это дело он выбивает целую кучу разных привилегий. Например, добивается, чтобы за государственные деньги издали его труд по тактике флота, чтобы ему отдали прекрасных кораблестроителей, в том числе лучшего из них на тот момент в стране Кутейникова. Получает кучу

дополнительных полномочий и отправляется в Порт-Артур, куда через месяц и прибывает. В этот месяц в Корею вступают не только японские войска, но и наши, – но если у японцев там сосредоточены большие силы, то у нас лишь сравнительно небольшой конный отряд Мищенко, чьи конные разъезды доходят до Пхеньяна. Там и происходят первые стычки, типа «20 японских разведчиков сталкиваются с отделением наших казаков», то есть речь идет о схватке 20 человек с 15 противниками. Но действия в Корее ведут обе стороны, причем наши, чтобы войти на территорию Кореи, разогнали корейских пограничников, которые против этого протестовали. У нас тоже начинается мобилизация на Дальнем Востоке, а русского военного министра Куропаткина, который считается в это время крутым стратегом, император назначает командующим создающейся маньчжурской армией. Тот отправляется на место, имея уже готовый план войны. Что интересно, по-настоящему внятных планов не было ни у сухопутного командования, ни у морского, а те, что имелись, были достаточно абстрактны, построены на довольно спорных предпосылках. Допустим, Куропаткин заранее предположил, где должны высаживаться японцы, но они высадились совсем в другом месте. Тем не менее Куропаткин действовал в соответствии с первоначальным планом.

Д. Пучков: Не собьешь, да?

Б. Юлин: Это да. Упорный был.

Д. Пучков: «Но инструктор – парень-дока, на ходу попробуй срежь».

Б. Юлин: Но самое печальное и удивительное, что планы морского командования и сухопутного командования вообще не пересекались и не были никак согласованы. Оба командования друг друга даже не информировали о том, что собираются делать.

Д. Пучков: Отлично. А единое руководство отсутствовало?

Б. Юлин: Да. И так, пока Макаров пытался добраться до Порт-Артура, японцы провели первую операцию по блокированию русского флота в Порт-Артуре: собрали несколько транспортов-брандеров и попытались закупорить вход в Порт-Артур. Не получилось. Отчасти, кстати, нам помогло то, что японцы удачно повредили «Ретвизан» – у него сильно возросла осадка из-за принятой воды, и он сел на мель прямо на входе на внутренний рейд, оказавшись очень мощной батареей.

Д. Пучков: Никого не подпускал.

Б. Юлин: Да. Подойти было нереально. До и после прибытия Макарова японцы провели общим числом три операции по блокировке рейда и в ходе только одной из них сумели хотя бы приблизиться к входу на рейд. Один раз они просто промахнулись. После начала войны, после той внезапной атаки японских эсминцев российские войска приняли очень жесткие меры по обеспечению светомаскировки. В итоге рейдеры перлись к рейду в полной темноте. Сами они светить тоже, разумеется, не могли. А навигационная подготовка у японцев была не на самом высоком уровне, им не хватало такого опыта мореплавания, как, допустим, у русских и тем более английских моряков.

Д. Пучков: Вообще круто. Морская держава...

Б. Юлин: Япония в это время была молодой морской державой. До свержения сегунов японцам вообще в море выходить запрещалось. Только рыбаки ловили рыбу, и то...

Д. Пучков: Мало там чего наберешься, да? Гадостей каких.

Б. Юлин: Мало ли чему научишься у этих подлых европейцев и прочих американцев. И так, начали разворачиваться наши силы: стал пополняться гарнизон

Порт-Артура, наконец-таки принялись устанавливать на сухопутных позициях орудия, срочно достраивали форты и укрепления – делалось то, что нужно было сделать до начала войны и что, по словам Куропаткина, было уже сделано (в действительности – нет). На границу с Кореей был выдвинут отряд в 19 тысяч человек под командованием генерала Засулича.

Итак, заблокировать русский флот в Порт-Артуре не удалось. Адмирал Макаров начал активную работу по повышению боевой подготовки флота, регулярные входы-выходы в высокую-малую воду, что реально подняло дух войск: люди теперь были при деле.

Д. Пучков: Прибыл нормальный военачальник, да?

Б. Юлин: Но при этом все действия Макарова были не слишком связаны с тем, что происходило в военной действительности. Допустим, японцы – вторая армия Оку – высаживаются на юге, в Корее, захватывают район, создают базу, сосредотачивают там транспорт и сухопутные силы. А самые дальние выходы миноносцев, по приказу Макарова, допустим, шли к островам Алеут. То есть далеко не убегали. Это был первый минус. Никакого реального противодействия японцам русский флот под командованием Макарова не оказывал. А учения стали выходить несколько боком, потому что обучать флот в боевой обстановке означает определенные риски. Согласно первоначальному предварительному плану, нужно было беречь военно-морские силы до прихода эскадры из Балтики, Балтийского флота. В результате должно было получиться численное превосходство, при помощи которого мы бы разгромили японцев. При адмирале Макарове во время одного из учебных выходов броненосцы «Севастополь» и «Пересвет» столкнулись, получили повреждения и на некоторое время были выведены из строя. Затем Макаров допустил довольно грубую ошибку. Однажды он отправил в море эсминцы,

и в результате эсминец «Стерегущий» был потерян. Макаров выходил на помощь этому эсминцу на легком крейсере «Новик» – решительно, храбро, морякам это понравилось, но эсминца мы в итоге лишились. Затем при приближении японцев Макаров выходил с флотом в море и маневрировал, ходя восьмеркой в зоне действия нашей береговой батареи. Японцы не решились заплывать далеко, понаблюдали, ушли. Затем, когда наши эсминцы снова вышли, японцы перехватили эсминец «Страшный», Макаров опять отправился ему на помощь, вывел флот, чтобы занять позицию, и пошел тем же маршрутом, что и раньше. Но перед тем, как подойти к Порт-Артуру в предыдущую ночь, японцы провели минную постановку – поставили минную банку там, где в прошлый раз ходил Макаров. А он снова двинулся тем же маршрутом.

Д. Пучков: Опять была проявлена азиатская хитрость. Та-ак.

Б. Юлин: В результате броненосец «Петропавловск», на котором находился Макаров, подрывается на mine, сам Макаров погибает на «Петропавловске», как и его друг, художник Верещагин.

Д. Пучков: Это который «Апофеоз войны»?

Б. Юлин: Да. Они были старые друзья, вместе участвовали еще в русско-турецкой войне. Итак, адмирал Макаров погибает, а по возвращении эскадры подрывается на mine еще и броненосец «Победа». В результате командования адмирала Макарова был обеспечен подъем морального духа на месяц, народ долго рассуждал о том, как прекрасно все было при Макарове, дескать, если бы он остался командующим, то японцев мы бы точно победили. Но факт остается фактом: адмирал Макаров, прибыв в Порт-Артур, принял 5 броненосцев, а когда он погиб, у нас осталось 2 боеспособных броненосца и 1 броненосный крейсер.

Для сравнения: у японцев 6 броненосцев и 6 броненосных крейсеров.

Д. Пучков: А как вообще расценивается вот это хождение одним и тем же путем через заминированные банки?

Б. Юлин: Как ошибка. Никогда нельзя повторять одно и то же действие на виду у противника. Ты оказываешься предсказуемым. Противник, зная, как ты будешь действовать, принимает меры.

Д. Пучков: Ну, собственно, и принял.

Б. Юлин: У нас Макарова считают великим, гениальным флотоводцем, но до Русско-японской войны он ни разу не командовал соединением кораблей. Поэтому какой он флотоводец, было неизвестно. И японцы поймали его на грубом промахе.

Д. Пучков: Мрачно. Получается, что силы уже совсем не равны.

Б. Юлин: Совсем не равны. Японцы начинают высадку в Бицзыво. Сначала происходит сражение на реке Ялу: приходит первая армия генерала Куроки и сбрасывает с позиций отряд генерала Засулича. Восемнадцать тысяч русских против 35 тысяч японцев, у которых, к тому же, трехкратное превосходство в артиллерии.

Наши растянулись на господствующих высотах вдоль берега реки. Имея численное превосходство, японцы сковывают их боевыми действиями на фронте и одновременно силами целой дивизии осуществляют фланговый обход. Наш отряд был полностью разбит, одному из полков пришлось вообще прорываться в штыковую, потому что он попал в окружение. Кроме того, русские бросили на поле боя часть артиллерии и все имевшиеся пулеметы. Восемь пулеметов Маньчжурской армии были в отряде Засулича, и все они достались японцам. Кстати, в этом сражении наши столкнулись с одной, скажем так, досадной мелочью в

материальном оснащении армии, о которой до войны даже не задумывались. Дело в том, что первыми на форму цвета хаки перешли англичане. Японцы с 1902 года учатся у англичан. И у них была маскировочная форма. А наша...

Д. Пучков: Красивая.

Б. Юлин: Ну как красивая. Белые гимнастерки, черные штаны, черные сапоги, белые фуражки с черным околышем. Великолепно видна абсолютно на любой местности и в любое время года. Ну и... И вот здесь это тоже сказывалось на потерях. Японские стрелки очень хорошо видели наших солдат, а вот наши японцев – несколько хуже. Большой роли цвет формы, конечно, не играет, но когда таких мелочей накапливается много, они сказываются на потерях довольно заметно. В данном случае наши потери были в 2,5 раза больше, чем у японской стороны, и мы были вынуждены отступить с рубежа реки Ялу, а японцы стали продвигаться вглубь Манчжурии с фланга. Чуть позже в Бицзыво высаживается вторая армия генерала Оку. Флот помешать не может из-за соотношения сил. После гибели Макарова командовать флотом назначают адмирала Скрыдлова, а броненосной эскадрой – адмирала Безобразова, но оба военачальника еще не прибыли на театр военных действий. Кстати, они придут почему-то во Владивосток, а не в Порт-Артур. А здесь есть Витгефт, контр-адмирал, которого делают временно исполняющим обязанности командира эскадры без права самостоятельного принятия кадровых решений: он не может ни поставить кого-то на должность, ни снять. В итоге корабли оказываются в одном месте, а командование – в другом.

Д. Пучков: Грамотно, что сказать.

Б. Юлин: Да, все как положено. Зато во Владивостоке на 3 броненосных крейсера – 3 адмирала.

Д. Пучков: Отлично.

Б. Юлин: Итак, японцы высаживаются в Бицзыво, флот помешать не может, да в общем-то и не пытаются. Но высадку японцев прерывает погода. Начинается шторм, и сравнительно небольшой японский отряд передовой оказывается на берегу. Наши силы из гарнизона Порт-Артура, которые находятся поблизости, наблюдают за высадкой, но никак японцам не мешают, то есть японцев в море не сбрасывают.

Д. Пучков: А почему? Война же вроде бы...

Б. Юлин: Им приказано наблюдать - они и наблюдают. Именно так обстояли дела с инициативой в русской армии и флоте. Вы говорили о загнивании империи и так далее - это оно самое: никому ничего не нужно.

Д. Пучков: И так прокатит, да?

Б. Юлин: Ну да. Стоят, наблюдают. Неподалеку находились силы генерала Фока, который командовал одной из двух порт-артурских дивизий, но японцы так и остались не атакованы. Шторм закончился, генерал Оку продолжил высадку, японцы двигаются к Порт-Артуру и натываются на Цзиньчжоускую позицию. Дело в том, что Порт-Артур находится на оконечности Квантунского полуострова. В самом узком месте Квантунского полуострова была расположена старая китайская крепость Цзиньчжоу, а дальше находилась укрепленная линия, которая перегораживала этот перешеек, его занимал Пятый Сибирский полк. Подходит японская армия в составе 3 дивизий, 35 тысяч человек. Полк насчитывает свыше 3,5 тысячи человек, то есть почти в 10 раз меньше. Сзади, на Нангалинских позициях, стоит отряд генерала Фока, 17 тысяч человек. И вот японцы целый день штурмуют позиции под Цзиньчжоу, несут большие потери - когда нет времени и осадной артиллерии, атаки на укрепленную позицию связаны с большими потерями, особенно если сразу взять ее не удастся. А крепость атакуют раз за разом, а взять все

не получается... С одной стороны, со стороны залива Талиенвань, наши войска поддерживают русские, а с другой стороны, где залив Цзиньчжоу, японский флот поддерживает японцев. И вот к вечеру, так и не получив помощи и подкрепления, Пятый Сибирский полк оставляет позицию. Потери колоссальные, держаться дальше невозможно. Отряд генерала Фока без боя отходит дальше. В итоге японцы берут Цзиньчжоускую позицию, начинают выдвигаться к Порт-Артуру, а главное, без боя захватывают совершенно целый, новейший, только что построенный порт Дальний. И начинают там высаживать подкрепление – третью японскую армию под командованием генерала Ноги, который должен как раз захватывать Порт-Артур.

Д. Пучков: Знаешь, мы, по-моему, еще даже до основных событий не дошли, а у меня такое чувство, что все командование давно пора расстрелять.

Б. Юлин: Нет, ну посмотри, как действуют японцы. Генерал Куроки, имея превосходство, наступает на Порт-Артур. У нас войск в это время еще не больше, чем у японцев, пожалуй, несколько меньше. Но общее соотношение сил на театре военных действий примерно равное. И вот высаживается армия генерала Оку. В тылу у нее находятся русские войска, Куропаткин, гарнизон Порт-Артура. Прикрывшись одной дивизией от Куропаткина, Оку тремя дивизиями штурмует Цзиньчжоускую позицию и не получает удар в тыл. Затем, взяв Цзиньчжоускую позицию, он оставляет незначительные силы для прикрытия Дальнего на ней, а главными силами двигается на север, навстречу идущему на деблокаду Порт-Артура корпусу генерала Штакельберга. При этом наместник Дальнего Востока, который вроде бы осуществляет верховное командование и координацию, Алексеев, требует от Куропаткина послать 4-5 дивизий для деблокады Порт-Артура. Напоминаю, у генерала Оку всего 4 дивизии. В

Порт-Артуре сидит 2 дивизии. Если придут 4-5, то мы получим превосходство и, скорее всего, сумеем отбросить японцев, деблокировав Порт-Артур. Куропаткин управляет 2,5 дивизии и отправляет заведомо меньшие силы, чем у противника. Порт-артурский гарнизон в это время ничего не делает. А Штакельберг сталкивается с превосходящими японскими силами, с генералом Оку, в результате чего происходит сражение под Вафангоу. Наши выдерживают фронтальные бои с японцами, но японцы начинают обходить русское войско с флангов, и Штакельберг, опасаясь окружения, отступает. Уже второе после реки Ялу полевое сражение проиграно. И как же объясняет неудачу похода Штакельберга для деблокады Порт-Артурского Куропаткин? Он говорит, что сил явно не хватило, потому что было послано всего две дивизии. В ответ Алексеев в переписке с ним спрашивает: «А почему было послано две, когда я просил послать четыре-пять?»

Д. Пучков: Что сказал Куропаткин?

Б. Юлин: Не ответил. Проигнорировал.

Д. Пучков: Атака.

Б. Юлин: Я говорю, чем дальше, тем интересней. Развертывается третья армия генерала Ноги. Происходят бои на Зеленых горах. Японцы медленно, довольно долго идут к Порт-Артурсу – это занимает у них 2 месяца, в течение которых одну армию постепенно заменяют другой. Затем – бои на перевалах, достаточно упорные, в ходе них японцы несут потери в 3 раза большие, чем у наших войск. Но в итоге...

Д. Пучков: Задачу решили.

Б. Юлин: Да. Наши войска отошли на Волчьи горы – японцы захватили эти позиции сходу, с налета, затем подобралась к оборонительным рубежам самой крепости Порт-Артурс и наконец приступили к полной осаде. Но вот что интересно. Когда японцы готовились к

первому штурму, гарнизон Порт-Артура составлял 51 тысячу человек, армия Ноги – 40 тысяч человек. То есть особого превосходства японцев не наблюдалось. И что же происходит?

Тут важна личность Куропаткина. Он был поклонником Наполеона, великим стратегом, рассуждавшим о действиях на внутренних коммуникационных линиях по его примеру. Как Наполеон, допустим, при Аустерлице громил русскую армию? Он подождал, пока русско-австрийские войска наполовину окружают его, то есть растянут фронт, а затем, держа свои силы «в кулаке», нанес удар по центру и разгромил противника, не имея численного превосходства. Куропаткин мечтает о том же. Одна японская армия движется на Порт-Артур, еще одна наступает с юга, вдоль железной дороги в направлении Ляояна, третья – то есть первая армия генерала Куроки – подходит со стороны Кореи через горы, оперативной связи между японскими армиями нету. Начинает высаживаться еще одна армия генерала Нодзу, которая также не имеет связи с другими. Японские силы без оперативной связи наступают по сходящимся направлениям к одной точке, к Ляояну.

Д. Пучков: Даже гонцов не посылают?

Б. Юлин: Нет, связь как возможность обмениваться информацией у них есть. Нету возможности помочь друг другу резервами, перебросить силы из одной армии в другую. Куропаткин имеет шанс разбить их по отдельности. Вместо этого он начинает постепенно стягивать силы к Ляояну. Под Ташичао японская армия Оку подошла к позициям наших главных сил под командованием Куропаткина и начала их атаковать без особого успеха, производя скорее разведку боем. Однако наши войска ушли из Ташичао. Почему это было катастрофично для русской армии? Оставление Ташичао отдало в руки японцев порт Инкоу, который

позволял легко, по короткой коммуникационной линии, снабжать наступающую армию Оку. Но Куропаткин все равно оставляет его, по сути, без боя.

Кстати, во время боя Засулича под Ялу сам Куропаткин находился в Ляояне и требовал, чтобы ему обо всех происходящих событиях немедленно сообщали телеграммами. И пытался управлять войсками из Ляояна – до уровня батальона.

Д. Пучков: Просто гениальный военачальник.

Б. Юлин: Да. Зачем нужны были командиры полков, дивизий, корпусов – непонятно. Им он командовать не давал. Тем временем события развиваются, японцы устраивают первый штурм Порт-Артура – крепостных укреплений, о которых я говорил. Первый форт полностью достроен, второй и третий уже готовы к бою. Но шестого форта еще просто нет, пятый представлен только фундаментом. Японское войско при первом штурме насчитывает 40 тысяч человек, гарнизон, напомним, – 51 тысячу человек. Японцы отчаянно, ожесточенно несколько дней штурмуют город. В процессе они потеряли убитыми и ранеными 12 тысяч человек. Потери гарнизона – 3 тысячи.

Д. Пучков: Тоже прилично.

Б. Юлин: Но 3 тысячи и 12 тысяч! И при всех людских потерях (осталось 28 тысяч боеспособных солдат) японцы вдобавок израсходовали практически все запасы артиллерийских стрелковых боеприпасов. Наши объявляют отбитие первого штурма нашей блестящей победой: гарнизон составляет 48 тысяч человек, имеет запасы боеприпасов. При этом никому даже в голову не приходит мысль, что можно нанести контрудар по осаждающей армии.

Д. Пучков: Дерзкая вылазка...

Б. Юлин: Даже в мыслях нет ни у кого. Ни душа обороны Порт-Артура генерал Кондратенко, ни часто восхваляемый нашей литературой командующий

артиллерией генерал Белый, никто из героев даже не предлагает нанести контрудар по полностью обескровленной осадной армии.

Д. Пучков: Какие-то военные гении прямо.

Б. Юлин: Дело уже не в военном гении, а в психологии. В это время идут бои на подступах к Ляояну, где Куропаткин продолжает оттягивать свои войска назад. Японцы опять создают угрозу флангам отряда Бильдерлинга, и тот отходит к Ляояну – опять же по приказу Куропаткина, который вновь пытается командовать каждым батальоном. С позиций под Хайченом наши войска тоже отступают к Ляояну, несмотря на то, что японцы не добиваются при атаках ни малейшего успеха. Утерян последний шанс разгромить японские войска по частям. После отхода к Ляояну армия Куроки присоединилась к армиям Оку и Нодзу: японцы наконец совместили свои силы. Кстати, когда они подходили к Порт-Артуру, первая тихоокеанская эскадра получила приказ на прорыв во Владивосток. Понятно, что если город падет, то погибнет вся броненосная эскадра, – и решение прорваться через Цусимский пролив во Владивосток выглядит весьма разумно. Эскадра выходит в море, но у Витгефта есть довольно четкий приказ: прорываться во Владивосток, избегая боя.

В это время соотношение сил, кстати, благодаря командованию Витгефта, в значительной мере изменилось. Во-первых, отремонтировали поврежденные корабли, и теперь у нас было 6 броненосцев в строю. Японский флот удалось ослабить. После того как погиб адмирал Макаров, японцы начали обстреливать Порт-Артур, контролируя ближние подступы к нему. Надо отметить, они тоже ходили все время одним и тем же маршрутом – правда, в международных водах, где минировать нельзя. Поэтому минной опасности они не боялись. И вот командир...

Д. Пучков: Тут-то им русские, известные своей порядочностью, в международных водах заложили мины?

Б. Юлин: Нет. Дело было так. К трусливому адмиралу Витгефту, который всего боится, приходит командир минного заградителя «Амур» и предлагает поставить мины на пути движения японских кораблей. Витгефт говорит: «Да, мины нужны, но их нельзя ставить в международных водах, поэтому поставьте в наших территориальных. И смотрите, не промахнитесь там, на море такой сильный туман. Главное, не промахнитесь!»

Тумана никакого не было, «Амур» в сопровождении двух эсминцев отправился ставить мины, разумеется, заблудился, промахнулся и поставил мины там, где проходили японцы, – якобы вопреки приказу Витгефта. Японцы потеряли на этих минах 2 броненосца и крейсер «Такасаго». Кроме того, из-за гениального японского маневрирования броненосный крейсер «Касуга» протаранил крейсер «Иосино» и утопил его. Черная неделя выпала на долю японского флота. Были потеряны 2 броненосца, 2 броне-палубных крейсера, несколько канонерских лодок, авизо.

Д. Пучков: Тоже хорошо сложилось, да?

Б. Юлин: Да. В результате у Того для блокады Порт-Артура 4 броненосца и 4 броненосных крейсера против 6 русских броненосцев. Силы, в принципе, уже вполне сравнимы, можно дать бой. Но Витгефт имеет приказ прорываться в Порт-Артур, избегая боя. Поэтому когда он выходит в первый раз, и появляется японский флот...

Д. Пучков: Он видит, что будет бой, да? И назад.

Б. Юлин: Да, и возвращается назад.

Д. Пучков: Молодец.

Б. Юлин: После чего получает жесточайший втык и строгий указ, уже за подписью императора: идти, не

возвращаться, но опять же не вступать в бой.

Д. Пучков: Да, и?!

Б. Юлин: Витгефт все-таки отправляется в бой, происходит сражение в Желтом море. Во время этого боя Витгефт находится на верхнем мостике, а не в боевой рубке флагманского броненосца.

Д. Пучков: В чем смысл?

Б. Юлин: По-моему, в этот момент ему уже все было по барабану. Чем бы ни закончилось, все равно идти под суд. Он же нарушил приказ – не один, так другой. И вот он ведет корабли в бой. Вначале наша эскадра выигрывает, то есть прорывается мимо японцев из-за их ошибок в маневрировании. Но это не помогает, потому что у японцев больше эскадренный ход, и нас все равно догоняют. Начинается перестрелка. При этом наибольшие повреждения получают не русские корабли, а японские, флагманский броненосец «Микаса». Но он достаточно крепок. Сам Того находится в боевой рубке, но вокруг него значительная часть штаба уже полегла убитыми и ранеными.

Д. Пучков: А боевая рубка бронированная?

Б. Юлин: Да. Но там есть амбразуры, в которые все равно залетают осколки. Большая часть артиллерии на «Микасе» выведена из строя. Из-за повреждений кораблей, особенно флагманского броненосца, и расхода боекомплекта Того уже готов отдать приказ выйти из боя. Но дело в том, что Витгефт к этому времени был убит осколком снаряда. При этом, зная, каково остальное командование, принявший командование флагманским броненосцем «Цесаревич» офицер запрещает информировать о гибели адмирала, то есть корабль просто идет как шел. В этот момент снаряд попадает в боевую рубку и рули заклинивает в положении «на борт». Корабль начинает описывать круги. И вот половина эскадры идет за ним, половина следует прежним курсом, броненосец «Ретвизан»

пытается атаковать японцев, чтобы отвлечь огонь на себя и позволить флагману выровняться. А адмирал Ухтомский, который должен принять командование эскадрой броненосцев, находится на «Пересвете» и командование не принимает. Потом он объяснит это тем, что у него, мол, были фалы перебиты для принятия флажных сигналов. Командование пытается принять командир отряда крейсеров Рейценштейн, который находится на «Аскольде», подает эскадре сигнал «Следовать за мной». Приказ выполняют только крейсера его отряда, а броненосцы игнорируют. Рылом не вышел.

Д. Пучков: «Ты кто?»

Б. Юлин: Да, ты командир отряда.

Д. Пучков: Как разумно организовано, слов нет.

Б. Юлин: В результате Рейценштейн со своими крейсерами прорывается, но при этом сам он на «Аскольде» уходит в Шанхай, там интернируется. Корабль поврежден довольно серьезно. Крейсер «Диана» практически невредимым доходит аж до Сайгона, в южный Вьетнам, и интернируется там. До Владивостока за это время дойти можно несколько раз. «Цесаревич» интернируется в немецком порту Циндао в Китае, тоже поврежденный – ночью он отбивается от эскадры, потому что трубы пробиты, ход не тот. Вопреки приказу Витгефта «в Порт-Артур не возвращаться» большая часть кораблей идет обратно в Порт-Артур. Крейсер «Новик» прорывается в обход Японии и доплывает до Корсаковского порта, где его перехватывает и топит японский крейсер «Цусима». Это единственный корабль, который полностью выполнил приказ адмирала прорываться во Владивосток, при этом пройдя бой.

О том, что бой проигран, никому не сообщают, встречать нашу эскадру выходит владивостокский отряд крейсеров. В Корейском проливе он перехвачен

крейсерами Камимур, три наших броненосных крейсера вступают в бой с четырьмя японскими. В ходе этого боя мы потеряли броненосный крейсер «Рюрик».

Д. Пучков: Утопили?

Б. Юлин: Ну да, японцы. «Россия» и «Громобой» получили серьезные повреждения, но сумели уйти во Владивосток. Кстати, бронепалубный крейсер «Богатырь» не участвовал в выходе, потому что командующий владивостокским отрядом крейсеров адмирал Эссен катался на нем в залив Посьета договариваться с сухопутным командованием. Он приказал идти довольно быстрым для того времени – 15 узлов – ходом в условиях плохой видимости и посадил крейсер на камни.

Д. Пучков: То есть их всех в самом начале надо было расстрелять, теперь уже как-то поздно.

Б. Юлин: Кому расстрелять?

Д. Пучков: Не знаю. Ну если никто ни за что не отвечает, конечно, то некому.

Б. Юлин: Адмирала Ухтомского, принявшего командование, все считали бесхребетным. Поэтому позже командовать эскадрой поставили бывшего командира крейсера «Боян» Вирена, который вроде бы у себя на корабле поддерживал железную дисциплину и был энергичным. Он продолжил энергично стоять в Порт-Артуре. Таким образом, после боя в Желтом море русский тихоокеанский флот влиять на боевые действия перестал. Владивостокский крейсер до боя в Корейском проливе совершал рейдерские выходы, даже вокруг Японии пытался пробежаться – вернее, со стороны Тихого океана заходил, через Сангарский пролив. Вызвал панику на японской бирже, а в Корейском проливе в предыдущий выход сумел утопить транспорт с осадными 11-дюймовыми тяжелыми гаубицами, которые везли под Порт-Артур. То есть приносил какую-то пользу. А порт-артурская эскадра от дальнейших

боевых действий самоустранилась. Дальше она занималась только тем, что направляла на берег пушки, снятые с кораблей, и посылала свои экипажи сражаться.

Д. Пучков: Мощно.

Б. Юлин: По сути, постепенно эскадра исчезала. Считалось, что корабли должны ждать прихода с Балтики второй тихоокеанской эскадры. А до этого, мол, можно их просто побережь. Ну вот так и сберегали.

Д. Пучков: Сберегли.

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Кошмар. Как-то даже неловко за предков.

Б. Юлин: В чем же состоял план Куропаткина? Отступить он собирался аж до Харбина, пока не будет достигнуто численное превосходство. А тогда – тут он ссылался уже на Кутузова – нужно будет японцев разгромить и гнать из Маньчжурии. Японцы наступали медленно. Поэтому план Куропаткина начал вроде бы срабатывать, и не под Харбином, а уже под Ляояном было достигнуто численное превосходство, причем очень немалое. 180 тысяч человек у нас против 130 тысяч у японцев. Правда, непосредственно под Ляояном было 152 тысячи против 130 тысяч японцев – но все равно больше, плюс полуторное превосходство в артиллерии, которая у нас лучше. И вот японцы начинают атаковать Ляоян. На это сражение очень надеялись и российская патриотическая общественность, и гарнизон Порт-Артура, и даже наши международные союзники. О том, что русские превосходят противника числом, в принципе было известно всем: и японцам, и нашим, и тем, кто наблюдал со стороны. Неизвестно было только, насколько точно: наши силы завывали количество японцев, японцы несколько занижали наши. Наконец, японцы атакуют русские войска на передовых позициях.

Хотя передовые позиции – это не основные оборонительные рубежи, им не удастся через них прорваться. Они пытаются обойти фланг первого корпуса Штакельберга, тот, уже зная японские методы, берет и сам обходит их фланг, парируя удар. Проходит несколько дней боев, и тогда наиболее энергичный из японских командиров – командующий первой армии Куроки – берет значительную часть своих сил и переправляется через реку, чтобы довершить дальний обход нашего фланга. Командующий 10-м армейским корпусом, стоя на левом фланге, обнаруживает, что напротив него нету японских сил. Вернее, японцы оставили там 4 роты против корпуса – то есть примерно 600 человек с одной стороны, а с другой – около 30 тысяч.

Командующий 10-м армейским корпусом предлагает Куропаткину нанести удар на своем участке. Куропаткин запрещает ему сдвигаться с места и отбирает у него резервы в общий резерв.

Д. Пучков: Гении.

Б. Юлин: А когда оказывается, что первая армия Куроки обнаружена на другом берегу, что делает Куропаткин? Снимает войска с передовых позиций, где японцы ни в одном месте не сумели добиться ни малейшего успеха, и отводит на главные позиции.

Д. Пучков: Слушай, идиот какой-то, а?

Б. Юлин: И сосредотачивает основные силы против Куроки: его армия на отдельном фланге, оказывается, представляет угрозу для окружения, и против него брошены силы трех корпусов. Полторы дивизии у японцев, 3 корпуса, то есть 6 дивизий, у русских – где-то пятикратное превосходство. При этом наши войска умудрялись заблудиться в гаоляне. В бою за Нежинскую сопку, где до штыковых атак доходило, русские просто не могли ориентироваться в гаоляне: японцы ориентировались – мы нет. Японцы флагами обозначали

места, а наши этого не сделали. Гаолян выше человеческого роста, наши блуждали в зарослях и ничего не могли поделаться. Тем не менее, несмотря ни на что, сказалось численное превосходство: японцы понесли большие потери в боях на основных позициях и уже готовы были отступить.

Д. Пучков: Но тут Куропаткин...

Б. Юлин: Короче, Куроки собирался в 6 часов утра вернуться на другой берег реки, что означало для японцев проигрыш сражения. В 4 часа утра Куропаткин отдал приказ на отступление сам.

Д. Пучков: Патологический идиот.

Б. Юлин: Ну да. Японцы потеряли примерно 20 % личного состава – 24 тысячи человек. Наши потеряли 9 % личного состава, 16 тысяч человек. То есть к концу сражения соотношение было еще хуже для японцев, чем в начале. Они нигде не добились успеха, даже обходное движение Куроки оказалось бессмысленно. Ну, вылезла бригада кавалерийская генерала Умисавы. Что такое кавалерийская бригада? Меньше 2 тысяч человек. Однако Куропаткин, узнав, что японцы уже здесь и могут перерезать железную дорогу, начинает отступать, боясь окружения.

Д. Пучков: Гении.

Б. Юлин: В Порт-Артуре рассчитывали, что в результате этого сражения наши войска перейдут в наступление и снимут блокаду с Порт-Артурса. А вместо этого пришлось отбивать очередные штурмы. Еще две крупные японские атаки на Порт-Артурса были отбиты, а после этого японцы перешли к постепенному штурму города: полномерной обработке укреплений, подрыву фортов, закладке мин. В результате они захватили ряд ключевых укреплений: форты номер 2 и 3, но самое главное – гору Высокую. Она находилась за основным периметром обороны, но была укреплена уже во время войны, и там наши держались отчаянно. С нее была

видна вся внутренняя акватория города. Когда японцы взяли ее, то при помощи осадной артиллерии просто расстреляли наши корабли прямо в порту. Единственный крупный корабль, который пытался прорваться, – броненосец «Севастополь» – вышел в глубинную бухту. Там его атаковали японские миноносцы, некоторое время он поотбивался, но был затоплен. Его хотя бы затопили в единственном глубоком месте, остальные утонули на внутреннем рейде: борта, башни, трубы торчали над водой. Глубина-то небольшая.

Д. Пучков: Ну то есть их можно было поднять, починить и снова использовать, да? Как крейсер «Варяг»?

Б. Юлин: Крейсер «Варяг» к этому времени японцы уже подняли.

Д. Пучков: И что они с ним сделали?

Б. Юлин: Починили и ввели в состав своего флота под названием «Соля».

Д. Пучков: Отлично. Отлично.

Б. Юлин: Потом в Первую мировую войну продали обратно Российской империи за полную стоимость. Безнадёжно устаревший крейсер.

Порт-Артур оборонялся мужественно. Солдаты, офицеры показали себя настоящими героями. Воевали умело и отчаянно. Японцы понесли под Порт-Артуром страшные потери, перебрасывая все новые подкрепления после каждого штурма. Всего они потеряли под Порт-Артуром 112 тысяч человек убитыми и ранеными.

Д. Пучков: Мое почтение. Да.

Б. Юлин: Гарнизон Порт-Артура за это же время потерял 26 тысяч человек.

Д. Пучков: Ну, атаковать всегда сложнее.

Б. Юлин: Атаковать безуспешно – сложнее. А японцы атаковали в большей части боев безуспешно – и

несли, соответственно, огромные потери. Казалось бы, вот славный этап в Русско-японской войне. Однако последним штрихом сумели испортить и его. Когда корабли на внутреннем рейде уже были затоплены и захвачена часть портов, основной фронт еще удерживался, была и тыловая линия обороны. В городе оставались 26 тысяч защитников (боеспособных – уже меньше, около 20 тысяч, так как 6 тысяч человек слегло от цинги), имелись боеприпасы на отбитие по крайней мере одного крупного штурма или на пару месяцев обороны, было продовольствие, по крайней мере, еще на месяц. Вот в этот момент командование Порт-Артура провело военный совет – и сдало город. Якобы чтобы не допустить резни, если японцы ворвутся в результате штурма: давайте сдадим город сейчас, потому что возможности обороны практически исчерпаны. Но они не были еще исчерпаны. Ясно было, что еще через месяц уже больше половины гарнизона свалится с цингой, и японцы город возьмут. Но это будет героическая славная оборона, как оборона Севастополя или Брестской крепости в Великую Отечественную. В результате 26 тысяч защитников сдали в плен японцам, а также отдали им остатки продовольствия и исправную артиллерию Порт-Артура, которая еще оставалась. Даже остатки боекомплекта не взорвали.

Д. Пучков: Толково.

Б. Юлин: Пустили псу под хвост долгую героическую оборону Порт-Артура – и в итоге лишили нас даже этой славной страницы. Японцы взяли город не штурмом, а после капитуляции, хотя еще некоторое время он мог продержаться.

Д. Пучков: Кто-нибудь за это ответил?

Б. Юлин: Стесселя потом осудили и приговорили к смертной казни. Но по решению императора смертную казнь заменили на 10 лет тюрьмы, он отсидел полтора года и вышел на волю. Сердюков-стайл.

Д. Пучков: Ответил, да.

Б. Юлин: А потом удивляемся, почему в Первую мировую войну с позором сдались крепости Ковно и Новогеоргиевск.

Д. Пучков: Опыт. Сын ошибок трудных.

Б. Юлин: После падения Порт-Артура Куропаткин пытался перехватить инициативу у японцев. Вернее, еще до его падения состоялось крупное сражение на реке Шахэ. У нас было 210 тысяч человек, у японцев – 170 тысяч человек. Первый этап сражения – это наступление русских войск. Куропаткин решил перейти в наступление! Было некоторое численное превосходство, имелся прямой приказ от императора все-таки начать наступать. Восточный фланг находился в труднодоступных горах. Куропаткин решает нанести главный удар через горы, где невозможно использовать крупные силы.

Д. Пучков: Хитро.

Б. Юлин: Для того чтобы войска не допускали никаких разрывов и наступали единым фронтом, темп наступления был ограничен 5 километрами в сутки, не больше. И вот русские войска начинают медленно двигаться вперед. Происходит столкновение с передовыми отрядами японцев, кое-где эти передовые отряды удается оттеснить, а кое-где, например, на фронте второй армии Оку или четвертой армии Нодзу, наши главные силы даже не успели приблизиться к главным силам японцев.

Д. Пучков: Куропаткин – чисто Ганнибал, переход через Альпы.

Б. Юлин: Да. А затем японцы переходят в контрнаступление. Имея меньше сил, но уже разобравшись, где какие войска у нас находятся, они контратакуют. Разгромить нас они не разгромили, начались довольно ожесточенные бои, но японцы успели добиться некоторых успехов в самом страшном

месте – на флангах. Куропаткин боится за фланги, правильно? Раз японцы добились успеха на флангах – это же угроза.

Д. Пучков: Пора отступить.

Б. Юлин: Да, пора отступить. И он отводит войска на исходные рубежи. Сражение на реке Шахэ обошлось японской армии в 20 тысяч убитыми и ранеными, нашим – в 40 тысяч.

Д. Пучков: Знаешь, это какой-то вообще монстр, хуже предателя. Так нагадить!

Б. Юлин: Так нет, обрати внимание, у нас особыми успехами не блещет вообще никто.

Д. Пучков: Ну да, да.

Б. Юлин: И вот когда уже ясно было, что Третью армию генерала Ноги, которая под конец стала самой многочисленной среди японских и имела самую мощную артиллерию, начинают перебрасывать на север, Куропаткин решает все-таки провести решительное наступление. Оно получило название «сражение под Сандепу». Сандепу – просто крупная деревня, которую в начале сражения обороняла часть одной японской кавалерийской бригады. А наступали на них главные силы Второй Маньчжурской армии под командованием Гриппенберга. Три корпуса. Опять последовали блуждание в гаоляне и взятие не тех деревень, которые было нужно брать. Но при этом войска все-таки постепенно втянулись в ход боя, почувствовали, что что-то получается, взяли ряд поселений. Японцы, правда, за это время перебросили подкрепление. Наши – тоже. Если у нас сначала было превосходство раз в двадцать, то под конец сражения под Сандепу на этом фланге – всего лишь тройное, но все равно солидное превосходство. И Гриппенберг был уверен, что возьмет Сандепу и опрокинет японский фланг. Кроме того, из подчинения Куропаткину практически вышли – то есть перехватили инициативу – и сам командующий от

армии Гриппенберг, и командующий Первым Сибирским корпусом Штакельберг, который еще под Вафаньгоу сражался. Куропаткин приказывает, допустим, остановиться, а Штакельберг втихаря наплевал на приказ, прорвался, отбросил еще от одной деревни японцев. И Куропаткин снимает Штакельберга с командования корпусом, останавливает войска и, сообщив, что они находятся в опасном положении, приказывает отступить. Гриппенберг, командующий Второй Маньчжурской армией, в диком бешенстве плюет на Куропаткина, плюет на все, складывает с себя командование армией и отправляется в Петербург.

Д. Пучков: Так тоже можно было, да?

Б. Юлин: А что ему было делать? Он видит, что начинает одерживать победу – пускай даже локальную, но первую победу русского оружия за всю войну. При том что русская армия имела довольно значительное превосходство, 220 тысяч японцев против почти 300 тысяч наших, и можно было японцев додавить. Но Куропаткин опять не дал этого сделать.

Д. Пучков: Идиот.

Б. Юлин: Сражение под Сандепу, которое уже превращалось в победу, в итоге опять оказывается нашим поражением. Японцы переходят в наступление, начинается знаменитое Мукденское сражение. Уже прибыла третья армия Ноги. Всего у японцев здесь 5 армий. Дело в том, что Японии уже не хватало сил, всех резервистов загребли на фронт и создали из них новые дивизии, из которых собрали пятую армию под командованием Кавамуры. Начав с армии, включавшей в себя 12 дивизий и 13 временных бригад, к сражению под Мукденом японцы имели уже 16 дивизий. Чтобы обеспечить нужную численность войск, они создавали новые дивизионные округа. В итоге у японцев – 270 тысяч человек, у нас – 330 тысяч человек. Мы несколько превосходим противника в артиллерии, он нас – только

в пулеметах (у японцев 200, а у нас - 56). Наши готовятся к очередному наступлению, в которое уже никто не верит - кроме Куропаткина. Следовательно, Куропаткин готовится к наступлению. А японцы наступление начинают: атакуют центр, третья армия Ноги идет в обход. Почему фланг оказался открытым так далеко? Эта территория считалась не предназначенной для военных действий, потому что принадлежала Китаю. Японцы, наплевав на это, начали наступать прямо через нее, обходя фланг. Китайцы, формально наши союзники, им не мешали. Сказалось то, что я упоминал, - участие наших войск в подавлении боксерского восстания в Китае. Этого союзника мы уже предавали, поэтому он оказался совсем не союзником.

Д. Пучков: Ответил тем же.

Б. Юлин: Да. И вот третья армия Ноги осуществляет охват. Японский фронт колоссально растянут очень хитрой дугой. В этот момент сильный удар по любому участку японского фронта мог бы привести к прорыву, ведь серьезных резервов у японцев не было. Можно было бы попробовать добиться успеха. Но так как с одного фланга нас обходит армия Ноги, а в горах пятая армия Кавамуры сумела продвинуться с одних перевалов на другие, происходит что? Угроза флангам. Как же поступить Куропаткину?

Д. Пучков: Отступить, конечно.

Б. Юлин: Отступить на следующий рубеж. Это у нас получалось всегда хорошо. Японцы никогда не могли удержать боевой контакт. Помнишь, я говорил, что у русских войск гораздо лучше дисциплина марша? Наши войска передвигаются быстрее. Когда мы начинаем наступать или отступать, японцы не могут нас догнать. Здесь тоже удалось разорвать контакт, но из-за плохой организации отступления у нас оказался довольно солидный разрыв во фронте, практически не закрытый войсками. Когда японцы к нему подошли, то сразу

атаковали, и наш фронт рухнул. Впервые за время войны русские войска массово побежали с поля боя. Часть войск оказалась окружена в районе Мукдена, и в плен попало больше 18 тысяч человек.

Д. Пучков: Поздравить можно Куропаткина.

Б. Юлин: Общие потери японцев – 71 тысяча человек убитыми и ранеными, это очень много, наши – 89 тысяч. Разница в потерях не в нашу пользу, в основном за счет пленных. И вот только после Мукденского сражения наконец был снят Куропаткин, то есть царь стал о чем-то догадываться.

Д. Пучков: Николай II. Наш святой.

Б. Юлин: Теперь русские войска отступили на север, на Сыпингайские позиции. Куропаткин планировал отступить к Харбину, так? На позициях наши расположились и принялись наращивать силы. Японцы остановились в нескольких десятках километров от них и тоже наращивали силы. Дальше они уже не пошли. Почему? Потому что выполнили все задачи. Согласно первоначальному плану войны, они собирались дойти именно до этого места. Нашей последней надеждой, последним козырем оставалась Вторая Тихоокеанская эскадра, в которой было 4 новых броненосца типа «Бородино». Правда, экипажи укомплектованы не-обученными резервистами, опытных моряков взять было неоткуда. На Черноморском флоте в это время народ уже бунтовал.

В эскадру входили броненосец «Ослябя» из того самого отряда Вирениуса, который должен был идти на Дальний Восток, несколько новых крейсеров – «Олег», «Жемчуг», «Изумруд» и бестолковый «Аврора». Ряд старых кораблей, построенных лет за двадцать до войны, в том числе броненосные фрегаты «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах». Разношерстная такая команда получилась. Когда оказалось, что порт-артурская эскадра, в общем-то, уничтожена, Вторую

Тихоокеанскую эскадру усилили Третьей Тихоокеанской эскадрой – из совсем конченного хлама, броненосцев береговой обороны, типа допотопного «Императора Николая I», и крейсера «Владимир Мономах». Наши Вторая Тихоокеанская эскадра вместе с Третьей были слабее японского флота и к тому же не имели системы базирования, то есть должны были прорываться во Владивосток. Собирали ее долго, шла она еще дольше, ухитрившись нарваться на международный скандал на Доггер-Банке между Данией и Англией. Ночью там случилась драка, причем наши утверждали, что их пытались атаковать вражьи миноносцы. Их обвинили в расстреле мирных рыбаков, и наши еле-еле ухитрились отправиться дальше. Суэцким каналом мы пройти не могли. Броненосцы типа «Бородино» там не проходили по осадке. Пошли в обход Африки, добрались до Мадагаскара, где очень долго стояли, как раз ожидая третью тихоокеанскую эскадру (кстати, не дождались). Там, кстати, адмирал Рождественский пытался хоть как-то спаять эскадру, проводил учения, учил стрелять, всплывали технические недостатки кораблей. Остановивались мы в основном во французских портах, но углем нас снабжали немцы, потому что англичане всем пригрозили: поможете русской эскадре – будет плохо. А немцы плевать на это хотели, для них самым главным было то, что балтийский флот ушел из Балтики. Они встали там автоматом, без всякой войны. На Мадагаскаре пришло сообщение о гибели Первой Тихоокеанской эскадры и падении Порт-Артура. Поход становился бессмысленным, но правительство гнало эскадру дальше. В районе Французского Индокитая Третья Тихоокеанская эскадра наконец догнала Вторую Тихоокеанскую, и предлагалось даже начать переговоры с японцами о мире, пока наши корабли стоят во французских портах на подступах. Мол, теперь есть угроза, которая заставит японцев быть более

сговорчивыми. Но эскадра получает приказ двигаться дальше, напрямик к Цусимскому сражению.

Формально силы были примерно равны, с обеих сторон – по 12 броненосных кораблей. Но на стороне японцев были современные суда и опыт всей войны, а у нас – необстрелянные моряки. Японские корабли были в прекрасном техническом состоянии, потому что явились к месту боя прямо из своей базы. Наши – прошли через три океана, то есть обросли ракушками, заправлялись паршивым углем, полную скорость развить не могли, подремонтироваться и исправить недочеты было негде. Плюс к этому у адмирала Рождественского был приказ. Как ты думаешь, что ему приказали?

Д. Пучков: Прорываться без боя.

Б. Юлин: Вот!

Д. Пучков: Слушай, какие-то просто паталогические идиоты.

Б. Юлин: Но без боя прорваться не удавалось. Кстати, буквально перед самым сражением умер заместитель Рождественского, командующий вторым отрядом адмирал Фелькерзам. Чтобы не деморализовать полностью всю эскадру, этот факт скрыли. Но, соответственно, в случае потери командования Рождественским принять командование было некому.

Д. Пучков: Мощно.

Б. Юлин: Дальше – ожесточенный бой, где героически сражаются наши матросы, героически сражаются офицеры. Более того, сражаются они даже более-менее умело. Первым кораблем из броненосных, который был выбит из боя, стал японский броненосный крейсер «Асама». Он получил тяжелые повреждения, вышел из строя и больше не возвращался. Но японцам есть куда поврежденные корабли отводить.

Затем японцы выбивают у нас броненосец «Ослябя» и начинают по очереди выщелкивать наши головные

броненосцы: «Суворова», за ним – корабли, которые приходили к ним на смену. За время дневного боя мы потеряли броненосцы «Ослябя», «Суворов», «Бородино» и «Александр III», фактически всю основную силу нашей эскадры. А ночью нашу эскадру продолжали добивать уже миноносцы. Благо их здесь много, плыть недалеко.

И наутро оставшийся отряд – древний броненосец «Николай I», новый, но сильно поврежденный броненосец «Орел» практически без действующей артиллерии, 2 броненосца береговой обороны и крейсер «Изумруд» – был перехвачен японскими силами. Командовал отрядом адмирал Небогатов. По его приказу корабли эскадры опустили флаг перед японцами. Боеспособные корабли, имеющие боекомплект, часть из которых вообще не имела повреждений, сдались японцам. Это, пожалуй, был самый большой позор в истории отечественного флота.

Командир крейсера «Изумруд» отказался выполнить приказ, пошел на прорыв и прорвался. Японцы его не догнали. Правда, потом этот крейсер был посажен на камни в устье Амура и взорван, но по крайней мере совершенно точно не покрыл себя позором. Крейсер «Алмаз» сумел прорваться вдоль берегов Японии, два эсминца прорвались до Владивостока, несколько кораблей интернировали. Отряд крейсеров, в том числе и крейсер «Аврора», ушли на Филиппины к американцам. Отряд Небогатова сдался в плен без боя. Некоторые корабли – «Дмитрий Донской», «Адмирал Ушаков» – гибли героически, сражаясь до последней возможности, и, даже начиная тонуть, продолжали биться. Но адмирал Небогатов, повторюсь, покрыл русский флот позором.

Д. Пучков: Это все?

Б. Юлин: Четыре броненосных корабля сдались в плен. Существовали еще вспомогательные крейсера, которые должны были прорывать снабжение Японии, –

это никакой роли практически не сыграло, но вызвало большую истерику у англичан. Например, наши вспомогательные крейсера поймали в Красном море английский корабль «Малакка» с военной контрабандой для Японии и отправили его в Любаву, то есть в наш порт. Англичане по этому поводу устроили шум, объявили, что если мы не отпустим немедленно «Малакку» со всем грузом, то они разорвут с нами дипломатические отношения и объявят войну. И наши ее отпустили. Ввиду такого подхода крейсерские операции никакого положительного эффекта принести, в общем-то, не могли.

Д. Пучков: Херня какая-то.

Б. Юлин: Остались мелочи. Перед самой войной в результате замирения между Чили и Аргентиной, которые до этого вели активную гонку вооружений, на продажу были выставлены два броненосных крейсера, которые итальянцы строили для Аргентины. Их предложили России. Сделкой занимался адмирал Абаза. От покупки итальянских крейсеров, уже зная, что война с японцами неизбежна, мы отказались: по версии нашего адмиралтейства – потому что они не соответствовали русскому типу кораблей, а по версии итальянцев, которые продавали крейсера, – потому что русские потребовали отступного в миллион рублей.

Д. Пучков: Откат.

Б. Юлин: Да. Когда итальянцы слышали о такой сумме отката – учитывая, что эти корабли стоили около 7 или 8 миллионов рублей каждый, – они просто плюнули и продали свои крейсера японцам, которые сразу все заплатили и никаких откатов не требовали. И вот эти два броненосных крейсера – под коммерческим флагом, чтобы их нельзя было остановить, ведь у них не было еще ни военных экипажей, ни боекомплекта, – прогнали в Красном море мимо отряда Вирениуса. Через пару месяцев после начала войны они уже были в

составе японского флота – усилив его, хотя могли бы усилить наш.

Д. Пучков: Великолепно.

Б. Юлин: Вот так прошла Русско-японская война. Потом наши пытались затягивать боевые действия, но японцы, используя полное господство на море, захватили Сахалин, который пытались защищать ополчениями из каторжан. В итоге японцы заняли всю Курильскую гряду, начали уже прицеливаться на устье Амура и на Камчатку, и стало ясно, что надо заключать мир. Делать это пришлось при посредничестве Америки.

Надо сказать, американцы в течение всей войны полностью поддерживали японцев. Собственно говоря, Англия и Соединенные Штаты предоставили Японии кредитов примерно на миллиард рублей, оплатив половину всех ее военных расходов. Наши, кстати, тоже попали в большие долги. Военные расходы во время войны выросли больше чем на миллиард рублей в год по сравнению с мирным временем. А деньги брать было неоткуда, у нас вырос и внешний и внутренний долг. Как-то мы пытались получить через французские банки 400 миллионов рублей, и сделка почти состоялась, но англичане надавали второй стороне по ушам, и французские банкиры отказались давать кредит. Но теперь американцы уже не хотели серьезного усиления Японии и навязали японцам свое посредничество.

В Портсмуте долго шли переговоры, туда отправили графа Витте, который сначала четко упирался, но царь Николай как раз заявил на встрече с американским послом, что ради мира готов даже отдать половину Сахалина. Американский посол сразу же сообщил это своему правительству, правительство сообщило японцам, японцы уперлись. В результате Витте, а не Николай II, получил прозвище «граф Полусахалинский». А что он мог сделать, когда тут вот император так себя занятно ведет?

Война нам обошлась достаточно тяжело, за время боевых действий в ходе 9 частных мобилизаций было поставлено под ружье около миллиона человек. Во время войны были официально заявлены потери в 270 тысяч человек, но в личном составе недоставало больше полумиллиона человек. Такое ощущение, что у нас было просто колоссальное количество дезертиров. Кроме того, после Мукденского поражения в стране началась революция. У нас сейчас любят обвинять революционеров в том, что именно они послужили причиной поражения в войне.

Д. Пучков: По-моему, все было наоборот.

Б. Юлин: Да. Все сражения к началу революции были уже проиграны, кроме Цусимы. Русско-японская война без единой победы что на суше, что в море оказалась самой позорной в истории русской армии и флота.

Д. Пучков: Я такого паскудства отродясь не слышал. Как так вообще можно? А людей убивали, между прочим, десятками тысяч.

Б. Юлин: Сотнями.

Д. Пучков: Да, сотнями. И всем плевать. Неудивительно, что эти козлы у власти не удержались.

Б. Юлин: А я рассказывал, что за время войны ни армейским, ни морским командирам ни разу не была даже поставлена задача «разбить войска противника»? Ни разу. Либо прорываться, не вступая в бой, либо уклоняться от боя. Сражения носили в основном оборонительный характер. Даже когда приказывали наступать – например, в сражении на реке Шахэ, – задачи «разгромить противостоящие японские силы» не было. Например, японцы, допустим, получили приказ «разгромить русскую армию». Они не справились – и просто отбросили ее. А нашей армии при наступлении приказали оттеснить японцев за реку Тайцзыхэ.

Д. Пучков: Это ведь не военные.

Б. Юлин: Часто говорят, что сделай мы то-то и то-то или выживи адмирал Макаров, мы бы, мол, победили.

Д. Пучков: Да, если бы у бабушки был известный половой орган, она была бы дедушкой.

Б. Юлин: Но если не ставится задача разгромить противника, победить невозможно. Нельзя выиграть войну...

Д. Пучков: Если нет задачи одержать победу.

Б. Юлин: Собственно говоря, провести войну без единой победы действительно надо суметь. Есть героизм, есть подвиги экипажей кораблей, есть подвиг защитников Порт-Артура (исключая командование Порт-Артура, которое пустило его псу под хвост). Есть проявленный на поле боя героизм солдат и офицеров, есть умелые действия. Но ни одной победы. Вот это Русско-японская война.

Кстати, воевали ведь не за независимость страны, не чтобы отразить вражескую агрессию, а за то, кто будет грабить Китай – мы или японцы. Армия к концу была полностью деморализована. Уже в сражении под Сандепу солдаты не верили, что хоть что-то может завершиться не отступлением. Они не знали, будут ли атаковать, обороняться или героически погибать, в любом случае в конце последует приказ отступить.

Д. Пучков: Вот это я понимаю, руководство. Сверху донизу, начиная от командиров...

Б. Юлин: Говоря о загнивании империи, говорят именно об этом.

Д. Пучков: ...И заканчивая императором. Все одно к одному.

Б. Юлин: Николая объявили, пожалуй, лучшим императором в российской истории.

Д. Пучков: Эва. Ну не Сталина же объявлять.

Б. Юлин: Кстати, командующего второй тихоокеанской эскадрой Рождественского по возвращении в Россию Николай II обнял. Небогатов

получил срок - единственный из всех, но его не казнили. Стесселя, как я уже сказал, отпустили. Все, кто командовал так или иначе, сохранили высокие посты, продолжали карьеру, а Куропаткин, например, в Первую мировую войну заправлял Северо-Западным фронтом.

Д. Пучков: Отлично. А после революции что с ними было?

Б. Юлин: Это была уже не Российская империя.

Д. Пучков: Ужас. Ужас. Натуральный позор.

Б. Юлин: Кстати, русский офицер Беренс, который сражался на «Варяге» в первый день войны, поддержал революцию и был первым командующим революционного красного флота. Ветераны Русско-японской войны повели себя во время революции по-разному.

Д. Пучков: По-разному, да. Спасибо, Борис Витальевич. Позорнейшая страница родной страны и родной армии. Все. Победили бы мы в японскую войну...

Б. Юлин: Только революция помешала.

Д. Пучков: Да. А на сегодня все. До новых встреч!

О подготовке к Первой мировой войне

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: О чем мы сегодня?

Б. Юлин: Был такой мелкий локальный конфликт, который называли Первой мировой войной. Это война, после которой говорили, что войн больше не будет, и принимали решения об объявлении войны вне закона. Этого хватило очень надолго... до Второй мировой.

Д. Пучков: Многие тогда же писали, что это только передышка на двадцать лет. Наиболее умные, я полагаю.

Б. Юлин: Ну да. Или говорили, что видят в Версальском мире 18 поводов для следующей войны.

Д. Пучков: Отлично. И про что мы поговорим?

Б. Юлин: Сегодня – про подготовку к войне. С Е. Н. Яковлевым ты говорил о политическом аспекте, а теперь обсудим именно военный: что из себя представляли стороны, которым предстояло сражаться.

Д. Пучков: То есть про всех? Не конкретно про Россию?

Б. Юлин: Думаю, большинству интересно именно про Россию, так что на нас остановимся подробнее.

Д. Пучков: Так точно. Мы все-таки нам ближе, да.

Б. Юлин: Но на фоне общей картины – иначе будет непонятно, почему все происходило именно так. Готовились все, воевали все, а не только мы.

Д. Пучков: Отскакивая немного в сторону. Война началась в 1914 году, я правильно помню?

Б. Юлин: Да, правильно.

Д. Пучков: А в 1913 году, как все время рассказывают, мы достигли каких-то невероятных экономических показателей.

Б. Юлин: Так нам рассказывают.

Д. Пучков: Давайте взглянем внимательнее.

Б. Юлин: Начнем с того, как вообще складывались коалиции.

Позднее, правда, две страны Тройственного союза воевали на одной стороне, а одна - на другой. Тройственный союз, сложившийся еще в начале последней трети XIX века, - это Германская империя, Австрийская империя и Итальянское королевство. Правда, Италия вступила в него с занятной оговоркой, мол, она не будет участвовать в войнах Союза в том случае, если они будут вестись против Англии.

Ты Италию на карте видел? Такой сапог, окруженный со всех сторон практически морем, кроме севера, где горы. А у англичан - самый мощный в мире флот. То есть итальянцев понять можно.

Д. Пучков: Могут случиться неприятности со стороны моря.

Б. Юлин: И они сразу это оговорили.

Но дело в том, что когда складывался этот союз, Германия рассматривала как своего основного противника Францию. Во франко-прусской войне та была разгромлена, но недобита во многом из-за международного давления. Ни Российская империя, и Британская не хотели большого усиления Германии. Немцы рассчитывали в дальнейшем французов добить. И собственно говоря, в самом конце века они были близки к этому.

Чтобы избежать подобной угрозы, Франция любыми путями стала искать сближения с Российской империей. Был заключен франко-русский союз - оборонительный, потому что и Франция, и Россия по промышленным ресурсам и военной мощи уступали центральным

державам и на море, и на суше. Вернее, когда союз заключался – на море еще превосходили, на суше – уже уступали. Но главное – их промышленный потенциал был ниже.

Внутри союза, что самое интересное, как основная ударная сила рассматривалась не Российская империя, а Франция. Например, предполагалось, что после проведения мобилизации Франция выставит на фронт 1 миллион 300 тысяч человек, а Российская империя – 800 тысяч человек. Со временем и Франция, и Россия, и Германия с Австрией постепенно становились сильнее, то есть мощь союзов росла.

Во время Русско-японской войны произошла печальная для Франции вещь: Россия не просто потерпела поражение, резко упал ее рейтинг как военного союзника. Мы мало того что проиграли Японии, наши армия и флот, как говорилось в предыдущих главах, в течение всей войны не одержали ни одной победы.

Поэтому Россия еще воевала с Японией, а между Англией, которая считалась ее противником и ни к каким официальным долгосрочным союзам не присоединялась, и Францией начались секретные переговоры.

Небольшое отступление об Англии. Дело в том, что она, будучи мировым гегемоном – самой сильной страной в мире, – исходила из принципа «блистательной изоляции»: «У нас нет союзников, у нас есть только интересы». Это продолжалось до конца XIX века, а потом картина начала меняться. Значительно возросла мощь Соединенных Штатов, и они стали вытеснять Англию с мировых рынков торговли и промышленного производства.

Также очень усилилась Германия, которая разгромила Францию, окончательно объединилась с южно-германскими княжествами, начала догонять

Англию и вскоре ее обогнала. Это касалось и производства, и военной мощи. Германия потихонечку сравнялась с Англией на море и явно уже превосходила ее в сухопутном вооружении.

И Великобритания стала искать военные союзы. Пока Франция находилась в панике – если Россия такой слабый союзник, что мы будем делать, когда на нас нападут немцы? – был заключен секретный англо-французский союз. С нами – официальный, между Францией и Англией – секретный.

Д. Пучков: А в чем смысл секретности в данном случае?

Б. Юлин: Дело в том, что Англия была против того, чтобы этот союз афишировался. Франции-то, конечно, выгоднее было бы размахивать транспарантом «Мы – союзники Великобритании!».

Д. Пучков: «Не подходи!»

Б. Юлин: Да, не трогайте нас. Но требование англичан было именно таково.

Однако спустя некоторое время мы проиграли японцам, и топить нас, вытесняя с Дальнего Востока, Англии стало не нужно. Англия предлагает союз уже нам. И тоже секретный. Так возникает «Сердечное согласие» как союз трех держав...

Д. Пучков: Антанта.

Б. Юлин: ...Франции, Англии и Российской империи. Возникает Антанта, хотя официально существует по-прежнему только франко-русский военный союз. Получается, что внешне он по-прежнему гораздо слабее центральных держав, а по сути – ощутимо сильнее. Продолжается подготовка к войне, идет гонка вооружений, все свободные деньги перечисленных стран вбухиваются в то, чтобы развить военный потенциал, создать мощные флоты. Германия строит свой флот открытого моря, который уже превосходит флоты России, Франции и германских союзников,

вместе взятые, уступая только английскому, по-прежнему сильнейшему. В ответ на каждые два немецких линкора Англия строит три своих.

А у нас в это послевоенное время...

Д. Пучков: Вопрос от тупых: из-за чего все? Из-за денег? В чем причина войны?

Б. Юлин: Если примитивизировать, то да, из-за денег.

Д. Пучков: То есть империи делили рынки?..

Б. Юлин: Империалистическая война – это когда страны, которые уже разделили мир, считают, что дележ прошел несправедливо. Некоторые из них. Франция полагает, что все поделено как следует, – она отхапала себе достаточно, Британская империя, над которой никогда не заходит солнце и где живет треть населения Земли, тоже считает, что, в принципе, захватила сколько надо...

Д. Пучков: Очень справедливо все, да.

Б. Юлин: ...но не собирается ничего отдавать. А вот Германия с Австрией уверены, что опоздали к разделу.

Д. Пучков: И сейчас самое время это изменить.

Б. Юлин: Да. Кроме того, они стали втягивать в свою сферу влияния Турцию: строить Багдадскую железную дорогу, брать под контроль турецкую торговлю, чем, опять же, расстроили Российскую империю. Российская империя считает своей будущей добычей Константинополь уже 150 лет как.

Д. Пучков: И Босфорский пролив.

Б. Юлин: Ну, разумеется, и проливы.

Д. Пучков: Да. Этот пролив, как говорил Егор, позволил бы беспрепятственно транспортировать наше зерно в Средиземное море и там продавать его...

Б. Юлин: Беда в том, что мы никак не можем этот пролив себе забрать. Нам постоянно дают по рукам.

Д. Пучков: Турки-то знают, что мы считаем Босфор добычей?

Б. Юлин: Знают. Но дело в том, что они маневрируют между нами и австрияками, которые считают этот же Константинополь...

Д. Пучков: Своим.

Б. Юлин: ...уже 200 лет как своим. Это как раз основная точка пересечения интересов Союзов, самая напряженная.

Балканы. Когда говорят, что Россия кормила всю Европу хлебом, это неправда. Россия как европейская страна экспортировала больше зерна, чем другие европейские страны по отдельности, но не надо забывать Латинскую Америку и Соединенные Штаты, также поставлявшие много продовольствия. Однако основная торговля хлебом шла по Дунаю, причем Австрийская империя и балканские страны вместе давали Европе хлеба больше, чем Российская империя. Естественно, мы хотели эту дунайскую торговлю полностью отжать себе, а австрийцы, которые и так большую часть ее контролировали, хотели – себе.

И в этом контексте Константинополь был одинаково интересен России и Австрии. Но мы и друг другу не давали захватить эту территорию, и, собственно говоря, более мощные игроки на политической арене – такие, как Англия и Германия, – не собирались позволять это ни нам, ни Австрии.

Но ведь добыча лежит, надо же на нее накинуться.

Д. Пучков: Правильно.

Б. Юлин: А Германия, которая опоздала к разделу колоний, вообще была в жутком расстройстве. В Латинской Америке они пытаются всех потеснить – так американцы начинают кричать про доктрину Монро и мешают торговать, в Африке и Азии – англичане кричат, что это их колонии, пытаются там вводить протекционистские меры просто потому, что немецкие товары лучше и дешевле английских... То же самое сейчас происходит с Китаем. Только у Китая нет

амбиций захватывать колонии, а у Германии они были, самые натуральные. Что-то немцы сумели отхватить, но в основном то, что не отхватили другие по причине ненадобности: Камерун, Намибия, прочие пустыни...

Д. Пучков: Поскольку вы, паскуды, просто так ничего отдавать не хотите, мы строим корабли и скоро придем к вам, да?

Б. Юлин: Да, но это опять же официально не афишировалось. Речь всегда идет о справедливости...

Д. Пучков: Конечно.

Б. Юлин: ...о демократии.

Д. Пучков: О свободе.

Б. Юлин: Например, когда была очередная революция в Венесуэле, в первую очередь туда пришли немецкие и французские корабли. А потом уже подтянулись американские - наводить порядок в Венесуэле. Хотя, казалось бы, где Германия, где Венесуэла...

Д. Пучков: Там нефть, по всей видимости, да?

Б. Юлин: Тогда она еще не играла такой роли, да в Венесуэле ее и не особенно много. Но тем не менее это рынок сбыта, источник сырья. Всем нужен.

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: Потому что наше процветание зиждется на том, что мы вас грабим, и вы не должны нам мешать. А мы - великие европейские державы плюс Соединенные Штаты и Япония - договоримся, что мы джентльменский клуб и будем грабить всех остальных.

Но ведь и грабить нужно по справедливости. А Германия считает, что ее обделили: Англии-то вон сколько досталось...

Д. Пучков: А Германии тоже хочется!

Б. Юлин: Да. Для Англии, в свою очередь, было недопустимо усиление Германии: она хотела, чтобы во время серьезной войны ослабли и Германия, и Франция,

и заодно еще Российская империя, которая слишком много выпендривается.

Для Франции жизненно важно было убрать от своих границ такого страшного врага, как Германия, который постоянно над ней нависает и в случае чего может просто снести. Значит, нужно разгромить Германию, любой ценой.

Нашей основной задачей было убрать конкурентов-австрияков и загрести Балканы с Константинополем. Ну и дружить с англичанами, потому что иначе опять помешают.

Вот такой расклад. У всех свои исконные сакральные интересы, все нашли в этой войне свои скрепы, все нормально.

И вот все готовятся к войне. Мы участвуем в гонке вооружений. Во-первых, нам нужно было провести целый ряд военных реформ – раз мы проиграли войну, нужно учесть опыт и сделать так, чтобы в следующий раз победить. Назначили толкового военного министра, А. Ф. Редигера. Например, он заявил (цитирую): «Для содержания армии на уровне, отвечающем современным требованиям военного дела, необходимо увеличить ежегодные ассигнования на 144 миллиона рублей и сверх того единовременно отпустить 2 миллиарда 133 миллиона рублей».

Но Министерство финансов изыскать эти деньги не смогло, потому что их не было: весь государственный бюджет составлял в это время чуть больше 2 миллиардов.

Д. Пучков: Ого. Круто.

Б. Юлин: Военные расходы со скрипом увеличили за пару лет на 30 миллионов, а не на 144, которые запрашивались. На единовременную выплату в таком объеме денег не было вообще.

Но, разумеется, многие важные перемены произошли: во-первых, у нас все-таки ввели, по опыту

Русско-японской войны, маскировочную форму практически цвета хаки – серовато-зеленоватую.

Д. Пучков: Не красные пиджаки с желтыми штанами.

Б. Юлин: И не белые гимнастерки и черные штаны, которые контрастно смотрятся на любом фоне, как раньше. Самой передовой армией в мире считалась английская...

Д. Пучков: Ну, они в Африке повоевали, как мы знаем.

Б. Юлин: И у них были деньги, чтобы учесть весь опыт.

Д. Пучков: Злые нищие буры, у которых пуль было мало, стреляли метко, поэтому пришлось переодеться в хаки, да.

Б. Юлин: Поэтому англичане первыми перешли на стрельбу из закрытой позиции, на маскирующую форму и так далее. Затем то же сделали японцы, которых учили англичане. После войны с японцами это сделали наши. А, например, французы и немцы вступили в войну в форме очень заметного цвета. Например, французская была синей.

Д. Пучков: Отлично.

Б. Юлин: И с артиллерией, которая была обучена вести бой на открытой позиции: видим холм, ставим пушки, а сверху – корректировщика – прямо на холме, потому что стрелять-то удобней.

Д. Пучков: Да. Видно лучше опять-таки.

Б. Юлин: Французы и немцы в последний раз серьезно воевали в 1870 году, тогда это было нормой.

Д. Пучков: Сорок лет назад, да?

Б. Юлин: Да. Короче говоря, подвижки у нас были серьезные. Улучшилась подготовка личного состава, особенно младшего офицерского состава, по сравнению с тем, что было перед Русско-японской войной.

Но, к сожалению, не проводились крупные учения, поэтому маневрировать крупными соединениями русские военные не умели. Не проводились пробные мобилизации – опять денег не хватило. Это как раз входило в 144 миллиона рублей ежегодно, которые было нужно добавить к военному бюджету, в ту часть, которую надо было добавить одновременно и которую никто не смог выделить. Попросту говоря, бабла не было, поэтому, как П. А. Зайончковский писал, у нас были «отличные роты и батальоны, хорошие полки, неплохие дивизии и плохие корпуса и армии». А плохие у нас были армии и фронты. Чем выше уровень, тем меньше у наших офицеров практических навыков того, как и что нужно делать. Все оставалось на тактическом уровне.

Кроме того, не удалось серьезно увеличить нормы боеприпасов ни для полевой артиллерии, ни для стрелкового оружия. В Русско-японскую войну уже не хватало снарядов, хотя боевые действия велись следующим образом: обеим сторонам было сложно подвозить боеприпасы издалека, поэтому после каждого сражения следовало долгое накопление сил, и только потом – новый бой. Ясно было, что в новую войну все будет по-другому, но денег от этого не прибавлялось. Возможности Военного министерства были крайне скромны и росли медленно.

Тем не менее у нас началось перевооружение. Русско-японская война показала, что нам крайне не хватает гаубичной артиллерии, – у японцев ведь были как раз немецкие гаубицы. Что характерно, у немцев были тоже немецкие гаубицы, но намного больше. Поэтому наши устроили международный конкурс, уже не рассчитывая разработать хорошую гаубицу. Устроили международный конкурс, где участвовали и наши заводы. В итоге на вооружение была принята гаубица 122-миллиметровая полевая образца 1909 года,

немецкой фирмы Круппа, которая победила в конкурсе. Наши заплатили вознаграждение Круппу, и тут возмутились французы.

Дело в том, что увеличение денег на военные нужды в значительной мере шло не за наш счет. Французы были богаче нас, и они финансировали модернизацию и перевооружение нашей армии. Частично, но финансировали. Получается, они дали нам кредит на перевооружение, а мы взяли и купили гаубицу у немцев, развивая фирму Круппа. Ну куда это годится. Возмущение французов было вполне понятным. Поэтому наши провели повторный конкурс, где победила гаубица образца 1910 года Шнайдер, французская. Ее начали выпускать, но к началу войны выпустили недостаточно, на перевооружение дивизионного звена она не поступила. В дивизиях у нас были только трехдюймовки. Хорошая, обкатанная в Русско-японскую войну модель, себя оправдавшая.

Кстати, у французов в этом плане было так же плохо, как у нас, то есть у них в дивизиях тяжелой артиллерии не было.

Д. Пучков: Трехдюймовка – это 76, да?

Б. Юлин: Да. А у французов – 75. При этом насыщенность была одинакова.

Д. Пучков: Это немного?

Б. Юлин: Ну, у французов на дивизию из 12 батальонов – 36 пушек, у нас на дивизию из 16 батальонов – 48 пушек. Наши пушки с французскими были примерно равноценными: хорошие, скорострельные, – но без тяжелой артиллерии, конечно, непросто. С тяжелой артиллерией хорошо было только у немцев.

Как я уже говорил, на дивизию 16 батальонов, то есть 21 тысячу человек, у нас приходилось 48 скорострельных пушек, а у немцев на 12-батальонную дивизию в 16 тысяч человек – 72 пушки и 18 гаубиц.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Разница в огневой мощи составляла где-то 2:1. При этом немцам было чем разрушить полевые укрепления, нам – нечем. У австрийцев, в теории, было не хуже, чем у немцев, но у Австрийской империи имелась ровно та же проблема, что и у Российской, – нехватка денег. Австрия еще сохраняла на вооружении даже скорострельные полевые пушки с бронзовыми стволами.

Д. Пучков: Круто.

Б. Юлин: Даже круче, чем у нас. Хотя вроде бы процветающая европейская монархия.

И снова о перевооружении. С участием небезызвестного адмирала Колчака в России была создана Лига по восстановлению флота, которая собирала деньги по подписке по всей стране, кроме того, получила средства из бюджета и заказала на них корабли по старым проектам, которые были не самыми новыми даже к Русско-японской войне. Так что, по сути, к началу Первой мировой современного флота у нас не было.

Д. Пучков: Толково.

Б. Юлин: У нас было несколько броненосцев: 4 броненосца на Балтике и, по-моему, штук 6 на Черном море. Это были либо модели, актуальные во время Русско-японской войны, либо новейшие – «Павел I» и «Андрей Первозванный», – которые тем не менее оставались броненосцами, в то время как во всех нормальных странах в ходу были линкоры. Мы тоже строили, но к началу войны ни один из них в строй не вошел.

У Англии – 20 линкоров и 9 линейных крейсеров (тоньше броня, больше скорость хода), у Германии – 16 линкоров и 5 линейных крейсеров, у Франции – 4 линкора, у Италии – 6 линкоров. У России – 0 линкоров. Такие дела.

С крейсерами – почти та же картина. В это время современные легкие крейсера были у Англии и у Германии, а также штуки три – у Австрии и парочка – у Италии. Ни у нас, ни у французов современных крейсеров не было.

Итого, линкоров новых не было, крейсеров новых не было, эсминцев к началу войны – одна штука, «Новик». Прекрасный корабль (построен, кстати, с немецкой помощью), но всего один.

Дальше. Воздухоплавание. Самолетов у нас в армии было, пожалуй, больше, чем у любой другой страны мира, – около 260. Для сравнения: у Франции – 180, у Германии – где-то 250–260.

Д. Пучков: Они тогда не слишком широко использовались, так?

Б. Юлин: Только для разведки и корректировки. Ни бомбардировщиков, ни истребителей. Правда, в России появился бомбардировщик, про который любят с такой помпой рассказывать, – «Илья Муромец».

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: Вроде как стратегическая авиация была создана. Так вот, «Илья Муромец» – это большой деревянно-перкалевый четырехмоторный самолет. Самолеты Первой мировой войны строились вокруг мотора, а остальное, извини, делалось из тряпок и палок.

Д. Пучков: А алюминий?

Б. Юлин: Открыли, но еще не применяли.

Д. Пучков: Дорого.

Б. Юлин: Кстати, чем дальше, тем больше, во время войны немцы стали уже выпускать цельнометаллические «Альбатросы» (Albatros D. I.). Много металла использовалось и во французских SPAD, например. Но мы говорим о периоде перед войной. В это время самолеты делали из тряпок и палок, потому что их легче поднять в воздух маломощным двигателем.

«Илья Муромец», как уже было сказано, имел четыре мотора – немецкие Argus, потому что у нас авиационные двигатели не выпускались. Во время войны мы, допустим, выпускали в основном французские, фирмы «Гном-Рон» (Gnome-Rhône), но мало.

Зачем нам вообще понадобился четырехмоторный бомбардировщик? Дело в том, что в других странах были дирижабли. Например, к началу Первой мировой войны у Германии для дальних налетов и бомбардировки имелось 26 дирижаблей. А в России было сделано всего два крупных дирижабля (мелкие не играли никакой роли, разве что могли служить для разведки), и еще два достаточно крупных мы купили у французов.

«Илья Муромец» не мог участвовать в дальних налетах. Летал как следует он только пустым, а в военной конфигурации – с пулеметами и бомбами – едва выдерживал 200 километров, то есть действовал только около линии фронта. Несмотря на то что в то время «Илья» был самым крупным – и единственным четырехмоторным – бомбардировщиком в мире, он оставался не стратегической машиной, а здоровенным четырехмоторным бипланом из дерева и тряпок. Да, на нем установили несколько пулеметов, это было типа круто, но делалось от бедности и отсутствия возможности производить дирижабли. Потом, во время войны, оказалось, что бомбардировщики лучше, чем дирижабли, – но у России их было всего несколько десятков. Об этом мы еще поговорим.

С финансированием мы немного разобрались. После войны с Японией нам потребовалось несколько лет, чтобы компенсировать потери винтовок во время боевых действий. Мощность наших заводов была достаточно скромной, но они постоянно работали под довольно высокой загрузкой, насколько деньги

позволяли. Как раз недостаток винтовок, патронов, пороха, боеприпасов – причина того, что Российская империя оказалась единственной из континентальных держав, где не было всеобщей воинской повинности.

Во Франции всеобщая воинская повинность, срок службы – 3 года, и при 40-миллионном населении численность армии мирного времени – больше 800 тысяч человек. В Германии всеобщая воинская повинность, срок службы – 2 года, армия мирного времени – 780 тысяч человек. В Российской империи: население – 180 миллионов человек, армия мирного времени – 1 миллион 400 тысяч человек, больше, чем у остальных, при этом призывали далеко не всех, меньше половины. Экономика страны не тянула всеобщую воинскую повинность, поэтому она у нас была всеобщая. И запасы оружия делались в расчете как раз на тех, кто прошел военную подготовку. К началу Первой мировой в России было, например, запасено 4 миллиона 500 тысяч винтовок для призывников, которые уже прошли обучение. К чему это привело, мы рассмотрим дальше.

С пулеметами дело обстояло так же, как в других странах. В это время в мире – у французов, у англичан, у немцев, у австрийцев, у нас – была принята общая норма: по 2 пулемета на батальон в дивизии.

Одним из важнейших аспектов подготовки к войне было развитие дорожной сети, определявшее скорость мобилизации. Например, если перед франко-прусской войной Германии на мобилизацию всех своих сил требовалось 18 дней, то перед Первой мировой войной – всего 10. Франции, для сравнения, – чуть больше 14. У нас срок мобилизации оценивался где-то в 30–40 дней.

Д. Пучков: Ого.

Б. Юлин: Связано это было с тем, что сеть железных дорог в России была очень неплотной. Часто расписывают, что к 1913 году эти дороги бурно

строились, и все было прекрасно. Но вот конкретные цифры: к началу войны у нас проложено 73 тысячи километров железных дорог – крайне мало.

С 1900 года по 1904 год в Российской империи введено в эксплуатацию 6380 километров железных дорог. С 1905 по 1909 год – 5260 километров (уже меньше), с 1910 по 1913 год – 3570 километров. Очевидно, что темп строительства железных дорог из года в год постоянно снижался.

Д. Пучков: В чем причина? Вроде дело нужное.

Б. Юлин: Деньги. Развитие промышленности. И еще один занятный момент: «На строительство новых стратегических линий Россия получила от Франции дополнительный заем. Соглашаясь на новый заем, французское правительство требовало немедленного осуществления плана строительства дорог, согласованного между Генеральными штабами. Под него в России был выпущен внутренний облигационный заем, крупные банки приступили к организации обществ, получившие концессий на 15 тысяч верст дорог. До начала мировой войны они успели построить около 2 тысяч верст новых дорог и во время войны – еще 3,5 тысячи верст. В строительство включилось и Военное ведомство».

Во-первых, наше строительство железных дорог, как и перевооружение армии, в значительной мере финансировала Франция в рамках оборонительного союза. При этом большая часть железнодорожного полотна строилась в Польше.

Д. Пучков: Она тоже нашей была, многие не в курсе.

Б. Юлин: Да. Но дело в том, что именно через Польшу мы могли действовать против Германии, и французы выделяли деньги на строительство в первую очередь тех железных дорог, которые позволяли быстрее провести мобилизацию. Им было плевать на

нашу экономику, им не требовались железные дороги там, где России было нужно для хозяйства. Поэтому самая лучшая сеть железных дорог располагалась в Польше и в Прибалтике – чтобы вести переброску войск в Германию.

Д. Пучков: Увы.

Б. Юлин: Помнишь визуально, как соотносятся размеры территорий Российской империи, Франции и Германии?

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: У Франции к этому времени есть 14 тысяч паровозов, а у Российской империи – 20 тысяч. Чуть больше, чем у французов, – но сравни их и нашу территории! В Германии к тому времени имеется 28 тысяч паровозов, больше, чем у нас, при гораздо меньшей территории. Статистика по вагонам: у нас – 485 тысяч, Франция – 371 тысяча вагонов, Германия – 704 тысячи.

Д. Пучков: Это значит (для совсем тупых), что перевозки сильно интенсивнее, – паровозов много, и везут они гораздо больше, потому что вагонов много.

Б. Юлин: Да. А учитывая, что во Франции или Германии сами перевозки гораздо короче...

Д. Пучков: Расстояния меньше.

Б. Юлин: Скажем так, чтобы перевезти столько, сколько один паровоз везет во Франции, в России требуется четыре-пять паровозов. И, соответственно, в четыре-пять раз большее количество вагонов. Ничего этого нет – отсюда и разница сроков мобилизации, численности мобилизованных войск и снабжения войск на линии фронта.

Д. Пучков: Не только едой, но снарядами и патронами, да?

Б. Юлин: Всем. От текущих пополнений до продуктов питания.

Д. Пучков: Неплохо было бы узнать, сколько где народу служило и сколько на них приходилось паровозов и вагонов.

Б. Юлин: Сейчас посмотрим. Вооруженные силы мирного времени в Российской империи составляли 1 миллион 284 тысячи человек, если брать кадровую армию (а вооруженные силы в целом – больше 1 миллиона 400 тысяч), 6848 орудий и 240 тяжелых орудий. По окончании мобилизации численность вооруженных сил у нас должна была достичь 5 миллионов 460 тысяч.

Все население Франции – 40 миллионов человек. Правда, Франция активно развивала колониальные войска, которые в ходе войны ей очень помогли. Армия мирного времени – 884 тысячи человек, по окончании мобилизации – 3 миллиона 780 тысяч человек, артиллерия – 3960 легких и 688 тяжелых орудий. Легкая артиллерия, как и в целом численность армии, – в 1,5 раза меньше, чем у нас, а тяжелая – в 3 раза больше.

Теперь обратимся к Германии: 780 тысяч солдат, по окончании мобилизации – 3 миллиона 800 тысяч (без Ландвера); 7312 полевых орудий, 2000 тяжелых орудий. Больше, чем у нас и у Франции, вместе взятых, в 3 раза.

К началу боевых операций у нас было мобилизовано 2,5 миллиона человек, у французов – 2,7 миллиона. Дело в том, что под первую волну мобилизации попадали далеко не все, что опять же из-за ограниченных возможностей транспорта.

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: Германия к началу войны мобилизовала 2 миллиона 200 тысяч солдат, но в целом, сравнивая количество согнанных под ружье людей, немцы собрали больше, чем Франция и Россия, – просто раньше начали боевые операции.

Теперь - о планах и предположениях сторон. Французы исходили из того, что немцы в первую очередь нападут на них. Немцы, кстати, тоже считали, что первым делом надо нападать на французов - основных, как тогда предполагалось, противников. И наши это понимали.

Поэтому боевые действия планировались так: французы собирались, опираясь на линии укреплений на границах Франции и, возможно, Бельгии, сдерживать немецкий натиск до тех пор, пока Россия не завершит мобилизацию и не вторгнется в Германию с другой стороны. А воевать на два фронта у Германии не хватит сил.

Д. Пучков: Не хватит, да.

Б. Юлин: Это французский план. Он учитывал еще то, что союзником является Англия, - на самом деле действовать на два фронта немцы бы смогли, а вот драться еще и против Великобритании... Немцы были уверены, что Англия будет воевать против них, но не догадывались, что это случится с самого начала, потому что не знали о союзных обязательствах Англии. Они думали, что Англия неизбежно ввяжется в войну, но с опозданием.

Согласно знаменитому плану Шлиффена, Германия должна была бросить на Францию практически все силы: развернуть 7 армий, из которых шесть вторгаются во Францию через Бельгию в обход укреплений, а одна - сидит напротив границы с Францией, сдерживая в случае чего возможный контрудар французских войск. Тратить силы на войну с Россией вообще не предполагалось. Обойдя всю северо-восточную часть Франции - наиболее промышленно развитую - и обогнув Париж, немцы рассчитывали окружить французские силы, уничтожить их и заставить Францию капитулировать в считанные недели.

Такой грандиозный план пугал даже самих немцев. К Первой мировой войне его слегка смягчили: одну армию решили держать против России, семь – против Франции, причем бросить через Бельгию следовало не шесть из них, а только пять, чтобы две оставшиеся сдерживали французов.

Используя превосходство в артиллерии, в скорости мобилизации и, как сами немцы считали, в подготовке войск, Германия планировала быстро разгромить Францию и тогда уже развернуться к России. Кроме того, немцы рассчитывали, что Австрия будет хоть как-то сдерживать Россию – не слишком долго, так как ясно, что Российская империя сильнее Австрийской практически по всем параметрам. Плюс к этому у Германии была надежда на то, что какие-то силы французов будут оттянуты итальянцами.

План Австрии состоял в том, чтобы воспользоваться развязавшейся войной, прикрыться чем-то от России и срочно напасть на Сербию, захватив проход к Константинополю.

План России. Французы пытались от нас добиться следующего: так как главный противник – Германия, то России предполагается сосредоточить основные силы против нее и, как только появляется возможность, начать наступление вглубь Германии, чтобы оттянуть силы от Франции. Наши собирались развернуть на западной границе 6 армий. Французы настаивали, чтобы 3 или 4 армии перешли в наступление против немцев, утверждая, что немецкая граница будет практически открыта. Наше командование хотело сразу отобрать как можно больше и у Германии, и у Австрии, поэтому планировалось 2 армии направить против немцев, 4 – против австрийцев, а потом наступать и там, и там по расходящимся направлениям.

Д. Пучков: Наполеоновские замыслы.

Б. Юлин: Да. А французы, мол, пускай отмахиваются пока, как знают. В итоге, разумеется, когда мы четырьмя армиями разгромим Австрию, можно начинать победный марш на Константинополь.

У Англии планы были предельно простые: начав сосредоточивать силы во Франции, заблокировать Германию со стороны моря и, не слишком глубоко вступая в сухопутные действия, предоставить русским и французам бить немцев, а немцам – бить русских и французов. Это тоже не сработало, но обо всем – в свое время.

Собственно говоря, таковы основные планы сторон.

Д. Пучков: Как положено, каждый печется о собственной выгоде.

Б. Юлин: Империалистическая война именно такова, ее причины всегда чисто коммерческие.

Итак, все страны вооружены магазинными винтовками, пулеметами, скорострельной полевой артиллерией, у немцев вдобавок в достаточном количестве имеется тяжелая артиллерия. По развитию тактики и формы, по ведению боевых действий на первом месте находятся, собственно говоря, английская и русская армии, а также японская, которая в данный момент является нашим союзником на Дальнем Востоке (она в союзе с Англией).

В умении оперировать крупными соединениями и способности к мобилизации на первом месте – немцы и французы. Австрия отстает от всех, к тому же австрийская армия является самой многонациональной, солдаты говорят на огромном количестве языков, и немецкий командный состав часто не понимает своих подчиненных.

Д. Пучков: Они-то и внутри Германии не очень хорошо друг друга понимали. Как там в произведении про храброго солдата Швейка: «Это из Баварии

призывники, их сначала надо научить говорить по-немецки, а после этого они уже могут службу нести».

Б. Юлин: Не из Баварии. Бавария – это и есть Германия.

Д. Пучков: Неважно! Население Германии друга друга не понимало. Это, кстати, говорит о специфических вещах: несмотря на сказки про свободу, люди из Баварии веками не ездили, например, в Берлин, сидели на одном месте и говорили на своем диалекте.

Б. Юлин: Существовала австро-венгерская двуединая монархия: нация высшего сорта – немцы, австрийцы, вторая нация первого сорта, более многочисленная, более бодрая и наглая, но чуть ниже «по уровню» – венгры, плюс куча подвластных народов.

Д. Пучков: «Чурки завоеванные».

Б. Юлин: Да. В основном из славян. Еще и румыны есть. Бардак бардаком, но при этом – древняя и могучая империя, которая обеспечивает мир и стабильность в Европе. Согласно тогдашней австрийской пропаганде, разумеется.

Д. Пучков: И вот все перечисленные встали на низкий старт и ждали сигнала.

Б. Юлин: И активно гнали гонку вооружений в меру возможностей. В следующий раз поговорим про начальный этап боевых действий.

Д. Пучков: Спасибо, Борис Витальевич, очень познавательно. Всем любителям хруста французской булки и невероятного развития в 1913 году рекомендуется хотя бы поверхностно ознакомиться с тем, у кого что было, сколько и почему, а также на что шли деньги.

Б. Юлин: И откуда они брались.

Д. Пучков: И что на эти деньги было организовано, и как, и какой давало конечный результат. С нетерпением ждем продолжения. До новых встреч!

О начале Первой мировой войны

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Продолжаем?

Б. Юлин: Мы начали говорить о Первой мировой войне и о том, как страны Европы к ней готовились. Теперь обсудим, как она начиналась. Хочу напомнить основной постулат: среди крупных держав, принявших участие в развязывании Первой мировой войны, войны хотели все. Безвинных жертв среди крупных стран не было. Среди мелких была – Сербия.

Д. Пучков: И Англия, и Франция, и Германия, и Австро-Венгрия, и Россия хотели войны, чтобы решить свои задачи. Другими словами, заграбастать дополнительные источники доходов.

Б. Юлин: Ну, не совсем так. У Франции задача была чуть-чуть другая – не дать отобрать уже имеющиеся источники доходов. Что тоже важно, правильно?

Д. Пучков: Конечно! Не меньше, да.

Б. Юлин: А тут, пока у Германии есть сильные противники, почему бы ее не пнуть, ведь лет через десять таких союзников может не случиться, а мощный враг останется.

Все искренне рассчитывали на то, что война будет закончена в течение 2-3 месяцев, то есть предполагали победить быстро. Военная экономика и планы строились на основании этих сроков. Оптимистичный подход: решительным ударом, малой кровью, все прекрасно.

Д. Пучков: «Малой кровью, могучим ударом» – так в оригинале, да?

Б. Юлин: Да.

Поводы, кстати, иногда всплывали, но пока не все подготовились как следует, их заминали. То, что война будет в 1914 году, было уже достаточно очевидно для многих. Например, для англичан, которые начали строить для турок два новых линейных корабля. Вернее, дело было так: один из кораблей изначально строился для Бразилии, а потом турки его перекупили: им нужны были новые современные корабли, и деньги собирали по подписке со всей Турции. Так вот, за 3 месяца до войны англичане сначала стали тормозить передачу линкоров для Турции, а где-то за месяц уже сформировали для них английские экипажи. Почему? Потому что, проанализировав ситуацию – окончание расширения Кильского канала, наиболее оптимальное для Германии соотношение сил на море, – решили, что именно в это время Германия будет готова начать войну.

Рассудили они верно.

Кроме того, в это время шла расстановка фигур. Например, турки мечтали дружить с Англией и в случае чего воевать только на ее стороне, – но так как Англия хотела видеть своим союзником Россию, а Россия и Турция на одной стороне воевать не могут, то... Турция осталась без линейных кораблей.

Д. Пучков: Как это говорят в кругах, к которым мы не имеем чести принадлежать, «Турцию шваркнули». А деньги-то хоть вернули когда-нибудь?

Б. Юлин: Нет.

Д. Пучков: Отлично!..

Б. Юлин: С какой стати? Как это так, деньги еще вам возвращать. А вы попробуйте, отберите!

В подходящее время нашелся и повод: в конце июня 1914 года в Сараево, то есть на территории Австро-

Венгерской империи, убили эрцгерцога Фердинанда и его супругу. Убийца был сербом по национальности...

Д. Пучков: Гаврила Принцип.

Б. Юлин: Да. Разумеется, виноватой назначили Сербию. Это произошло еще и потому, что раньше у власти в Сербии находилась династия Обреновичей, которую поддерживали австрийцы, а потом в результате заговора ее свергли, при поддержке России сменив на династию Карагеоргиевичей.

С точки зрения Австрии, это был непорядок. Германия сказала австрийскому императору: «Жги! Не бойся, мы с тобой, братан». И Австрия начала жечь, то есть предъявила Сербии ультиматум, фактически означавший ликвидацию сербской независимости. По предложению Российской империи Сербия согласилась на все пункты ультиматума, кроме одного, касавшегося подчинения сербских правоохранительных органов приехавшим австрийским сыщикам, которые должны были расследовать дело. Это действительно означало полный отказ от суверенитета.

И Австро-Венгрия начинает всеобщую мобилизацию. Казалось бы, для войны с Сербией это не так уж необходимо, но Австрия начинает сосредотачивать войска на границе как с Сербией, так и с Россией. На всякий случай. Россия, в свою очередь, объявляет мобилизацию. Сначала собирались сделать ее частичной – но, поразмыслив, решили, что это может сорвать всеобщую, когда она потребует, поэтому сразу начали всеобщую.

Теперь – пара слов о том, что из себя представляют союзные договоры между державами. Обычно они строятся довольно своеобразно: если какая-то страна оказалась в состоянии войны с другой страной, но не является жертвой агрессии, союзники не обязаны участвовать в войне. То есть если Австрия воюет, допустим, с Сербией, Германия может не воевать. Но

при этом если Австрия оказывается против двух и более противников, то Германия автоматически должна вступить в войну в соответствии с союзным договором. Кстати, между Россией и Францией договор был аналогичным.

И вот, Австрия объявила войну Сербии, Россия начала всеобщую мобилизацию против Австрии, сосредотачивая силы на границах с Германией и Австрией. Германия предъявляет России ультиматум: в течение 24 часов остановить всеобщую мобилизацию, иначе Германия будет вынуждена объявить Российской империи войну. Это полностью соответствовало тогдашним нормам: во-первых, наша мобилизация являлась угрозой для Германии, а во-вторых, даже если мы воюем исключительно против Австрии, той приходится воевать против Сербии и России, то есть против двух стран, и Германия обязана вступить в войну. Российская империя не ответила на немецкий ультиматум, продолжив собирать войска.

Д. Пучков: То есть, для тупых, начало мобилизации – это фактически начало войны. Всем понятно, ради чего ты тут мобилизуешься и куда ты пойдешь.

Б. Юлин: Итак, первая страна, которая ломанулась в войну, – Австро-Венгерская империя. Вторая сторона, присоединившаяся к разжиганию войны, – Российская империя. За ними последовала Германия.

Иногда говорят, что не следовало-де России вступать в Первую мировую войну, пускай бы немцы рубились с французами и англичанами, а нам нужно было подождать в стороне. Так вот, это французы с англичанами могли подождать в стороне.

Д. Пучков: Обожаю наших диванных аналитиков.

Б. Юлин: На самом деле мы в войну вступили раньше, а союзники могли выполнить союзные обязательства или нет. Они выполнили, можно приписать это их благородству, а можно – тому, что в их

собственных интересах было войну устроить именно сейчас. Когда Германия объявляет войну России, Франция запускает во весь опор свою всеобщую мобилизацию и объявляет войну Германии. А Англия предупреждает немцев, что нужно соблюдать бельгийский нейтралитет: ведь немцы сосредотачивают основные силы на границе с Бельгией.

Д. Пучков: Так.

Б. Юлин: Англичане в войну не вступают, потому что Антанта – все-таки секретный союз. Кстати, чисто политический нюанс: если бы союз Франции, Англии и России был открытым, вполне возможно, Первая мировая бы вообще не состоялась. Знай Германия, что Англия вступит в войну сразу, она по-другому оценивала бы соотношение сил и, возможно, не решилась бы оказать поддержку Австрии: убили вашего эрцгерцога, туда ему и дорога.

Д. Пучков: Но тогда война бы просто разразилась позже?

Б. Юлин: Вполне возможно – но в это конкретное время развязыванию войны помогло то, что союз был секретный. А не озвучивали его именно потому, что все хотели войны. Другими словами, надо было Германии дать как следует зарваться, а то вдруг она на стрелку не явится.

И вот Германия, обгоняя по темпам мобилизации и Россию, и даже Францию, сосредотачивает войска и переходит бельгийскую границу. В первые месяцы взяты бельгийские крепости Льеж и Намюр, – правда, под Льежем, который перекрывал путь, из-за сопротивления гарнизона пришлось на 2 недели задержаться. Крепость захватили с помощью сверхтяжелой артиллерии, впервые примененной немцами: 422-миллиметровых осадных гаубиц. Когда снаряды начали падать на бельгийцев...

Д. Пучков: Сколько такой снаряд весил?

Б. Юлин: Больше тонны.

Д. Пучков: Как хорошая авиационная бомба, я бы сказал.

Б. Юлин: Короче, бельгийские укрепления не могли противостоять этим гаубицам от слова совсем.

Бельгия оказалась не способна остановить немецкое наступление, но смогла немножко его задержать, и французы успели перебросить свои войска. Произошло так называемое Приграничное сражение, где 3 французские армии, которые французы смогли подтянуть, и английская экспедиционная армия дали сражение 5 немецким армиям, потерпели поражение, понесли большие потери и стали откатываться вглубь Франции.

Немцы переоценили значение этого сражения, сочтя, что уже победили: у них в 2 раза меньше потерь, французы разбиты и бегут, ура. Германия продолжила наступление и даже решила по этому поводу побороться за Восточную Пруссию, которую до этого собиралась оставить.

Что в это время происходит с другой стороны? Наши, проведя мобилизацию с довольно заметным опозданием и не успев к Приграничному сражению, 17 августа начинают Восточно-Прусскую операцию.

Д. Пучков: И что мы видим?

Б. Юлин: 1-я и 2-я русские армии (больше 300 тысяч человек) наступают на немецкую 8-ю армию (около 200 тысяч человек) по сходящимся направлениям, имея превосходство и в артиллерии, и в личном составе. У нас очень любят гордиться победой при Гумбиннене, где немцы дали нам встречный бой, были разбиты и бежали. Но это была лишь часть операции, промежуточное сражение. Наши наступают четырьмя армиями на немцев, двумя – на австрийцев, осаждают Перемышль, мощную австрийскую крепость.

Немцы же, несколько усилив 8-ю армию, решают нанести удары по частям. 1-й русской армией Северо-Западного фронта командует П. Ренненкампф, 2-й – А. Самсонов, они друг друга не любят, взаимодействия между армиями нет, каждая действует самостоятельно. И немцы сначала бросают все силы против 2-й армии, окружают ее ядро в Мазурских болотах и громят: 2 корпуса попадают в окружение и полностью уничтожены, остальные отступают. После этого немецкие войска направляют удар против 1-й армии, также вынуждая ее отступить. Одним словом, немцы, имея в полтора раза меньше сил, наносят поражение нашим войскам.

Еще один занятный момент: немецкий флот был намного сильнее русского флота, но слабее английского. В это же самое время происходит набег английского флота на Голландскую бухту (главную базу немецкого флота). Он заканчивается успешно: немцы несут потери и отсиживаются. А у России на Балтике численное превосходство: наш флот, который в целом уступает германскому, именно здесь сильнее. При этом фланг наших войск флотом не поддерживается, а немцы осуществляют перевозки подкреплений, в том числе и в Кенигсберг, морем.

Д. Пучков: А почему наши ничего не делали?

Б. Юлин: Осторожничали и на суше, и на море. Решительностью в действиях у нас никто не отличался.

Российские историки часто объявляют Восточно-Прусскую операцию спасением Франции. Чтобы выяснить, так ли это, достаточно просто сравнить масштабы. Как я уже сказал, в Восточно-Прусской операции 300 тысяч человек сражались с 200 тысячами. А когда, например, немцы начали наступление на Западном фронте, у них был 1 миллион 600 тысяч человек против 1 миллиона 300 тысяч французов, не считая бельгийцев и англичан. При этом, наступая,

немцы считали, что уже разгромили Францию, и почивали на лаврах.

И происходит «чудо на Марне»: девятистам тысячам немцев противостоит более миллиона французских и английских солдат. Французы не бежали, а отступали достаточно организованно, просто разорвав контакт с немцами и постоянно усиливали свои войска: они перебросили сюда 9-ю армию, кроме того, в Париже срочно создали, собрали буквально с нуля новую 6-ю.

А немцы, чтобы не растягивать фронт, пошли не в обход Парижа, как полагалось по плану Шлиффена, а в обход крепостей у границы, оставив Париж за правым флангом. К сражению на Марне уже у французов было охватывающее положение по отношению к немецким войскам и больше сил, чем у немцев. Что совершенно логично сказалось на боевых действиях. На Марне немецкие войска потерпели поражение и были отброшены, а угроза разгрома Франции ликвидирована.

После «чуда на Марне» крупномасштабные сражения на западе закончились. Начались попытки обойти друг друга с флангов, так называемый «бег к морю», в ходе которого англичане и французы старались обогнуть немецкий фланг, а немцы – соответственно французский. Так они потихоньку двигаются все дальше и дальше на север, пока не упрутся в пролив Па-де-Кале. В итоге складывается сплошной позиционный фронт от Швейцарии до Северного моря.

Д. Пучков: А когда была Верденская мясорубка?

Б. Юлин: Намного позже. Пока что Верден – самая северная из французской линии мощных крепостей, идущей по франко-немецкой границе.

Д. Пучков: Так...

Б. Юлин: Что же в это время происходит на нашем фронте? Масштаб сражений примерно ясен. Но мобилизация в России идет, сил у нас много, просто на

фронт они прибывают постепенно. Пока что мы потерпели поражение в Восточной Пруссии, а наступление против Австрии, которое сначала было очень успешным, захлебнулось из-за недостатка сил. И наши все-таки решили направить основной удар против немцев и сосредотачивать главные силы стали в Польше. Целью было начать наступление в Померанию и тем самым отрезать Восточную Пруссию.

Немцы задумали сорвать эту операцию ударом с фланга. Они развернули новую 9-ю армию, подтянули часть австрийских сил и начали наступление на Варшаву и Ивангород. Задача была предельно проста: не дать русским наступать. При этом у немцев и австрийцев в этом районе находились 2 армии, в основном сформированные из ландвера, части далеко не первой линии, против наших 5 армий. У России было примерно двойное численное превосходство.

Это сражение тоже любят называть русской победой. На самом деле немцы, отбросив наши передовые части, настолько успешно развивали наступление, что даже приняли решение попробовать взять Варшаву и Ивангород, первоклассные, мощные современные крепости. Это им не удалось: атаки немцев были отбиты, а германские войска – отброшены. Наши объявили, что немцы бежали с поля боя, в то время они, по примеру французов, просто разорвали контакт с нами и вывели силы за фланг. Российское командование поменяло планы: раз мы немцев побиили здесь, то будем наступать теперь на Силезию. Наступление на Померанию провалилось, то есть немецкие войска полностью выполнили поставленную задачу.

В это время немцы опять перебросили силы, снова оказавшись за флангом наших войск, только уже за другим, и нанесли удар по Лодзю. Однако в ходе этой

Лодзинской операции наши опять сумели отбиться от немцев.

Соотношение сил при этом было очень интересным. Вот, допустим, Варшавско-Ивангородская операция, о которой я рассказывал сначала. Немецкие и австрийские силы наступают: 290 тысяч пехоты, 20 тысяч конницы, 1600 орудий. Русские войска: 470 тысяч пехоты, 50 тысяч конницы, 2400 орудий, то есть у нас двойное численное превосходство в живой силе и полуторное - в артиллерии, не считая крепостных орудий, которых было более тысячи в Варшаве и Ивангороде. Немцы наступают, наши отбивают их атаки и отбрасывают, отстояв Варшаву и Ивангород.

И немцы начинают Лодзинскую операцию, в которой со стороны Германии участвуют 155 тысяч штыков и сабель, 960 орудий; со стороны австрийцев, которые поддерживают немецкое наступление с фланга, - 124 тысячи штыков и сабель и 480 орудий; с российской стороны - 367 тысяч штыков и сабель, 1305 орудий.

Д. Пучков: Вдвое больше.

Б. Юлин: В этот раз наши даже сумели окружить небольшую группу немцев, но те, правда, потом из окружения вырвались.

В итоге наше наступление в Силезию тоже сорвано: несмотря на превосходство в силах в 2 раза, начать его мы так и не смогли.

Д. Пучков: Чем объяснили? Опять осторожностью?

Б. Юлин: Объяснили тем, что мы одержали победу: немцы дважды наступали, мы их дважды отбросили.

Д. Пучков: А. Не поспоришь.

Б. Юлин: Правда, победы получились так себе. Если судить по итогам, мы провели - вернее, попытались - три наступательных операции: первая закончилась разгромом, еще две мы не смогли даже начать.

Д. Пучков: Неплохо. Были назначены виноватые?

Б. Юлин: Нет. У нас же все хорошо, мы побеждаем. Можно было назначить виноватым Самсонова, который потерпел поражение со 2-й армией, но он сам застрелился еще в окружении.

Д. Пучков: Думал, в плен возьмут? Или от расстройтва?

Б. Юлин: Нет, он на самом деле был мужественный и действительно честный человек, неплохой военный, командовал конницей в Русско-японскую войну. Но здесь, скажем так, не потянул. Я уже цитировал Зайончковского: на тактическом уровне в российской армии вроде бы все было нормально, а на стратегическом - очень плохо. Именно этим объясняются такие провалы при двойном численном превосходстве. Но, во-первых, мы хуже маневрировали: русские войска двигались медленнее, взаимодействие между ними было организовано хуже, чем у противника. Некоторые вещи иначе как непомерной тупостью объяснить нельзя: телеграммы между российскими фронтами и армиями отправлялись незашифрованными, открытым текстом, а немцы их читали.

Д. Пучков: Гениально. Я считаю, гениально.

Б. Юлин: Да. Уже одного этого достаточно для поражения. При этом непосредственно в боях, как под Гумбинненом, немцы несли большие потери: их было лучше видно, по ним было проще попадать, их артиллерия стояла на открытых позициях. Как раз в ходе этой компании они наконец-то научились прятать артиллерию на закрытые позиции и использовать корректировщиков.

Таким образом, в тактическом плане, непосредственно на поле боя, у нас было все достаточно неплохо и зачастую лучше даже, чем у немцев, не говоря уже об австрийцах. Но как только мы переходим на оперативный уровень и тем более на

стратегический, начинается какой-то кататонический кошмар. Поэтому, имея в два раза больше сил, мы не можем начать наступление. Нас постоянно бьют.

Д. Пучков: Отлично подготовлены.

Б. Юлин: А телеграммы между фронтами, армиями и корпусами пересылаются обычным телеграфом...

Д. Пучков: За это тоже никто не отвечал? Они были не в курсе, что немцы могут перехватить информацию?

Б. Юлин: Дело в том, что впервые мы использовали телеграф в боевых действиях против турок. Турки, видно, не смогли с этим ничего поделаться. Второй раз – во время войны с Японией: у нас был свой телеграф, у японцев – по сути, свой. А при развитых телеграфных сетях вышел неприятный казус.

Д. Пучков: Какой-то бред, мягко говоря.

Б. Юлин: Ну, не использовать шифрование во время реальных боевых действий – это действительно бред.

Д. Пучков: Если учесть (многие не в курсе), что шифрование было известно еще с античных времен, а может, и раньше...

Б. Юлин: Во всяком случае англичане и немцы в это время шифрование использовали во весь опор. Мы – нет. Может, шифровальщиков не хватало. Не будет же командующий армией или фронтом снисходить до шифровки сообщения.

Д. Пучков: Возможно, ему не позволяло дворянское достоинство.

Б. Юлин: Короче говоря, объяснить это трудно.

Итак, 1914 год: все страны хотят добиться быстрого успеха и бросают в войну большие силы. Сначала немцы добиваются успеха на западе в строгом соответствии с планом Шлиффена: в Приграничном сражении громят французов, но очень переоценивают значение победы, считая, что французская армия разбита, в то время как она всего лишь потерпела поражение и отходит. Это выливается в битву на Марне, где у немцев уже сил

меньше, а у французов – заметно больше. Французская артиллерия в этом сражении проявляет себя прекрасно: их скорострельная пушка считается одним из ключевых моментов «чуда на Марне» (скажем так, она стреляла в два раза чаще немецкой).

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: К тому же, у немцев уже не было численного превосходства в артиллерии, а так как боевые действия были маневренные (то есть еще без окопов), то тяжелая артиллерия играла гораздо меньшую роль, а полевая – решающую. Ну и, кроме того, французы имели преимущество в стратегическом положении.

Далее следуют попытки обеих сторон отбросить противника и решить стратегические задачи путем обхода вражеского фланга. Это постепенно приводит к тому, что войска, добравшись до моря, окапываются, и возникает стабильный позиционный фронт от Швейцарии до Па-де-Кале.

Д. Пучков: Все закопались в землю.

Б. Юлин: Да. И с одной стороны – море, с другой стороны – нейтральная страна в горах, фиг обойдешь.

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: У нас в это время такого серьезного, мощного позиционного фронта еще не сложилось: не та плотность войск. Происходит целый ряд крупных маневренных сражений. Мы начинаем успешное наступление и в Восточной Пруссии, и против Австрии. В Восточной Пруссии нас громят, потерпев позорное поражение, мы отступаем. Додавить австрийцев не получается, потому что не хватает сил. Именно здесь кроется наша большая проблема: мы распылили силы на два расходящихся направления, стремясь добиться успеха в обоих. В итоге сил не хватает ни там, ни там.

В наши армии продолжают прибывать уже отмотобилизованные войска – медленно, так как

железные дороги не справляются. Но постепенно численность войск растет. Мы получаем серьезное превосходство над противником, планируем одно наступление, второе – все их немцы срывают.

Д. Пучков: Прочитав о них в телеграммах, да?

Б. Юлин: Да. В результате мы дотягиваем до зимы, не добившись никакого стратегического успеха, да еще и потеряв часть территории в Польше во время «успешных» действий против немцев и австрийцев. Несколько армий должны были отрезать Восточную Пруссию, еще несколько – взять Силезию, где находятся мощные промышленные центры Германии. Если бы это удалось, Германия была бы сильно ослаблена. Но развить наступление мы не можем: немцы наносят с флангов удары в два раза меньшими силами и останавливают его.

Д. Пучков: Как-то бестолково, так я вам скажу.

Б. Юлин: К концу 1914 года наступает некоторое затишье, вызванное совершенно банальной причиной: прошло 3 месяца войны, и у всех все кончилось. Довоенные запасы потратили и Российская империя, и Французская республика, и Германская империя, и Австро-Венгерская, а у Британии не так уж и много было. В этом отношении меньше всего пострадали турки, с которыми мы тоже начали воевать на Кавказе...

Д. Пучков: Немножко.

Б. Юлин: Сарыкамышской операцией наши тоже очень гордятся. Там мы разгромили численно меньшие турецкие силы, которые мужественно, но бестолково сражались и понесли колоссальные потери, гораздо большие, чем мы. У турок изначально не было запасов даже на 3 месяца. К этому времени в Османской империи с промышленностью уже очень давно все не слава богу. Итак, все берут паузу. О том, что произошло после нее, – о кампании 1915 года – мы поговорим в другой раз.

Осталось обсудить действия на море. Дело в том, что немцы пытались поставить Англию на колени рейдерскими действиями - у них было несколько крейсеров-рейдеров во всем Мировом океане: эскадра фон Шпее (Maximilian Graf von Spee) на Дальнем Востоке и отдельные крейсера в американских и в африканских водах.

Д. Пучков: «Увижу что-нибудь английское - утоплю».

Б. Юлин: Да. Более того, топили. Эскадра адмирала Шпее сначала дошла от Циндао (Китай) до Чили, там при Коронеле разгромила английскую эскадру Крэдока (Christopher «Kit» Cradock), уничтожив 2 английских броненосных крейсера, затем обогнула Южную Америку и вышла к Фолклендам. Англичане провели довольно занятную операцию: сумели прислать Шпее ложную телеграмму с приказом якобы немецкого адмиралтейства атаковать английскую базу на Фолклендах, а там устроили засаду - пригнали 2 линейных крейсера...

Д. Пучков: Ловко.

Б. Юлин: ...из Британии, не считая других кораблей, и в сражении при Фолклендах эскадра адмирала Шпее была уничтожена. От нее отделился только легкий крейсер «Эмден» (SMS Emden), который отправился сначала в юго-западную часть океана, а оттуда - в Индийский океан, очень много всего наловил.

Д. Пучков: Известная история.

Б. Юлин: Англичан это очень напрягло. «Эмден», кстати, уничтожил наш крейсер «Жемчуг» у острова Пенанг, в Малайзии.

Д. Пучков: Сволочь.

Б. Юлин: Ну да, сволочь. В это время командир крейсера находился на берегу с женой... Правильный способ ведения боевых действий, да?

Д. Пучков: Безусловно.

Б. Юлин: В итоге «Эмден»...

Д. Пучков: Лютовал как хотел.

Б. Юлин: Да, лютовал как хотел. Утопил французский миноносец «Муске» и наш «Жемчуг». В бухте было здорово, тепличные условия, никакой болтанки.

Д. Пучков: Как в тире всех перестрелял.

Б. Юлин: Ну да. Наскочил, перестрелял, торпеду всадил, убежал. Но потом при обстреле очередного острова был пойман английским крейсером «Сидней» – японские и английские крейсера все более плотно стягивали кольцо. А там как: у немцев 10 пушек по 105 миллиметров, вес снаряда – 14 килограммов, а у «англичанина» – 8 пушек по 152 миллиметра, гораздо большая огневая мощь и сам корабль почти в 2 раза крупнее. «Эмден» был уничтожен.

Д. Пучков: Круто. Есть ли какие-нибудь художественные фильмы на эту тему?

Б. Юлин: Есть и литература. Собственно, произведение про странствие крейсера «Эмден» читается как забойный приключенческий роман в стиле Луи Буссенара.

Д. Пучков: Ну если даже я его название знаю, он действительно прогремел.

Б. Юлин: Был еще крейсер «Кенигсберг», который базировался как раз в Африке, в районе Занзибара.

Д. Пучков: На родине Фредди Меркьюри, да?

Б. Юлин: Да. В Танзании тоже была немецкая колония.

«Кенигсберг» совершил очень удачный набег на английские владения, утопив крейсер «Пегас», – правда, если «Сидней» был мощным кораблем, то «Пегас» – всего лишь крейсером 3-го класса. Барахло, ниже уже идут канонерки. «Немец» его безнаказанно расстрелял, а потом англичане долго и упорно искали «немца». «Кенигсберг» ушел в устье реки Руфиджи в

Танзании, англичане его там блокировали и пытались другими крейсерами туда прорваться, но ни черта не получалось. Очень долго осаждали один корабль. Закончилось все тем, что англичане туда пригнали речные мониторы, которые Англия строила для Бразилии и которые были выкуплены английским правительством специально для того, чтобы уничтожить крейсер «Кенигсберг». Наконец утопили. На этом эпопея этих рейдеров, боевых крейсеров...

Д. Пучков: Закончилась.

Б. Юлин: Англичанам потребовалось фактически 3 месяца, чтобы очистить коммуникации от немецких крейсеров. А подводные лодки в то время еще особой роли не играли.

Д. Пучков: Отважные были немцы, надо сказать.

Б. Юлин: А англичане показали себя умелыми. И порядок навели достаточно быстро.

Д. Пучков: Круто, круто.

Б. Юлин: Затем последовали блокада Гельголандской бухты и попытки немцев переломить в борьбе на море хоть что-то. Тогда-то они и начали строить мало-мальски приличные подводные лодки – в начале войны у немцев и того не было.

Д. Пучков: Насколько же все отличается от Второй мировой...

Б. Юлин: Чуть не забыл рассказать, как в войну вступила Османская империя.

Д. Пучков: Так-так.

Б. Юлин: У немцев для поддержки союзных австрийцев и итальянцев в Средиземном море находились новейший крейсер «Гебен» (SMS Goeben) и легкий крейсер «Бреслау» (SMS Breslau). Крейсер «Гебен» был прекрасен: он имел толстую броню (300 миллиметров), мощнейшее вооружение (10 одиннадцати-дюймовых скорострельных дальнобойных

орудий) и мог развивать огромную скорость хода (28,5 узла).

Но так как он в это время заправлялся в Северной Африке, в том числе котельной водой, то его максимальная скорость упала до 18 узлов.

Д. Пучков: Плохая вода была?

Б. Юлин: Плохая вода, плохое топливо. Короче, в колониях все плохо и все воруют, как положено. В итоге крейсер посадил себе силовую установку.

И вот начинается Первая мировая война. Страны обмениваются ультиматумами, и крейсер «Гебен» с крейсером «Бреслау» начинают двигаться в сторону австрийских портов. Но тут становится совершенно очевидным, что Италия в войну на стороне Германии и Австрии не вступит. Пока Англия в войну еще не вступила, а немцы не вломились в Бельгию, но английские корабли уже сопровождают «Гебен» и «Бреслау». Вскоре выясняется, что прорваться в австрийские порты англичане не дадут, Италия уже в принципе не союзник, а в Турции в этот момент идет вой, потому что англичане наконец окончательно объявили, что вместо новых линкоров, на которые вся страна собирала деньги, турки получают дырку от бублика. И тут немцы делают гениальный шаг...

Д. Пучков: Хитрый ход.

Б. Юлин: ...объявляют, что готовы продать туркам «Гебен» и «Бреслау». Да еще и в рассрочку: заплатите потом. Турки вне себя радости – все-таки удастся обновить состав флота – соглашаются на это. И англичане пропускают «Гебен» и «Бреслау» – напомню, что Англия все еще не в состоянии войны, – в Эгейское море. Оттуда корабли уходят в Дарданеллы к туркам и получают турецкие названия. Немецкий генерал становится командующим турецкой армией, а немецкий адмирал, который командовал крейсером «Гебен», – командующим турецким флотом. Никто больше в

Турции ни управлять, ни командовать этим не может. Он сразу начинает наводить порядок на турецком флоте. Немецкие специалисты посещают турецкие корабли, видят страшное: например, у турецких броненосцев и крейсеров текут трубки котлов, отсутствуют двери водонепроницаемых переборок, а экипаж не знает планировку собственного судна. Немецкие военные злобно дрючат турецких моряков, чтобы те поняли, что такое служба. У турок корабли даже начинают плавать...

Д. Пучков: Неожиданно для турок.

Б. Юлин: ...чего раньше делать категорически не хотели. Адмирал Сушон (Wilhelm Souchon) – немецкий командующий имел такую французскую фамилию – выводит турецкий флот на учебные стрельбы в Черное море, но, чтобы не тратить время зря, как раз с «Гебенем» и «Бреслау» доходит до Одессы и обстреливает ее.

Д. Пучков: Молодец какой.

Б. Юлин: Уже под турецким флагом. Россия, обрадованно хлопая в ладоши, объявляет войну Турции. Турки, которые не хотели воевать, а уж если придется – то на стороне англичан, не могут понять, что им дальше делать. Все.

Д. Пучков: Как удачно получилось.

Б. Юлин: Ну да. Турцию никто не спрашивал, ее назначили воевать на стороне Германии и Австрии против России, Англии и Франции.

Д. Пучков: Ловко, ловко.

Б. Юлин: Потому что Россия должна воевать на стороне Англии и Франции. Второстепенные страны, даже большие, никто ни о чем не спрашивает. Сейчас, кстати, в мировой политике происходит все то же самое – американцы попросили нас не продавать ракетные комплексы Ирану, и мы сорвали сделку, а потом американцы попросили французов не продавать нам

«Мистральи», и французы сорвали сделку себе в ущерб. Самостоятельная внешняя политика дорогого стоит.

Д. Пучков: А ракеты мы продали.

Б. Юлин: Намного позже, когда уже нам сорвали сделку с «Мистралями».

Д. Пучков: Говорят, контора разорилась. Врут?

Б. Юлин: Французская? Она еще в процессе разорения. Но вполне успешно.

Д. Пучков: Повторюсь, насколько же сильно ситуация отличается от Второй мировой. Как все натренировались и как подготовились, учтя, так сказать, опыт. А тогда шли какие-то вялые телодвижения... Поди, и жертв-то на этом этапе было не особо много?

Б. Юлин: Да ты что!

Д. Пучков: Наоборот?

Б. Юлин: Только в Приграничном сражении – 150 тысяч погибших и пленных с одной стороны.

Д. Пучков: Круто. Я, кстати, по северу Франции ездил, там повсюду стоят памятники именно героям Первой мировой. Уже ближе к Ламаншу появляются памятники американцам, которые там высаживались, Омаха-бич и все такое, но про Первую мировую помнят везде. Видимо, она для французов сыграла как следует.

Б. Юлин: Наверное. Но, собственно говоря, одна Восточно-Прусская операция обошлась нам чуть ли не в сотню тысяч человек. Боевые действия были очень кровавыми, войска несли огромные потери, силы тратились стремительно. Битва на Марне – это несколько сот тысяч погибших с обеих сторон, настоящая бойня.

Д. Пучков: Не шутки.

Б. Юлин: Действия выглядят вялыми только по одной причине: низкая моторизация войск, отсутствие мобильных соединений – войска ходят пешком.

Кстати, маленький нюанс: сразу же после начала войны была произведена мобилизация автомобильного транспорта. Но в Российской империи она практически ничего не дала, потому что...

Д. Пучков: Автомобилей просто не было, да?

Б. Юлин: В 1913 году единственный русский автомобильный завод, «Русобалт», выпустил 100 машин. В том же году Франция выпустила 48 тысяч автомобилей, а, например, Соединенные Штаты, находящиеся за океаном, – 485 тысяч автомобилей. Естественно, это тоже сказывалось на скорости перевозок. Если у немцев войска ходили пешком и артиллерию тащили коняшки, то снабжение уже вовсю использовало автомобильный транспорт. А у нас и снабжение доставляли телеги.

Д. Пучков: Однако. Про что дальше?

Б. Юлин: А дальше мы поговорим про решающие сражения 1915–1916 годов.

Д. Пучков: Отлично. Спасибо, Борис Витальевич, очень познавательно. На сегодня все. До новых встреч!

Про события Первой мировой войны 1915 г.

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Продолжим про Первую мировую.

Б. Юлин: Остановились мы на подготовке к войне и первом полугодии войны. Первые 3 месяца все активно, бурно воюют, правда, все менее активно и бурно. А потом наступает пауза, вызванная тем, что у всех закончились ресурсы. Последняя наша большая операция на переломе годов – Сарыкамышская, которая началась в 1914 году, закончилась в 1915 году. Турки перешли в наступление и почти окружили часть нашего войска. Однако их было гораздо меньше, а русские дрались как следует, и турки частично остались в окружении, а большей частью померзли в горах. Кавказ, Закавказье – вроде бы теплые места, но в декабрь-январе в горах...

Д. Пучков: Не очень тепло.

Б. Юлин: Да. Наши тоже потеряли очень много обмороженными и погибшими от холода, но турки – в несколько раз больше.

Д. Пучков: «Сверкал закат, как сталь клинка, свою добычу смерть считала».

Б. Юлин: На западе сложился жесткий позиционный фронт. Представь линию окопов: стоят пулеметы, пушки, колючая проволока. Стороны сидят друг напротив друга, упираясь в мощные укрепления, и в принципе уже готовы к более-менее активным действиям. Оживление началось на западе весной 1915 года. При этом действия носили локальный характер:

например, наступление англичан и французов. Однако во время этого скромного наступления было выпущено 2 миллиона 100 тысяч снарядов.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Это было сравнимо с годовым выпуском боеприпасов в России. А у нас в это время продолжалась маневренная война на востоке. Фронт длиннее, плотность войск меньше. Весной 1915 года сложилось следующее соотношение сил. У Германии, Австрии и Турции – до вступления в войну на их стороне Болгарии – 4 миллиона 383 тысячи человек. У Антанты – 5 миллионов 470 тысяч. Главные силы коалиций были сосредоточены на западе, на Французском фронте. Там у немцев было 1 миллион 800 тысяч. У французов и англичан – 2 миллиона 450 тысяч, то есть они имели довольно существенное превосходство. На нашем фронте сил было заметно меньше.

Теперь мы перейдем, собственно говоря, к самим операциям. Боевые действия начались в 1915 году с попытки немцев осуществить наступление на флангах. Они попытались прорваться на севере из Восточной Пруссии – так называемая Августовская операция. Что характерно, проходила она в феврале, название дали не по месяцу, а по городу Августову, который был поблизости. На юге произошло Праснышское сражение. Наступление русские войска отбили, хотя во время Августовской операции один из наших корпусов был полностью окружен и уничтожен. Здесь сказалась стойкость русских солдат: даже окруженные, они не сложили оружие и продолжали сражаться. Это сорвало дальнейшее наступление, и где-то на линии Осовца немцы были остановлены.

У нас, кстати, очень любят в последнее время вспоминать героическую многомесячную оборону крепости Осовец. На самом деле Осовец именно как крепость никто не окружал и не оборонял, это была

часть линии фронта. Она находилась на стыке двух армий, и к ней с северо-запада вел узкий проход, по которому немцы периодически пытались прорваться. За эти несколько месяцев была всего пара таких попыток, и поэтому говорить о многомесячной обороне Осовца просто несерьезно. Зато можно гордиться развитием отечественной военной мысли. Осовец был одним из первых укрепрайонов, благо старая крепость этому способствовала. Этот укрепрайон являлся мощным узлом обороны и в какой-то мере новаторством. Подобное получило распространение уже во Вторую мировую войну.

Первые бои прошли достаточно мягко: то наши наступают, то немцы с австрияками, но операции носят вполне скромный характер. Наши продолжают осаждать крепость Перемышль. О том, что она пала, я говорил еще в прошлый раз. Ее заблокировали, но окончательно взяли все-таки весной, в марте.

Стратегические планы Центральных стран в это время изменились. В германском командовании боролись, так сказать, две позиции, два взгляда. Командующие Восточным фронтом, Гинденбург и Людендорф, считали, что нужно срочно направить все силы против России, разгромить ее, вывести из войны, а уже после этого добивать остальные страны. Командование немецкого Генерального штаба подходило к этому вопросу иначе. Они полагали, что все основные задачи решаются на западе. Каким бы ни был исход борьбы на востоке, в любом случае на это будут израсходованы силы, которые нужны для разгрома Франции. И некоторое время, зимой 1914-1915 года, ни один из подходов не мог одержать победу. Но затем произошло падение Перемышля. Австрийская империя была практически полностью деморализована. Не удалось сходу разгромить Сербию – рассчитывали снести ее сразу, а сербская армия продолжает

держаться. Италия вот-вот вступит в войну. Наконец, пал Перемышль, 100 тысяч потеряно пленными. Крепость держалась достаточно долго и умело, но за несколько месяцев возможности обороны были исчерпаны, пушки вышли из строя, и гарнизон капитулировал. Благодаря этому высвободились довольно значительные силы Российской империи. Начальник немецкого Генерального штаба писал: «Убежден, что иначе Австро-Венгрия в короткий срок рухнет, придавленная гнетом войны». В итоге немецкое командование все-таки решило перенести усилия на восток. Решение было сугубо политическим: если не одержать победу на востоке как можно скорее, то Австро-Венгрия падет.

Если на западе против почти 2,5 миллиона французских и английских войск было 1 миллион 800 тысяч немцев, то на Русском фронте оказывается 1 миллион 333 тысячи человек против 1 миллиона 690 тысяч человек у Российской империи. Кстати, сил у нас все равно больше. Немцы идут на то, чтобы отдать англичанам с французами превосходство на западе, чтобы как можно больше снизить наше превосходство на востоке. На Западном фронте в начале 1915 года – 92 дивизии у англичан и французов. Затем, уже весной, количество немецких дивизий с какого-то момента начинает снижаться: 100, потом 93, потом вообще 90. А у англичан и французов начинает расти: 101, 105, 120. Под конец 133 дивизии противостоят 90. А на восточном театре происходит обратный процесс. Количество русских дивизий довольно стабильно: 104, 105, 106. У немцев с австрийцами – сначала 74, потом 91, 92, 98, 106. В какой-то момент количество дивизий сравнивается.

Д. Пучков: Их перевозили с места на место?

Б. Юлин: Да, перебрасывали, используя то, что Центральные державы находились в центре. Если

Антанте маневрировать резервами между Восточным фронтом и Западным было тяжело, войска нужно было перебрасывать хитрыми путями по морю, то немцы по своей развитой железнодорожной сети внутри страны могли перевозить силы хоть на Западный фронт, хоть на Восточный. Почему же, при равном количестве дивизий, у нас больше солдат? Дело в том, что численность солдат в батальоне что у нас, что у немцев и австрийцев примерно одинаковая, но русская дивизия включает 16 батальонов, а немецкая - 12. Наконец, итальянский театр военных действий: 650 тысяч австрийцев против 750 тысяч итальянцев. Ну, и какие-то силы воюют на сербском и на турецком театрах.

Получить численное превосходство над нами немцы не смогли, но немецкие и австрийские войска были несколько лучше оснащены. Немцы подготавливают наступательные операции - знаменитый Горлицкий прорыв. Знаменитым он стал не столько благодаря военному искусству немцев, сколько благодаря слабости нашей экономики. Вот немцы сосредотачивают силы и начинают наступление. Я тебе даже карту сейчас найду, она очень интересна и показательна. Темпы наступления достаточно низкие, наши успешно перебрасывают резервы. Как только немцы прорывают фронт, наши подтягивают силы и стабилизируют его. В итоге германские войска прорвали фронт благодаря превосходству в тяжелой артиллерии.

Д. Пучков: А почему так вышло?

Б. Юлин: А потому, что у нас кончаются боеприпасы. Возникает дефицит патронов. Полностью заканчиваются снаряды. Нам становится нечем воевать. Например, Красникское сражение было первым, когда русская армия вообще не вела артиллерийский огонь. Пушки есть, а стрелять нечем. Это называется «снарядный голод».

Д. Пучков: Сколько солдат погибло от такого подхода?

Б. Юлин: Колоссально много. Нашим, например, приходилось использовать стрелковые команды, группы стрелков, пулеметы для контрбатарейной борьбы. Немцы снова начали вытаскивать пушки на вершины холмов, как в самом начале войны, потому что русские больше не обстреливали артиллерию. Тогда наши выбрасывали в 1-2 километрах от немцев пулеметно-стрелковую команду, которая подавляла огонь немецких батарей, но обычно сама целиком погибала. Борьба против пушек на таких дистанциях - почти безнадежно.

Д. Пучков: Дурдом.

Б. Юлин: Ну а как еще сражаться?

Д. Пучков: Понимаю.

Б. Юлин: После огромных потерь наши откатываются. Немцы стали наступать еще и с севера, чтобы окружить русских в Польше. Наши начали отводить войска из Польши. Стало ясно, что удержать фронт не удастся. На фронт перебрасываются все новые силы, но удерживать его невозможно потому, что вслед за снарядами начинают кончаться патроны, а затем - винтовки. В 1915 году Российская империя поставила под ружье 5 миллионов человек, чтобы компенсировать потери на фронте во время этого Великого отступления. Помнишь, я рассказывал, как наши провели мобилизацию? Затем последовали дополнительные наборы войск в 1914 году для возмещения потерь, и уже тогда образовался дефицит примерно от 150 до 200 тысяч винтовок. В 1914 году промышленность выпустила 130 тысяч винтовок. Это ничтожно мало - за полгода сделали меньше оружия, чем требовалось делать в месяц. За 1915 год промышленность Российской империи выпускает 730 тысяч винтовок.

Д. Пучков: Капиталистическая промышленность, которая находилась на пике развития.

Б. Юлин: В 1915 году мы заказали за рубежом примерно 5 миллионов винтовок – в США, во Франции, в Японии, в Италии, везде, где могли. Однако это оружие начало поступать только во второй половине года, затем по нарастающей – в 1916–1917 годах. Любой заказ нужно выполнить, а затем привезти. Кроме того, для тех же французов сверхприоритетом было производство оружия для своей армии, что логично.

Д. Пучков: Воюющая страна.

Б. Юлин: Активно воюющая, у них развернут фронт. И вот наши войска начинают откатываться. Процент людей, не получающих оружие, возрастает. Сил на фронте не хватает, при этом в тылу оказывается масса безоружных бойцов. Совет обороны рассматривает вопрос вооружения штурмовых отрядов алебардами и топорами для боев в окопах.

Д. Пучков: Разрешите поинтересоваться, а вот в Великую Отечественную такое было?

Б. Юлин: Нет.

Д. Пучков: Только в фильмах Михалкова?

Б. Юлин: В Великую Отечественную, что самое интересное, производство вооружения всегда немного перекрывало потребности. С конца 1941-го до середины 1942 года был большой дефицит снарядов – но снаряды имелись, хоть их и не хватало. А в Первую мировую их не было вообще. Пушки есть, но не стреляют. Боекомплект на орудие – ноль снарядов. В таких условиях приходилось воевать нашим солдатам и офицерам. Здесь еще сказалось вот что. Помнишь Русско-японскую войну? Стесселя пощадили, никого не наказали за то, что произошло во время войны. Никаких выводов не сделали, все объяснили объективными причинами и большевиками, то есть революционерами, нанесшими удар в спину. И вот идет отступление наших

войск, а также героическая оборона Осовца, который в это время вообще официально не являлся крепостью, он был разоружен еще в конце XIX века. При этом две крепости первого класса, Новогеоргиевск и Ковно, сданы без боя. Едва Новогеоргиевск начали обстреливать, как командир гарнизона перешел к немцам. Командир Ковно бросил пост и просто бежал (за что был впоследствии подвергнут суду), крепость также сдали без боя.

Во что обошлась нам потеря Новогеоргиевска? Заметь, немцы только подошли, стали разворачивать батареи, начали первые обстрелы, а в крепости было 1100 орудий и более 100 тысяч человек гарнизона.

Д. Пучков: Разрешите вопрос. Ты называешь крепостью именно оборонительное сооружение, соответствующее своей эпохе, времени боевых действий?

Б. Юлин: Да, это была современная крепость с двумя линиями фортов (всего 18), включающими новейшие форты системы Величко, разработанные непосредственно перед Русско-японской войной. Форты обеспечивали защиту от обстрела полевой артиллерией глубины обороны крепости. Эта крепость была примерно в 3-4 раза мощнее, чем Порт-Артур, который держался очень долго и отбил несколько штурмов.

Д. Пучков: А в чем причина сдачи?

Б. Юлин: Крепость сдал командир.

Д. Пучков: Предательство?

Б. Юлин: По сути, да. Солдаты, допустим, деморализованы. Но дело в том, что командование может организовать оборону или как минимум отвод гарнизона из крепости. В данном случае просто взяли и сложили оружие, капитулировали. А почему? Потому, что Стессель, Небогатов, царедворцы, которые наносили ущерб, никак не пострадали после Русско-японской войны. Их действия остались безнаказанными.

Нет личной жесткой ответственности. И вот две первоклассные крепости сдаются вместе с солдатами. Из Ивангорода и Варшавы гарнизоны хотя бы были отведены вместе с остальными отступающими войсками.

Д. Пучков: Поразительно. Надо понимать, что немцам достался не только объект как таковой, но еще и все боеприпасы, жратва, лошади?

Б. Юлин: Боеприпасы, которых у нас катастрофически не хватает, 1100 орудий. Все. В крепости ничего не приводилось в негодное состояние, просто было передано противнику.

Д. Пучков: Кого-нибудь в итоге расстреляли?

Б. Юлин: Командира крепости Ковно, который бежал в тыл, разжаловали, полностью лишили всех званий и превратили в простолюдина-солдата. Ну, это был старый пердун, скажем честно, который в качестве командира гарнизона уже дослуживал и должен был уйти в отставку. А с командиром Новогеоргиевска ничего сделать было нельзя, потому что он перебежал к немцам.

Д. Пучков: Может, какие-нибудь диверсанты его нашли, башку ему прострелили?

Б. Юлин: Ты помнишь, какая была Российская империя? Кто бы стал этим заниматься? Я думаю, если бы он перебежал к нам обратно, его бы еще и простили.

Д. Пучков: Вот к чему приводит отсутствие политической подготовки и замполитов.

Б. Юлин: И отсутствие политической воли. Германское наступление продолжается. Мы несем колоссальные потери, немцы и австрийцы продвигаются вперед. Правда, темпы наступления не особенно высоки, потому что у немцев отстают тылы. Уровень механизации войск низкий, а зашли они достаточно далеко. Наши стараются парировать удар, используя живую силу, при этом пытаются закупить

хоть какое-то оружие за рубежом. Типа российских же старых винтовок, которые японцы захватили в качестве трофеев, и японских винтовок «Арисака». Возвращены на вооружение все винтовки Бердана, которые остались еще с Русско-турецкой войны. Кроме того, российское командование обращается за помощью к англичанам и французам: «Начните наступление, чтобы оттянуть на себя немецкие силы».

Здесь такой интересный момент. Немцы, еще только готовя наступление у нас, провели на западе одну специфическую операцию. Она называлась «химическая атака под Ипром». Использовали хлор, и пострадало 15 тысяч военнослужащих, из них 5 тысяч погибло.

Д. Пучков: Изрядно. После газовой атаки под Ипром горчичный газ стали называть «иприт».

Б. Юлин: Горчичный газ возник несколько позже. Почему немцы использовали газ – и не один раз, а несколько? Потому, что господствующие ветра были подходящие. Удобно применять. Но при этом серьезного прорыва не произошло, потому что немцы его даже не планировали. В то время у них уже шла переброска войск на восток, а эту атаку они осуществили, чтобы союзники не рыпались. И сами себя подвели: химическое оружие применили, а прорыва фронта не устроили. В итоге после первого применения химических отравляющих веществ прямо на поле боя обе стороны быстро разработали и приняли на вооружение противогазы, что резко снизило эффективность применения газов. А немцы просто хотели отвлечь внимание, они же рассчитывали, что Россию разобьют быстро.

Когда наши обратились к англичанам и французам с просьбой начать наступление, те были еще не готовы к нему. Но для того чтобы как-нибудь отвлечь немецкие силы, стали устраивать демонстративные атаки: «Смотрите, мы начинаем наступать, оцените, сколько

мы накопили пушек, снарядов и войск!» И на немцев это подействовало: они еще до наступления англичан и французов начали перебрасывать силы обратно на запад. Началось снижение численности войск на Русском фронте: 105, 102 дивизии... Бац, 83 дивизии. А на Западном как раз пошел рост: 90 дивизий, 101 дивизия, - словом, силы потекли обратно. Когда французы и англичане устроили наступление в Артуа и Шампани, оно слегка изменило линию фронта. Кстати, во время наступления в Артуа союзниками выпущено, по-моему, 7 миллионов снарядов. Но прорвать серьезно немецкий фронт они не смогли - так, подвинули. Однако немцы стали перебрасывать войска с востока на запад еще более интенсивно.

Из-за этого произошел занятный казус. В Северном море боевые действия представляли собой стычки. Немцы обстреливали английское побережье, но отдельными набегами. Крупные силы флота не сталкивались. Произошло сражение авангардов у Доггер-Банки, где был потоплен тяжелый немецкий крейсер «Блюхер». Наконец, немцы решили обеспечить силами флота наступление своего фланга, 8-й армии, на Ригу. Это была знаменитая Ирбенская операция, в ходе которой немцы прорвались в Рижский залив. Что сказать? Наши сражались на этой минно-артиллерийской позиции в принципе неплохо. Но главные силы нашего флота в этой операции не участвовали. Поэтому немцы несколько дней господствовали в Рижском заливе. Другое дело, что это не принесло им пользы. Сухопутное наступление на Ригу в этот момент было уже отменено. Одним словом, бардак был не только у нас, но и у немцев, и у союзников. Просто из-за большего количества материальных средств он обычно оказывался для них несколько менее болезненным - но все равно болезненным. Та же Ирбенская операция: немцы

прорвались, утопив две наши канонерские лодки и кучу транспортов, а Ригу не взяли потому, что сухопутные силы уже не наступали. Морское командование осталось недоумевать, зачем оно вообще проводило эту операцию.

Что еще важного произошло в 1915 году, кроме неудавшейся попытки вывести Россию из войны? Под конец немцы совершили глубокий прорыв под Свенцями, введя туда несколько кавалерийских дивизий. Но на этом все закончилось, потому что несколько тысяч всадников не могли повлиять на ситуацию, столкнувшись с нашими армиями, которые насчитывали 200–300 тысяч человек. Да, у нас не хватало патронов и вооружения, но у немцев в это время не хватало живой силы. Картина в целом, конечно, печальная. В 1915 году в России, как уже было сказано, мобилизовали 5 миллионов человек, но единственной серьезной и крупной операцией стало стратегическое мощное отступление.

В это же время в войну вступила Болгария, благодаря чему австрийцам удалось-таки разгромить сербов.

Д. Пучков: То есть болгары помогли братушек-славян побить?

Б. Юлин: А до этого сербы воевали с болгарами и помогали тем же самым туркам, румынам и грекам побить болгар.

Д. Пучков: Дружба европейских народов, да?

Б. Юлин: Да. И наконец, вступила в войну Италия, которая, имея значительное превосходство, рассчитывала быстро разгромить австро-венгров. Но тут ситуация какая... Например, австрийцы с нами сражались, мы сражались с ними, и в целом силы были сравнимы, но наши войска – несколько лучше. В общем, при равных силах мы австрияков били чаще, чем они нас. С сербами у австрийцев также ничего не вышло,

сербы тоже сражались несколько лучше. Австрия не могла добиться с ними сколько-нибудь серьезного успеха, пока болгары не поддержали. И вот итальянцы, имея значительное превосходство над австрийцами, попытались в начале войны начать наступление. Все провалилось. После этого появился даже несмешной анекдот: «Для чего существует австрийская армия? Чтобы ее все били. Для чего существует итальянская армия? Должны же австрияки кого-то бить».

Д. Пучков: Тяжело.

Б. Юлин: Итальянская армия была неплохо оснащена, весьма многочисленна. Когда Италия вступила в войну, она смогла практически сразу выставить на фронт 750 тысяч человек – и абсолютно без всякой пользы. Раве что дала серьезную нагрузку на австрийскую экономику. Таковы события 1915 года. Именно зимой 1914–1915 годов в Москве прошло первое массовое антивоенное выступление, которое описывал Жорж Палеолог, французский посол в России. Выступали против «немки-предательницы».

Д. Пучков: Царицы?

Б. Юлин: Да. Против Распутина. Разгоняли демонстрации и стачки силой оружия.

Д. Пучков: А царь-батюшка как фигурировал?

Б. Юлин: Тогда еще никак. Но шапкозакидательская эйфория, которая охватила Россию в начале войны, – «вот поможем братушкам-сербам, всех супостатов быстро побьем» – прошла буквально за первые 2–3 месяца. Через полгода даже следов эйфории не было, про сербов-братушек никто не вспоминал. А после катастрофического отступления 1915 года, для того чтобы поднять моральный дух в войсках, император Николай II снял своего дядю, Николая Николаевича, который достаточно неплохо командовал, с поста Главнокомандующего и отправил его на Кавказский театр. Кстати, после этого у нас

продолжались серьезные успехи против турок. А Николай II объявил себя Главнокомандующим и возглавил наши войска.

Д. Пучков: Это пошло на пользу?

Б. Юлин: Скоро будем рассматривать следующий год, как раз узнаем. Кроме того, Северо-Западный фронт был разделен на два. То есть до этого было два фронта, Юго-Западный и Северо-Западный, а теперь стало три: Юго-Западный, Северный и Западный. Командовать Северным фронтом царь поставил известного нам по Русско-японской войне «гениального» командующего Куропаткина.

Д. Пучков: Где он себя и проявил, я надеюсь?

Б. Юлин: Увидим.

Д. Пучков: Как-то печально, Борис Витальевич. Получается, что и солдаты, и офицеры и умеют, и хотят воевать, по всей видимости, но...

Б. Юлин: Вначале хотели, а в 1915 году – уже не особенно. Боевой настрой в войсках постепенно снижался. При страшных потерях люди не понимали, ради чего они воюют. Допустим, Наполеон вторгся в Россию. Или – в Великую Отечественную войну – Гитлер напал на нас, и сразу было видно, что он пытается уничтожить наш народ, нашу страну. Всё всем ясно. А здесь-то война начиналась как «давайте всем вломим, накажем австрияков, чтобы наших друзей-сербов не обижали» – ну, как у нас сейчас с Сирией, – а потом стало очень страшно, и люди перестали понимать, за что им сражаться. Это вело к постепенному усилению антивоенных настроений.

Кроме того, с 1915 года стала наблюдаться довольно неприятная для императора и императорской власти тенденция. Большие потери были не только в рядовом составе, но и в офицерском составе. Те, кто служили в армии до войны, были выбиты в боях 1914–1915 годов. И если солдаты в основном набирались из

крестьян «от сохи», то взамен погибших дворян-офицеров, хорошо образованных и преданных существующему строю, пришли разночинцы из горожан и мещан, произведенные из рядового состава, из прапорщиков. Недостаток людей в офицерском корпусе надо было кем-то затыкать. Процент дворян в российской армии довольно заметно снижался.

Д. Пучков: Что тоже на пользу не шло. Правильно понимаю?

Б. Юлин: С точки зрения умения воевать это не шло ни в плюс, ни в минус. А вот на лояльности армии и желании драться – сказывалось. Кстати, такая проблема была не только у нас. Например, у немцев дворянство было несколько больше мотивировано служить. У них процент дворян в офицерском корпусе медленнее снижался, но подобная проблема тоже была. А во Франции в этом отношении все шло нормально, у них официально не было сословного деления, офицерами и до Первой мировой войны часто становились военные отнюдь не дворянского происхождения.

Д. Пучков: А что в это время происходило на морях?

Б. Юлин: В Северном море крепла английская блокада немецкого побережья. Стычки происходили. Мало-помалу, в то время еще довольно слабо, нарастала борьба подводных лодок. Число их у немцев увеличивалось, качественно они улучшались и наносили уже заметный ущерб английскому торговому судоходству. Все четче проглядывала перспектива подводной блокады уже Англии.

В это же время объединенные англо-франко-русско-японские силы блокировали сначала Адриатическое море, а потом, когда Италия вступила в войну, – напрямую австрийское побережье. Соотношение сил на Средиземном море резко изменилось в сторону

подавляющего превосходства союзников. Это позволило союзникам выделить довольно большие силы для первой Дарданелльской операции, которая началась в самом конце 1915 года. В это время войска Антанты пытались осуществить первые высадки на Галлиполийский полуостров – неудачно – и прорываться вглубь Мраморного моря через пролив. Кстати, многие корабли действительно прорвались. Но в итоге на мощной минно-артиллерийской позиции (узкий пролив, по бокам береговые батареи, много-много рядов мин) союзники потеряли ряд броненосцев, в целом понесли довольно большие потери и вынуждены были откатиться. Кстати, в этих операциях принимал участие наш крейсер «Аскольд», ветеран еще Русско-японской войны. Английский крейсер «Аметист» сумел прорваться в Мраморное море дальше всех и живым оттуда уйти. Но закрепиться не получилось. Это был определенный сигнал Российской империи: обещанные нам проливы, возможно, достанутся не нам. Если бы операция союзников удалась, то выбить англичан из Константинополя было бы намного сложнее, чем турок.

1915 год прошел под эгидой практически полного господства Антанты на море. У нее, к тому же, оставался практически неиспользованный резерв, японский флот. Японцы в это время продавали эсминцы французам и благополучно оттяпали большую часть германских колоний на Тихом океане.

Д. Пучков: Не терялись.

Б. Юлин: А чего им теряться, если они официально вступили в войну, но находятся с другой стороны Земли, поэтому могут особенно не воевать.

Д. Пучков: Молодцы. Но посмотрим, что произошло дальше. Спасибо, Борис Витальевич. А на сегодня все. До новых встреч!

Про события Первой мировой войны 1916 г.

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Продолжим.

Б. Юлин: Да, продолжим про Первую мировую войну. Мы разобрали 1915 год и переходим к 1916-му. К этому времени уже все воюющие стороны – пожалуй, кроме Турции, – сумели преодолеть острую нехватку ресурсов, которая возникла после начала войны. Сначала справились с этой проблемой немцы, затем – англичане с французами, с сильным опозданием преодолели сложности Австрия и Россия, ну а у турок никогда ничего не хватало, это было слабое звено в оси центральных держав.

Д. Пучков: То есть экономика переходит на военные рельсы?

Б. Юлин: Да, растет военное производство, в том числе и у нас. Правда полностью потребности...

Д. Пучков: Так и не удовлетворили?

Б. Юлин: По-прежнему – и до самого выхода нашей страны из войны – сохранялась ситуация, при которой вспомогательные подразделения, те же самые артиллеристы, например, в составе артиллерийских бригад, часто не имели личного стрелкового оружия из-за нехватки. Ввозилось большое количество оружия из-за рубежа, например, пулеметов нам больше поставляли союзники, чем выпускалось в стране. Почти половина всех винтовок производилась по заказам за границей, но при этом больше половины тех же винтовок теперь делалось у нас, уже отрадно. Наконец

создали не то чтобы избыток, но постоянное поступление снарядов и патронов. Но чтобы скомпенсировать нехватку как орудий, так и снарядов, в России пошли на такую довольно сомнительную меру, как сокращение орудий в артиллерийской батарее.

Д. Пучков: В чем смысл?

Б. Юлин: В дивизии у нас полагалось иметь 48 трехдюймовых пушек и шесть 8-орудийных батарей. После событий 1915 года это количество снизилось до 36 пушек на дивизию, то есть шесть 6-орудийных батарей. Это уменьшило насыщенность войск артиллерией, но зато позволило обеспечить этой самой артиллерией все дивизии. Соответственно, меньше пушек – меньше уходит снарядов.

Д. Пучков: Ну вообще какое-то странное, честно говоря, решение – на войне...

Б. Юлин: Вынужденное, абсолютно вынужденное.

Д. Пучков: ...давайте сделаем, чтоб на войне было поменьше пушек.

Б. Юлин: Например, у французов была обратная ситуация – количество орудий постоянно росло. Например, у нас сохранялось постоянное число батальонов, а у французов было 12 батальонов, стало 9 батальонов, но зато процент артиллеристов в них увеличился. Если, например, в начале Первой мировой войны артиллеристы составляли 18 % личного состава французской армии, то в конце они представляли 36 % личного состава.

Д. Пучков: Ого!

Б. Юлин: Основным оружием, по сути, у французов стала артиллерия.

Д. Пучков: «Боги войны».

Б. Юлин: Ну да. У англичан артиллерии было примерно так же, сколько у французов, у немцев – даже больше. Довольно неприятным открытием для немцев оказалась с начала 1916 года сила английской армии.

Они считали, что Англия опасна на море, но на суше серьезной угрозы не представляет. То, что Англия сумела выставить на сухопутный фронт во Франции к 1916 году уже полсотни дивизий, стало сюрпризом для германского командования. Кроме того, вступление в войну Италии довольно серьезно изменило соотношение сил (численности личного состава) в пользу Антанты, которая теперь превосходила центральные державы по этому параметру почти в 1,5 раза. Правда, уже первые наступления итальянцев на реке Изонцо – там, кстати, за всю войну разыгралось пять или шесть битв, – показали, что итальянская армия не способна прорвать австрийскую оборону и наступать, даже если имеет двойное-тройное численное превосходство. То есть численность возросла сильно, а преимущество – не очень.

Д. Пучков: А это от чего зависело – от личного состава или от командиров? Плохие командиры, трусливые солдаты, то и другое вместе?

Б. Юлин: Я думаю, что здесь сказывались и нехватка военных традиций, и низкое качество личного состава. Итальянская армия не добилась успехов ни в Первую мировую войну, ни во Вторую, ни даже в Крымскую, в которой она участвовала под названием Сардинской.

Д. Пучков: Может, они в Древнем Риме навоевались и больше не хотят?

Б. Юлин: Наверное, устали.

Д. Пучков: А эфиопов они ловко побеждали, нет? Абиссинию, например...

Б. Юлин: Честно говоря, даже их – с большим трудом, только с помощью танков, авиации и химического оружия.

Д. Пучков: Молодцы какие!

Б. Юлин: Просто танков, авиации и пулеметов не хватало, без химии не работало.

Д. Пучков: А химическое оружие какое?

Б. Юлин: Вот то самое, оставшееся с Первой мировой. Иприт и прочее.

Д. Пучков: И как эфиопы на это дело реагировали?

Б. Юлин: Ну а как ты, будучи в набедренной повязке, среагируешь на химическое оружие, которое обладает кожно-нарывным действием?

Д. Пучков: А это не признано каким-нибудь там геноцидом случайно?

Б. Юлин: Так это же негры!

Д. Пучков: Извините, я забылся. Да. Да.

Б. Юлин: Какой геноцид? Может, еще вспомним про то, как французы Рифское восстание подавляли в Марокко и Алжире? Там геноцид был покруче, но никакого официального признания. Французы лучше признают геноцид турками армян, чем уничтожение тех же рифских племен своими силами. Потому что, опять же, берберы, африканцы – ну кто это? А вот Шарль Азнавур – это да!

Д. Пучков: Он Азнавурян, говорят, на самом деле, Шанурх Азнавурян.

Б. Юлин: Да, армянин.

Д. Пучков: Наш человек фактически!

Б. Юлин: Вернемся к Первой мировой войне. Соотношение сил изменилось, попытки союзников прорваться в Дарданеллы и высадка на Галлиполийском полуострове привели к жутким жертвам и тому, что войска Антанты оттуда свалили. Когда в результате удара Болгарии в спину Сербия потерпела поражение, силы, которые были на Галлиполийском полуострове, оказались очень к месту: их можно было перебросить в Грецию и создать Салоникский фронт, где против австрийских и болгарских войск бились английские, французские, немножко русские, немножко сербские. Кстати, даже после полной оккупации Сербии сербская армия продолжала сражаться как раз на Салоникском

фронте, в этом отношении сербы проявили себя очень достойно.

А немцы в 1916 году решили снова перенести основные усилия с Восточного на Западный фронт, против англичан и французов. Несмотря на все успехи противника, позорную сдачу Новогеоргиевска и снарядный голод – это была действительно военная катастрофа, – русская армия сохранила боеспособность. Сочетание численности войск, просторов и стойкости солдат сделали выведение России из войны на тот момент невозможным.

Д. Пучков: Одним словом, эффективные капиталистические собственники, которые рулили промышленностью, показали себя полными козлами, а наши солдаты, каковые являют собой народ, как всегда, были орлы. Правильно я говорю?

Б. Юлин: В целом правильно, хотя, собственно говоря, патриотический настрой в армии сильно упал.

Д. Пучков: Я думаю, настрой вообще отсутствовал, да.

Б. Юлин: Но дело в том, что наши солдаты даже в условиях довольно высокой деморализации все равно продолжали стойко сражаться. Есть такая специфика русского воина: допустим, враги окружили, сражаться вроде бы бесполезно, европейцы как разумные люди сложили бы оружие, а наши – как неразумные – продолжают драться. На этом стояла и стоит наша земля, пожалуй.

Но, например, на начало 1916 года Франция имела 3 миллиона человек, из них больше 1,5 миллиона штыков (солдат, непосредственно служащих в боевых частях), а Россия – 4,5 миллиона личного состава, то есть в 1,5 раза больше, чем у французов, при этом штыков – всего 1 миллион 800 тысяч.

Д. Пучков: Однако! А как так получалось?

Б. Юлин: Больше частей в тылу, нехватка вооружения, боеприпасов и транспортных возможностей: проще говоря, к фронту идет меньше как железных дорог, так и самых обычных.

Д. Пучков: А почему их не строили? Вдруг враги нападут?

Б. Юлин: До войны их строили, французы на это давали нам кредиты, даже указывали, в каких направлениях мы должны строить железные дороги, чтобы обеспечить возможность развертывания войск. Но лучше всего были подготовлены те земли, которые оказались под немецкой оккупацией, то есть Польша и Литва, - именно там была наиболее развитая железнодорожная сеть, чтобы развивать наступление против немцев, и немцы эту территорию заняли.

Д. Пучков: И воспользовались ею для переброски своих войск?

Б. Юлин: Ну, собственно говоря, да. Немцам было проще маневрировать силами, чем нам. Именно из-за этого получался такой дисбаланс, когда при большой численности армии у нас не так много сил на фронте. Но зато есть откуда черпать пополнения.

И вот 1916 год: уже ясно, что воевать могут все, у всех есть в наличии снаряды и патроны в том или ином количестве. В австрийской армии, кстати, после наступления 1915 года резко поднялся моральный дух, немцы практически за шкуру оттащили Австрию от развала. Австрийцев в свое время полностью деморализовало падение Перемышля, и только наступление 1915 года позволило заставить Австро-Венгрию сражаться дальше.

Д. Пучков: Там у нас был храбрый солдат Швейк, да?

Б. Юлин: Да-да-да. Гашек очень хорошо описывает настроение Австрийской империи перед войной, да и во время войны. Затем моральный дух австрийской армии еще больше укрепили успехи в борьбе с итальянцами,

то есть австрийцы наконец нашли того, кого они могли стабильно бить. Это всегда помогает.

Д. Пучков: Еще.

Б. Юлин: Учитывая, что сложился жесткий позиционный фронт, немцы решили устроить своеобразное экономическое наступление, то есть перемалывание сил на фронте, нанося удар за ударом по ключевой точке, за которую противник не может не сражаться. Они выбрали крепость Верден, которая находилась в центре французского фронта: он шел от Швейцарии на север к Вердену, потом поворачивал на запад к Парижу и дальше, снова повернув на север, выходил к Ла-Маншу.

Учитывая, что Верден находится в районе Вогез, получается, что немцам там приходится перебрасывать силы довольно большим обходным путем, а французы могут маневрировать напрямую за Верденом. А вот если немцы возьмут Верден, картина изменится на противоположную, то есть немцы получат хороший транспортный узел, а у французов произойдет разрыв в коммуникациях. Было понятно, что французы за этот Верден драться будут насмерть. И вот немцы начинают наступление...

Д. Пучков: Даже я знаю, что под Верденом были какие-то ужасы.

Б. Юлин: Дело в том, что обе стороны постоянно наращивали силы. Немцы начали наступление, продвигались медленно, французы упорно защищались, но противник сумел прорвать линии фортов, взять ключевой форт Дуомон и фактически выйти к Вердену. Казалось, что вот-вот крепость падет. Французы использовали срочно мобилизованный автотранспорт для переброски войск к Вердену, выделив 6 тысяч автомобилей, за довольно короткое время стянули туда 190 тысяч человек и 25 тысяч тонн грузов. В отличие от нас, например, могли себе такое позволить.

Вначале немцы наступали, тратя колоссальное количество боеприпасов, нанося французам больше потери, чем несли сами. Но наступление выдохлось, а силы под Верденом были доведены почти до миллиона человек с каждой стороны.

Д. Пучков: Охренеть!

Б. Юлин: Французы переходят в контрнаступление и начинают оттеснять немцев на исходные рубежи. Все это продолжается в течение 10 месяцев и получает название «Верденская мясорубка». На небольшом отрезке земли огромные группировки постоянно перемалывают друг друга. Потери французов составили порядка 380 тысяч человек убитыми и ранеными. Потери немцев – ну как: раньше обычно указывалась цифра 600 тысяч человек, потом, после проверки, оказалось 340 тысяч человек.

Д. Пучков: Меньше, да?

Б. Юлин: Меньше, чем у французов, но ненамного. В общей сложности обе стороны потеряли примерно 700 тысяч человек в ходе непрерывных боев, которые все время шли на этом участке фронта.

Д. Пучков: А стереотип, что немцы – настоящие воины, биться умеют, а французишки – полные клоуны, оказывается ерундой.

Б. Юлин: Мягко говоря. Кстати, именно во время «Верденской мясорубки» французы начали массово использовать ручные пулеметы, то есть винтовки-пулеметы Шоша, которые были переделаны в ручные пулеметы. Их количество постепенно росло, со временем французская армия стала вообще отказываться от производства станковых пулеметов в пользу ручных.

Д. Пучков: Это из-за мобильности, да?

Б. Юлин: Как показала практика, после этой тяжелой артподготовки атакующие немецкие цепи наиболее успешно останавливаются выбрасываемыми

вперед отрядами французской пехоты, небольшими группами, у которых есть несколько ручных пулеметов и обычные винтовки, то есть стрелковым огнем. Французы воевали толково, умело, жестко. Первая мировая война – это, по-моему, самый большой взлет французского военного искусства со времен Наполеона.

Но дело в том, что события под Верденом были важны, но не исключительны. В это же время союзное командование решило нанести одновременный удар с запада и с востока: пользуясь тем, что значительные силы немцев скованы под Верденом, начать наступление на реке Сомме...

Д. Пучков: Битва при Сомме тоже известна. Там танчики применили, да?

Б. Юлин: Впервые. А на востоке наши Северный и Западный фронты должны были перейти в наступление при отвлекающем ударе Юго-Западного фронта. Союзное командование рассчитывало, что этот мощный удар с двух сторон позволит сломать хребет центральным державам.

Д. Пучков: Я был в городе Бовингтон, где находится главный танковый английский музей, и с большим удивлением осознал, что танки все-таки придумали не у нас. Очень богатый музей! Замечательная экспозиция!

Б. Юлин: Ну да, у нас с придумыванием танков было сложно – как раз в 1915–1916 годах были созданы два шедевра. Во-первых, так называемый танк Пороховщикова, который не способен поворачивать, а также ездить нигде, кроме как по льду, не имеет брони и вооружения, но гордо объявлен боевой машиной. Позднее появился настоящий боевой танк с броней и оружием, танк Лебедеenko – безумный трехколесный велосипед, любой желающий может посмотреть на него в Интернете, это стоит видеть. Будучи выпущен, он

доехал до ближайшей канавы, там застрял и был брошен.

Д. Пучков: Сомнений нет, да. Но больше всего меня – отвлекаясь в сторону – поразило, как английский военнослужащий, не то сержант, не то лейтенант, какую-то немецкую гаубицу (сейчас особо ценный экспонат в музее) уволок с полей сражений и привез к себе в Англию. Вдумайся: отбуксировать, погрузить на пароход, выгрузить и увезти к себе в усадьбу, где эта гаубица стояла до 70-х или 80-х годов XX века. Ты можешь представить, чтобы у нас кто-то с фронта пушку привез?

Б. Юлин: В Англии нормальное сословное общество, если человек – дворянин, почему бы ему не суметь это сделать? Обыкновенный солдат из рабочего района, откуда-нибудь из Корнуэлла, ничего бы домой не утащил.

Д. Пучков: Думаю, да.

Б. Юлин: Так вот, раскладка сил в начале 1916 года: на Западном театре Англия и Франция имеют 139 дивизий против 105 немецких, на Восточном фронте, то есть у нас, против наших 128 дивизий – 51 немецкая и 36 австрийских, то есть всего 87 дивизий. Примерно 1 миллион 700 тысяч человек наших войск против чуть более миллиона у центральных держав, почти полуторное численное превосходство. Кроме того, в это же время планировалось наступление на Итальянском театре, где итальянцы имели также примерно полуторное численное превосходство.

Но наступление на реке Сомме выродилось в точно такую же мясорубку, как и под Верденом, правда, фронт был чуть пошире и поэтому народу накрошили больше. Англичане и французы продвинулись немного, но серьезно прорвать фронт не смогли – немцы строили новые линии обороны по мере продвижения союзников. Со стороны англичан и французов потери составили

около 800 тысяч человек, со стороны немцев - 538 тысяч человек.

Д. Пучков: Атака какой-то!

Б. Юлин: Сражение на реке Сомме на самом деле было даже более жуткой бойней, чем Верденская, просто ограниченной по времени. Сражение под Верденом, пожалуй, было самым длительным непрерывным сражением, то есть именно мясорубкой, работающей постоянно.

Д. Пучков: Если я правильно помню, Толкин воевал как раз при Сомме?

Б. Юлин: Вот где Толкин воевал, я не знаю.

Пока итальянцы готовились, австрийцы, попросив помощи у немцев, начали наступление в Трентино, прорвали Итальянский фронт и обратили итальянские войска в бегство. Имея большое численное превосходство, те не смогли удержать оборону и начали откатываться. В общем, картина складывалась совсем не такая, как планировало союзное командование.

И в это время должно было начаться наступление русских войск: Северного фронта и Западного фронта, а также отвлекающий удар Юго-Западного фронта. Этот удар в итоге был нанесен до того, как фронт закончил подготовку к наступлению - по отчаянной мольбе итальянского правительства.

Д. Пучков: Это напоминает операцию «Багратион», когда мы тоже раньше начали по просьбе другого правительства, так?

Б. Юлин: Нет. Это была Висло-Одерская операция, следующая за «Багратионом», то есть дальнейшее наступление в Германии, которое началось раньше времени по просьбе союзников. А теперь итальянцы воззвали с просьбой помочь к англичанам и французам, - те откликнулись, но не могли нанести удар по австрийской армии. Бить пришлось нашему

Юго-Западному фронту. И если спасение французов во время битвы на Марне нашим наступлением в Восточной Пруссии является байкой, то Италию мы спасли вполне конкретно, то есть половина австрийских сил была переброшена под Луцк, спасать уже австрийскую армию. Наступление австрийцев было остановлено ударом русских войск, а Италия спасена от полного и позорного разгрома.

И вот наконец время наступать настало. Западный фронт прорвать оборону немцев не смог, хотя положили довольно много народа. Северный фронт наступление не начал вообще.

Д. Пучков: Почему?

Б. Юлин: А им командовал Куропаткин, и когда Алексеев поинтересовался у него, почему тот не начинает наступление, Куропаткин сказал, что у него нет для этого сил. Соотношение сил Северного фронта было наиболее благоприятным: против 200 тысяч немцев там было 440 тысяч русских войск, более чем двойное превосходство. Когда Алексеев напомнил Куропаткину об этом, тот ответил, что количество штыков еще не может служить критерием превосходства сил.

Д. Пучков: Осадил наглеца, да?

Б. Юлин: И наступать в итоге все равно не стал. Хуже всего дело для нас обстояло на Юго-Западном фронте – против 460 тысяч австрияков у русских войск было примерно 550–560 тысяч человек, превосходство всего лишь на четверть. Поэтому там наносился не основной удар, а вспомогательный. Мы превосходили австрийцев не только в штыках, но и в легкой артиллерии, – а вот в тяжелой артиллерии уступали им в 4 раза.

Д. Пучков: Ого!

Б. Юлин: Рассчитывать на то, что мы сумеем разрушить оборону противника артиллерией, было

нельзя - у нас ее просто не было. Поэтому Брусилов разработал новую тактику прорыва обороны - то есть приближение к противнику с помощью сап, как при осаде крепости, по сути, постоянные ложные удары на многих направлениях, которые как бы рассеивают внимание противника, прорыв фронта сразу во многих местах, чтобы противник не мог определить главное направление удара, перебросить туда подкрепление и парировать его, работа артиллерии не по площадям, а по конкретным разведанным в предыдущих стычках целям. Это была хорошо продуманная операция, которая позволила прорвать австрийский фронт практически целиком, то есть по всей протяженности.

Д. Пучков: Круто.

Б. Юлин: Вот карта Брусиловского прорыва, здесь, кстати, видно и наступление Северного фронта, которого по сути не было, и наступление русских войск у озера Нарыч - это Западный фронт, и действия Юго-Западного фронта, когда ударили по австрийцам. Австрийские войска в полосе Юго-Западного фронта были практически разгромлены, много потеряли пленными, много погибло. Германия и Австрия в целях парирования русского удара перебросили с других фронтов, то есть с Западного фронта, из-под того же самого Вердена, из Италии, а также с севера около 400 тысяч человек, вдобавок к этому были большие текущие пополнения. А Брусилов получил подкрепление достаточно поздно, так как наши долго держали резервы за Западным фронтом. Кроме того, сам Брусилов не рассматривал развитие своего успеха всерьез, почему - потому что удар наносился как вспомогательный. По прибытии немецких войск под Луцком и Ковелем, где был главный удар, бои перешли в выраженную затяжную форму. Наступление, опрокинувшее Австрийский фронт, в итоге растянулось на 4 месяца, из которых два были просто ожесточенным

рубиле за каждый километр на северном фланге Юго-Западного фронта, по сути: то немцы нас отбросят контрударом, то наши продвинутся.

Обычно в нашей историографии считается, что в ходе Брусиловского прорыва мы потеряли 500 тысяч человек...

Д. Пучков: Господи!

Б. Юлин: ...а австрийцы – 1,5 миллиона человек. На самом деле эти данные, которые взяты из писаний Кресновского, не соответствуют действительности. Общие потери германских и австрийских войск составили 760 тысяч человек: полегло около 160 тысяч немцев и порядка 600 тысяч австрийцев.

Д. Пучков: Да все равно много.

Б. Юлин: И примерно 750 тысяч наших войск, потому что цифра в 500 тысяч не учитывает последних боев, которые были самыми кровавыми для нашей армии. То есть потери были примерно равные – по 3/4 миллиона.

Д. Пучков: Охренеть!

Б. Юлин: Сам Брусилов отмечал, что прорыв его фронта стратегического значения не имел, то есть никаких особых успехов не принес. Но в то же время само это наступление привело к истощению накопленных запасов Российской империи. Кстати, именно во время Брусиловского прорыва впервые появились печальные эпизоды, когда русские солдаты сдавались противнику во время нашего же наступления.

Д. Пучков: Оригинально.

Б. Юлин: Сказывался рост антивоенных настроений в войсках. Но в то же время Брусиловский прорыв, несмотря на то что не получилось развить успех дальше и получилось вывести Австрию из войны, является самой блестящей операцией по прорыву позиционного фронта за всю Первую мировую. Фронт противника был

опрокинут на всем протяжении, без значительного превосходства в силах и без серьезной тяжелой артиллерии. Правда, потом немцы и австрийцы сделали выводы и стали строить оборону уже с учетом именно такой тактики, поэтому больше подобные фокусы не проходили.

Д. Пучков: Тоже не дураки, да?

Б. Юлин: Ну, с обеих сторон не дураки сидели: и мы учитывали опыт, и противник. Кстати, потери были примерно одинаковыми, пожалуй, только по одной причине – все-таки слишком сильно не хватало как артиллерии, так и боекомплекта к ней. Многие проблемы, которые союзники на Западном фронте решали путем мощнейшего огневого подавления, здесь разрешались за счет того, что солдат бросали в штыковую атаку. Иначе бы австрийцы с немцами потеряли бы в этой операции гораздо больше.

Д. Пучков: Жестоко.

Б. Юлин: Кстати, именно в это время, опираясь на успех Брусиловского прорыва и считая, что вот-вот центральные державы падут, в войну вступает такая ценная страна, как Румыния: начинает наступление на Будапешт через Трансильванию. Румынская армия насчитывала 22 дивизии – примерно полмиллиона...

Д. Пучков: Нормально!

Б. Юлин: Но дело в том, что она была сразу же разбита австрийскими и немецкими войсками, оставила Бухарест и откатилась на реку Сан, где ее спасали наши войска, для чего пришлось перебросить более 30 дивизий.

Для нас вступление Румынии в войну обернулось тем, что теперь нам требовалось гораздо больше сил, то есть Румыния в качестве врага была менее опасна, чем Румыния в качестве союзника. Ходили анекдоты: «Ваше Величество, Румыния вступила в войну». – «А, ну пошлите два корпуса, чтобы их разгромить». – «Нет, на

нашей стороне». – «А, ну тогда придется послать десять корпусов, чтобы их защищать».

Д. Пучков: А они вообще были нам нужны?

Б. Юлин: Ну вот оказались не нужны, так как их сразу разгромили наголову, количество дивизий румынских упало с 22 до 5, а мы должны были их защищать, чтобы Румыния вообще не капитулировала. А фронт, который раньше проходил по румынской границе, теперь протянулся до Черного моря.

Д. Пучков: Удачно.

Б. Юлин: Румыны, по сути, этой операцией просто подарили свою территорию австро-венграм.

Д. Пучков: Молодцы! Одно слово – румыны.

Б. Юлин: Ну да, они воевали еще хуже, чем итальянцы. Итак, ключевые события 1916 года: сражение на реке Сомме, Верденская мясорубка, которая шла почти весь год, разгром итальянцев в Трентино и наступление нашего Юго-Западного фронта.

Кроме того, происшествия на море: именно в 1916 году в связи с общей активизацией действий немцы попытались ослабить английский флот, чтобы снять блокаду, которая очень тяжело сказывалась на немецкой экономике, на снабжении Германии продовольствием. Они разворачивают все более активную подводную войну на море. Немецкие подводные лодки, кстати, эпизодически «зажигали»: в начале войны, например, одна их подводная лодка в ходе одного боя уничтожила три английских броненосных крейсера – «Кресси», «Хог» и «Абукир».

Англичане не слишком готовились к нападению из-под воды. Пока не был утоплен второй крейсер, они даже не понимали, что против них действует подводная лодка, – думали, что на мель забрели.

Д. Пучков: Даже не слышали, как она там плавает?

Б. Юлин: Тогда с гидроакустикой было очень плохо, нечем было слушать.

Д. Пучков: Только голову под воду?

Б. Юлин: Тогда были ныряющие снаряды, которые при обнаружении, допустим, перископа можно было использовать для того, чтобы обстрелять подводную лодку. И все. Одну немецкую подлодку первый английский линейный корабль дредноутного типа, сам «Дредноут», утопил тараном, своевременно обнаружив, просто прошелся по тому месту, где торчал перископ.

Д. Пучков: Немцы, я чувствую, тоже ничего не слушали, раз не услышали, что корабль подходит сбоку.

Б. Юлин: Нет, просто скорость движения подводной лодки под водой и надводного боевого корабля слишком разная.

Знаешь, когда лодка ползет на 6-7 узлах на электродвигателе под водой, то линейный корабль, который прет на нее со скоростью 21 узел, чересчур стремителен. Проблема в том, что у англичан не было сколько-нибудь серьезного опыта борьбы с подводными лодками. Кстати, австрийские подводные лодки в Адриатике «зажигали» тоже – топили французов и итальянцев. Однако серьезно воздействовать на ситуацию они не могли, подводные лодки вообще изначально недооценили, и их было довольно мало. Если немцы сумели развернуть массовую постройку подводных лодок во время войны, то австрийцы этого сделать не могли потому же, почему и мы: промышленность Австрийской империи была все-таки достаточно слабой. У немцев действительно солидное количество подлодок появилось как раз к 1916 году, подводная война приобретала все больший размах. Кроме того, немцы попытались за счет своего авангарда выманить английский авангард на главные силы флота и уничтожить. Те, в свою очередь выяснив планы немецкого командования, решили использовать собственный авангард для того, чтобы вывести главные силы немецкого флота на главные силы своего флота.

Произошло Ютландское сражение – фактически, крупнейшее в мировой морской истории, последний раз, когда в бою должны были сойтись главные линейные силы обеих сторон.

Английский флот был ощутимо мощнее, то есть превосходил немецкий примерно в 1,5 раза и по количеству линейных кораблей, и по легким силам. Сначала немецкий авангард обнаружил англичан и начал удирать от них во все лопатки, так как английский авангард – это 4 самых мощных английских линкора и 6 линейных крейсеров, а у немцев – всего 5 линейных крейсеров. Но во время этого бегства немцы хорошо стреляют, неплохо видят противника и имеют лучшую живучесть, чем англичане, поэтому наносят потери, даже убегая. Потом англичане выскакивают на главные силы немецкого флота и под прикрытием 4 мощнейших линкоров Эвана-Томаса начинают спешно отступать сами, а за ними во весь опор несется Hochseeflotte, Флот открытого моря. Англичан преследуют, догнать их не получается, потому что скорости не хватает, идет перестрелка на больших дистанциях, и наконец, немецкие корабли выскакивают на уже развертывающийся в боевой порядок Гранд-Флит, английский флот. Всякое желание продолжать бой у немцев пропадает: совершив несколько отчаянных маневров, поставив дымовые завесы, они идут на отрыв, то есть сражения именно главных сил как такового не происходит.

Д. Пучков: Сколько потопили?

Б. Юлин: Англичане там потеряли 3 линейных крейсера...

Д. Пучков: Ого!

Б. Юлин: Битти сказал тогда: «С моими крейсерами творится что-то не то». Дело было в высокой склонности английского пороха и английской взрывчатки к детонации, то есть при возникновении пожара

английский линейный крейсер имел тенденцию взлетать в космос. «Лайон», допустим, уцелел, а 3 линейных крейсера взорвались.

У немцев выгорание башен приводило к выгоранию башен, то есть корабль продолжал идти. Топить их было очень тяжело и нудно. Но немцы тоже потеряли линейный крейсер, самый сильный из всех, что у них были, – новейший «Лютцов».

Кроме 3 линейных крейсеров англичане потеряли еще несколько эсминцев и 3 броненосных крейсера, но в таком сражении эти устаревшие корабли были просто жертвами. Немцы потеряли старый броненосец и несколько легких крейсеров, также ряд эсминцев. Но потери англичан в этом бою были больше, поэтому до сих пор очень многие историки, которые изучают историю Первой мировой войны, пытаются объявить Ютландский бой победой немецкого оружия. При этом получается довольно смешная ситуация: победоносный немецкий флот, прикрываясь дымовыми завесами, из всех сил пытается удрать в свою базу, а его преследуют разгромленные англичане.

Ясно, что на самом деле победа оставалась за англичанами, которые сохранили статус-кво: немцы больше не делали попыток перехватить господство на море, что англичан полностью устраивало. Немецкие планы ослабить английский флот не сработали, английский флот остался сильнее. Теперь немцы все более активно переходили к подводной войне, постепенно начиная топить все подряд. Впоследствии они объявят неограниченную подводную войну. Кстати, уже во второй половине 1916 года германские подлодки сумели утопить за 3 месяца 1,5 миллиона тонн торгового тоннажа. Несколько тысяч транспортов.

Д. Пучков: Слушай, свирепствовали просто!

Б. Юлин: Каждый день топились десятки транспортов. Немецкие подлодки оказались самым

эффективным оружием на море.

Д. Пучков: Без гидроакустиков обходились?

Б. Юлин: Ну, перископ же есть. Кроме того, значительная часть транспортов топилась в надводном положении. Вот, кстати, насчет благородства: немцы первоначально следовали правилам ведения войны, то есть останавливали судно предупредительным выстрелом перед носом, подходили, высылали смотровую партию: если судно везло контрабанду, его либо отправляли в свой порт, либо топили, дав экипажу возможность погрузиться в шлюпки. Чтобы бороться с немецкими подводными лодками, англичане придумали корабли-ловушки. Допустим, идет обыкновенное небольшое торговое судно под каким-нибудь нейтральным флагом – норвежским, шведским, голландским. Немецкая подводная лодка всплывает, дает выстрел перед носом, судно останавливается. Немцы начинают спускать шлюпку со смотровой партией, и в этот момент на судне-ловушке падают щиты, закрывающие орудия, и флаг нейтральной страны – потому что англичане формально тоже соблюдают правила войны. Взлетает английский флаг, и пока он лезет вверх, первые снаряды уже попадают в подводную лодку.

Д. Пучков: Какое коварство! Правила ведения войны нарушались всеми подряд, да?

Б. Юлин: Суда-ловушки англичане не считали нарушением правил войны, но думали иначе, поэтому стали поступать проще: видят в перископ – идет судно, всплывать, стрелять по нему – зачем? Торпеду – и все. Проверять, когда есть суда-ловушки...

Д. Пучков: Какая разница? В этот раз повезло, в другой не повезет. А нет судна – нет проблемы.

Б. Юлин: При такой английской тактике действовать, соблюдая правила войны на море, было бы идиотизмом, правильно? А немцы идиотами не были.

Это была одна из причин объявленной неограниченной войны на море.

Д. Пучков: Прикольно.

Б. Юлин: В 1916 году стало ясно, что ни одна из сторон не добилась серьезных подвижек. Антанта продемонстрировала, что у нее сил больше, но успехи центральных держав, учитывая то, что удалось сделать с Италией и Румынией, пожалуй, были ощутимее. Однако все понимали, что эти успехи сугубо временные.

А, пардон, еще в 1916 году у нас был Турецкий фронт.

Д. Пучков: Так-так, а там?

Б. Юлин: В борьбе против турок у Российской империи вообще все шло отлично. Если в 1914-1915 годах случались довольно ожесточенные бои, турки еще могли воевать – та же самая Сарыкомышская операция, где они героически положили, в общем-то, все свои наиболее боеспособные войска, то в 1916 году... Ну, во-первых, завершалась Эрзурумская операция, во-вторых, по морю прошла Трапезундская операция, наши вполне успешно продвигались вглубь Турции. Турки ничего этому противопоставить не могли, их силы были стянуты в район проливов – сторожить Стамбул как самое важное. В остальных местах турки стали получать по шее от англичан и от нас, причем от нас – гораздо чаще и больнее.

Д. Пучков: Отрадно. Так?

Б. Юлин: Кроме того, прекрасные «Гебен» и «Бреслау», которые так удачно были переданы туркам немцами и позволили втянуть Турцию в войну на стороне центральных держав, оказались заперты с севера нашими минными постановками, со стороны Босфора – набегам нашего флота, а со стороны Дарданелл – союзниками. Как-то раз они неудачно попытались выйти из Дарданелл, вначале даже утопив там парочку английских мониторов, но потом на густых

минных заграждениях крейсер «Бреслау» погиб, а поврежденный «Гебен» убрался обратно в Босфор и больше уже никому особых проблем не создавал. Таким образом, в 1914 году турецкий флот практически свернул свою активность.

А корабли Черноморского флота сумели полностью прервать судоходство вдоль северного берега Турции, где шхуны возили уголь. Обстрелы побережья и постоянные выходы нашего флота в Босфор довершали печальную для турок картину: русский флот обеспечил себе полное господство на Черном море.

Теперь о политических аспектах. В 1916 году Германия, изображая стремление к миру... Немцы же такие миролюбивые, правда?

Д. Пучков: Да как и все, наверное.

Б. Юлин: В общем, немцы предложили всем странам прекратить войну и заключить мир без аннексий и контрибуций.

Д. Пучков: Как интересно!

Б. Юлин: Они исходили из своей логики: их войска стоят на территории Франции и практически под Парижем, оккупируют значительную часть Российской империи. Вроде бы все складывается хорошо: они возвращают территории нам, французам и бельгийцам без аннексий и контрибуций, без каких-либо условий. Это они выкатили как свою мирную программу: мол, а давайте – типа ничего не было, так, случайно по-бузили и все забудем. Правительство стран Антанты, видя, как на самом деле изменилось соотношение сил и как дальше развиваются боевые действия, на это было категорически не согласны.

Д. Пучков: Еще бы!

Б. Юлин: Какой еще мир без аннексий и контрибуций, когда у нас гораздо больше сил? Немцы напали на нас, отхватили кусок территории, нанесли нам ущерб, а теперь уйдут к себе домой – и все

закончилось? Ни фига подобного! Но на обывателя эта пропаганда мира без условий и потерь подействовала очень хорошо, антивоенные настроения начали стремительно расти и в Российской империи, и во Франции, и в Англии.

Д. Пучков: Ну, дело-то полезное, да.

Б. Юлин: Если говорить о колониях, в 1916 году в Ирландии вспыхнуло вооруженное антианглийское восстание, которое подавлялось силами британской армии. А у немцев после этих мирных предложений антивоенные тенденции как раз пошли на спад. В мае 1916 года в Берлине, например, состоялась такая мощная антивоенная демонстрация, что ее опять же пришлось разгонять с оружием, – а вот после мирных предложений немцы как бы чувствовали себя воюющими более справедливо. Это, на мой взгляд, действительно был гениальный политический ход, который для Российской империи сработает в 1918 году. А здесь...

Д. Пучков: Заложили мину?

Б. Юлин: Да, под себя же. 1916 год, пожалуй, был чуть ли не самым кровавым годом Первой мировой и при этом – самым блеклым с точки зрения хоть каких-то серьезных стратегических успехов.

Д. Пучков: Сколько лет еще оставалось до конца?

Б. Юлин: Полтора года: 1917-й и половина 1918-го.

Д. Пучков: Долго...

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Больше всего поражает количество жертв.

Б. Юлин: И крайне низкий эффект от этих жертв.

Д. Пучков: Да. Всегда кажется, что с нынешними ядерными бомбами и прочим уж мы-то знаем, как надо, уж у нас-то есть... Спасибо, Борис Витальевич. Ждем продолжения. А на сегодня все. До новых встреч!

Про события Первой мировой войны 1917 г.

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Давно не виделись. Обо что сегодня?

Б. Юлин: Собственно говоря, продолжим про Первую мировую войну. Про то, что было больше всего на слуху, то есть самые знаменитые сражения Первой мировой войны, такие как Ютландское сражение на море, Брусиловский прорыв, Верден, Сомма, они остались у нас в 16-м году. И вот когда люди изучают историю Первой мировой войны по отрывку какого-нибудь фильма, по школьному учебнику, то после этого как-то 17-й год воспринимается как затишье, типа ничего не происходило, не было ничего.

Так вот, на самом деле 17-й год – год, очень богатый на изменение тактики, стратегии, на изменение положения стран воюющих. Но вот каких-то глобальных перемен линии фронта не наблюдалось.

Д. Пучков: То есть битв, чтобы зараз 750 тысяч убили, не было?

Б. Юлин: Легко, были.

Д. Пучков: Или было?

Б. Юлин: Было. И 16-й год в этом плане переплюнули.

Д. Пучков: Какое же тогда затишье?

Б. Юлин: Так я же говорю – на карте не видно. Здесь мы сейчас с этим разберемся. Собственно говоря, во-первых, в 17-м году мировая война надоела уже всем, то есть патриотизм умер во всех странах, у всех, кроме генералитета. У генералитета оставался не у

всего. Так вот, например, Российская империя при численности вооруженных сил в 6 миллионов 900 тысяч человек к этому году, к концу 16-го года, еще при царе-батюшке имела потерями только в виде дезертиров 1,5 миллиона человек. То есть 1,5 миллиона дезертиров официально.

Д. Пучков: Это что ты хочешь сказать? Православные люди за веру, царя и Отечество не хотели воевать, да?

Б. Юлин: Как-то не очень.

Д. Пучков: 1,5 миллиона.

Б. Юлин: 1,5 миллиона дезертиров, то есть, собственно говоря...

Д. Пучков: Из семи, грубо говоря.

Б. Юлин: Ну да. То есть на 7 миллионов, которые есть в армии и из которых только 2 миллиона на фронте, потому что больше непосредственно на фронте Российская империя держать не могла в силу экономических причин. То есть здесь у нас те же самые проблемы были, что и у турок, у которых тоже вроде бы народа много, но держать их на фронте сложно, потому что боеприпасов не хватает. Дело в том, что такие проблемы были не только у нас. Например, в Германии Людендорф, расписывая ситуацию на конец 16-го года, как раз рассуждал о том, что есть там проблемы с продовольствием, с бесперспективностью войны. То есть непонятно, что нужно сделать, чтобы выиграть войну. И оценивал положение Германии как почти безвыходное. Это Германия.

А в Англии, например, с другой стороны, так сказать, Ла-Манша, где, казалось бы, должно быть все медом намазано, там у нас идет под руководством лорда Лансдауна вот такое бурное движение за мир без победы. То есть за принятие германских предложений 16-го года - мир без аннексий и контрибуций. Типа просто прекращаем эту войну, которая всех достала.

Д. Пучков: Надо же, то есть главный супостат (непобедимый) не знает, как ему победить, Германия?

Б. Юлин: Ну да. Но остальные тоже не очень знают, то есть ясно, что вроде бы идет к победе, но, допустим, французский премьер Бриан в этот момент говорит о том, что продолжать долго эту войну нельзя, потому что народ просто не выдержит таких тягот непонятно за что.

Д. Пучков: Я правильно понимаю, что народ не выдержит – это поднимется мятеж, и правительство снесут. Опасно.

Б. Юлин: Опасно. Это с обеих сторон, так сказать, с обеих сторон линии фронта проблемы были достаточно общие. У Германии, например, возникла в 16-м году очень серьезная проблема с продовольствием на грани голода, то есть снижение нормы выдачи хлеба до 1250 граммов в неделю на человека.

Выдавались в это время уже, кстати, не нормальные жиры, а суррогаты, то есть Германия в это время являлась главным создателем и производителем маргарина. То есть, собственно говоря, с добавлением «эрзац», эрзац-кофе, эрзац-шоколад, эрзац-масло то есть то же самое...

Д. Пучков: Заменитель.

Б. Юлин: Оно пошло именно с Первой мировой войны, потому что Германия находилась в условиях блокады со стороны моря и блокады, в общем-то, со стороны суши, то есть фронты. Прорвать, правда, в конце 16-го года эту блокаду они сумели частично. То есть они разгромили Румынию, была разгромлена Сербия вступлением Болгарии в войну. И в итоге получился прямой путь в Турцию, собственно говоря, и страны, которые с Турцией граничили. А Турцию, в общем-то, немцы и австрияки напрягали на поставки продовольствия точно так же, как англичане и французы напрягали Российскую империю.

Оружие, боеприпасы, военное снаряжение в обмен на продовольствие. То есть здесь картина была достаточно общая. Правда, с Турции много вытянуть не получилось, поэтому угроза конкретного прямого голода, она как бы отодвинулась, но жили немцы очень скудно, а австрияки еще скуднее, потому что австриякам тоже приходилось подкармливать немцев, потому что немцы их постоянно спасали. То есть вот такая печальная картина.

Соотношение сил явно уже показывало, что к победе идет Антанта. Правда, победу оценивали как возможную в военном отношении Германии, англичане, например, оценивали, что удастся победить Германию либо в конце 18-го, либо вообще в 19-м году. Но Антанта имела 14,3 миллиона человек суммарно всех своих сил против 7,3 миллиона сил Тройственного союза, то есть почти двойное превосходство в силах. Правда, если мы начинаем считать пушки, самолеты и так далее, то неожиданно оказывается, что силы примерно равные. То есть в 2 раза больше народу.

Д. Пучков: То есть кто-то был вооружен не на европейском уровне, да?

Б. Юлин: Ну как, очень многие европейцы были вооружены не на европейском уровне. Те же самые австрияки были вооружены сильно хуже немцев. Ну а мы соответственно сильно хуже французов и англичан. Ну а турки хуже и нас, и австрияков, то есть... можно еще, кто хуже был вооружен. На Западном фронте, то есть там, где французы и англичане с бельгийцами против немцев. Там 4,5 миллиона человек против 2 миллионов 800 тысяч, то есть явное превосходство. Поэтому на конференции в Шантильи еще в 1916 году, в конце, союзники планировали именно ряд наступлений с востока и с запада с целью разгромить Германию в 17-м году.

То есть генералы, в отличие от политиков, которых я перечислял, и ведущих генералов типа Гинденбурга или Людендорфа, они испытывали некоторый оптимизм, по крайней мере, антантовские. Дальше, Итальянский фронт, там у союзников вообще картина была самая идеальная. 1 миллион 700 тысяч человек итальянских войск против 750 тысяч австрийских войск. То есть превосходство в 2,5 раза. При этом превосходство и в вооружении, и в численности. Ну и русский фронт – 6,6 миллиона с нашей стороны, то есть больше 6,5 миллиона, против 2 миллионов 900 тысяч немцев, австрийков и турок.

Д. Пучков: Что-то как-то нехорошо получается.

Б. Юлин: Что? Более чем двойное превосходство – нехорошо?

Д. Пучков: Надо было победить.

Б. Юлин: Здесь как раз, мы в прошлом разговоре еще по 16-му году рассматривали Митавскую операцию, которая была в январе 17-го года. Почему – потому что на ней закончилась, собственно говоря, Российская империя. То есть когда 82 наших батальона начали наступление против 19 немецких батальонов, фронт прорвать не сумели, войска нормально воевать отказывались, 11 полков взбунтовались. То есть полная беда. Российская императорская армия показала свою практически полную небоеспособность как раз во время Митавской операции.

Д. Пучков: А кто виноват? Солдаты плохо воевали или офицеры не могли солдат отправить воевать, вдохновить и всякое такое?

Б. Юлин: Ну как, солдаты плохо воевали, потому что не хотели воевать. У офицеров рычагов заставить их воевать особо не было. Авторитет верховного командования во главе с Николаем II был крайне низок. То есть если предшественник Николая II на посту главнокомандующего великий князь Николай

Николаевич пользовался популярностью в войсках и среди генералитета, то Николай II не пользовался популярностью ни у кого. К нему лояльность испытывали только те, кто считал, что нужно в любой ситуации поддерживать монарха. Все остальные к нему лояльности не испытывали ни малейшей.

Собственно говоря, после Митавской операции командование Северного фронта перешло на сторону заговорщиков, на сторону Алексеева. А о заговоре Алексеева знали, по сути, все. То есть армия о нем знала, но лояльности к императору не было. Солдаты воевать не хотели. Они не доверяли ни императору как главнокомандующему, ни офицерам. То есть они вообще не понимали, за что идет война.

Д. Пучков: А вот отскакивая чуть-чуть в сторону, вот на советских танках, например, бойцы писали «За Родину! За Сталина!». А вот в Первую мировую войну кто-нибудь писал на чем-нибудь «За Николая II»?

Б. Юлин: Был лозунг официальный «За веру, царя и Отечество», но дальше него ничего не шло.

Д. Пучков: На снарядах там не писали?

Б. Юлин: А за конкретного царя вообще никто.

Д. Пучков: Хороший царь был.

Б. Юлин: Так вот. Собственно говоря, в марте 17-го года, уже после падения Российской империи и становления Республики, то есть во время Временного правительства.

Д. Пучков: Напомним многим, что революция произошла в феврале.

Б. Юлин: То есть как раз в 17-м году. Так вот, в марте 17-го года, например, было небольшое, то есть чисто местное наступление немецких войск – ну, соотношение сил-то для немцев не очень хорошее. Так вот, они пытались уничтожить плацдарм на реке Стоход. То есть перед мостами на реке Стоход был укрепленный плацдарм, который держали наши войска.

Вот немцы атаковали этот плацдарм и захватили его. Был разгромлен наш корпус, который там находился, и вот у нас очень часто любят сейчас оперировать маленькими потерями Российской империи – мол, Российская империя потеряла чуть-чуть убитыми и ранеными, а немцы потеряли гораздо больше. Так вот, например, по отчету боя на реке Стоход: «убитыми и ранеными корпус потерял 996 человек». Чуть-чуть.

Д. Пучков: А корпус – это сколько?

Б. Юлин: В его составе на этот момент было примерно 17 тысяч.

Д. Пучков: Мое почтение.

Б. Юлин: 996 человек всего лишь. Так вот – пропало без вести 10 376 человек.

Д. Пучков: А это как считается? Вот пропавшие без вести это, то есть, с одной стороны, попал снаряд, человека разорвало и не осталось ничего, а с другой стороны...

Б. Юлин: Убитые и раненые – это о ком есть данные, что вот эти вот убитые, а вот эти вот, допустим, поступают в санчасти.

Д. Пучков: А если разорвало?

Б. Юлин: Понимаешь, дело в том, что без вести пропавший это просто когда после боя мы пытаемся найти бойцов, а их нет. Чаще всего они переходят в категорию, которая здесь сверху у нас была на конец 16-го года – 1,5 миллиона дезертиров. Так вот, к концу 17-го года дезертиров стало гораздо больше. Это в основном вот так.

Д. Пучков: То есть это люди – военнослужащие, дававшие присягу, православные, по всей видимости, да, помолились перед боем, да?

Б. Юлин: Молиться было тогда до Февральской революции обязательно, после Февральской революции стало необязательно, и поэтому на заутреню приходило 6 % военнослужащих.

Д. Пучков: Я, вот у меня представление об этом...

Б. Юлин: До этого 100 %, а тут 6 %.

Д. Пучков: ...по известной книжке про бравого солдата Швейка, где, в общем-то, ну, с моей точки зрения...

Мне это видится так: в моей родной советской армии у меня был замполит. Я так понимаю, что роль замполита ранее играл священник. Вот как в советской армии...

Б. Юлин: Не играл.

Д. Пучков: Не играл?

Б. Юлин: Не, по идее, должен был играть, но не играл.

Д. Пучков: В советской армии замполит, он, кроме того, что рассказывал о политике КПСС, он занимался крайне полезными вещами – налаживал отношения в семьях, следил за порядком, еще воспитателем...

Б. Юлин: Ну под конец у нас тоже замполиты, под конец советской власти...

Д. Пучков: Я служил не под конец, у нас был нормальный замполит.

Б. Юлин: Да, но начинали потихонечку уже деградировать так.

Д. Пучков: Но, тем не менее, когда...

Б. Юлин: А здесь уже деградировали полностью. Я говорю – 6 % приходило на заутреню после того, как это перестало быть обязательным. Это показывает уровень, так сказать, православного энтузиазма. Но самое главное – 996 убитых и раненых и 10 376 пропавших без вести.

Д. Пучков: Из семнадцати.

Б. Юлин: Да. То есть корпус практически исчез.

Д. Пучков: Все убежали.

Б. Юлин: А убитых и раненых мало. Так вот, не все убежали, возможно, кого-то действительно разорвало

снарядом на куски – и все, он тоже пропавший без вести.

Д. Пучков: Я как раз про это хотел спросить.

Б. Юлин: Кто-то попал в плен...

Д. Пучков: Про соотношение тех, кого действительно порвало, и тех, кто убежали.

Б. Юлин: Я думаю, что все-таки тех, кого порвало...

Д. Пучков: Десять тысяч не может порвать.

Б. Юлин: Я думаю, даже 1000 не будет. Там какое-то количество попало в плен. Но вот сколько попало в плен и сколько убежало – не известно никому. Это просто убыль личного состава в корпусе. Так вот, это вот подобная занятная...

Д. Пучков: 996. Из 17 тысяч 11 вышли из строя. Осталось шесть. Круто.

Б. Юлин: Вот. Одна из частных операций немецких войск. Собственно говоря, в это время у нас численность армии стала стремительно расти, то есть Временное правительство численность войск наращивало, проводило мобилизацию за мобилизацией, и армия вроде бы стала больше, она перевалила за 7 миллионов человек, дальше к восьми потянулась. Но при огромной численности на фронте все равно по-настоящему боеспособных войск больше 2 миллионов держать не получалось.

Д. Пучков: Потому что ни прокормить, ни вооружить, ни обеспечить боеприпасами. А как же вот эти – в 13-м году невиданный экономический рост, он что, никак с этим не справлялся?

Б. Юлин: Например, в 17-м году, это вот когда мы будем дальше операции рассматривать, там есть такие моменты, то же самое наступление Нивеля. Так вот, у французов считалось очень крутым иметь 200 орудий на километр фронта.

Д. Пучков: Это много, мало?

Б. Юлин: Это много. Собственно говоря, маршал Жоффер говорил как раз таки, что при 200 орудиях на километр фронта о противнике не спрашивают и не докладывают, а сообщают, до какого рубежа дошли наступающие войска. Так вот, у немцев плотности артиллерии были уже поменьше, то есть если в 14-15-м году немцы с артиллерией заруливали союзников, то здесь у них уже стало несколько хуже. Но 100-150 орудий на их километр фронта они получают в своих наступательных операциях умудрялись. У нас, например, в 17-м году, когда было июньское наступление, там было беспрецедентное для русской армии сосредоточение сил на участке прорыва, 30-35 орудий на километр фронта. Это в 2 раза большая плотность артиллерии, чем во время Брусиловского прорыва.

Д. Пучков: То есть это наглядная иллюстрация чудовищного экономического взлета, направленного на победу.

Б. Юлин: Да. И в это время у нас как раз таки половина всего нашего вооружения, снаряжения, боеприпасов шла из-за рубежа. То есть это вместе с поставками из-за рубежа не хватало.

Д. Пучков: Через Тихий океан, да?

Б. Юлин: Ну почему? Через Мурманск. Ну и через Тихий океан тоже, но в основном через Мурманск. Здесь, кстати, есть такой момент занятный. Так вот, так как Россия располагала более приличным количеством хлеба, чем Англия и Франция, то союзники с нас требовали постоянно в обмен на вооружение зерно. Так вот, в 15-м году потребовали 15 миллионов пудов зерна, наше правительство сумело отправить 11 миллионов, 4 миллиона перешло на следующий год. В 16-м году союзники увеличили требование до 30 миллионов пудов.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: В 17-м году они предъявили требование на доставку уже 50 миллионов пудов.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Так вот, при обсуждении возможности выполнения этого требования на заседании Совета министров было указано, просто цитирую: «благоприятное разрешение этого вопроса приобретает ныне совершенно исключительное для нас значение, так как союзные державы изъявили согласие направить в наши северные порты обусловленное число судов с военными грузами первостепенного значения лишь при условии обеспечения обратных рейсов пароходов с хлебными грузами». Вот так.

Д. Пучков: А это что получается, вот, например, призыв, да, и мужиков повымели, ну и, наверное, там как-то на селе производительность упадет, нет?

Б. Юлин: Не повымели у нас особо мужиков. У нас невозможно было провести полную мобилизацию...

Д. Пучков: Минуточку. Я тупой зритель, елы-палы, ты чего?

Б. Юлин: У нас население большое, гораздо больше, чем в Германии или во Франции. А народу под ружьем тоже больше, но далеко не настолько, насколько больше населения.

Д. Пучков: То есть на нас это практически не сказывалось, мобилизация?

Б. Юлин: Сказывалось, но не так сильно. Мы не могли всех мобилизовать, потому что их нечем было вооружать.

Д. Пучков: А наши зарубежные партнеры, у них все плохо было? Почему они так нуждались в продовольствии?

Б. Юлин: Потому что нужно было как-то кормить войска. Плохо было у всех. У нас тоже, в общем-то, было плохо. Например, в 16-м году у нас был 12-16-дневный

запас продовольствия в войсках, а в 17-м году он снизился до 6-10-дневного.

Д. Пучков: Ну просто цифры какие-то ужасающие. В начале 15, в конце 50.

Б. Юлин: Ну да. Ну это не тонн, это пудов все-таки.

Д. Пучков: Все равно.

Б. Юлин: Много, да. Так вот, войска в 17-м году перешли у нас... Сначала была норма хлеба 1600 граммов, перешли сначала на 800 граммов, а в конце 17-го года - на 400-граммовую порцию.

Д. Пучков: Дважды пополам, да?

Б. Юлин: Да. То есть в 4 раза сократили. Сообщения шли постоянно по военному ведомству, что вот есть продовольствие, но нет совершенно возможности его доставить, например, из Сибири. Нет паровозов и вагонов, чтобы доставить продовольствие. Собрали, отправить не могут.

Д. Пучков: Ну это к вопросу, как были построены железные дороги при царе и как прекрасно они функционировали.

Б. Юлин: Да не только то, что они даже построены. Дело в том, что количество паровозов, ну как, из-за обеспечения войск на фронте их не хватало. То есть даже дороги-то были, но по ним нужно, чтобы что-то ездило.

Д. Пучков: И экономический взлет 13-го года даже паровозов не дал в достаточном количестве.

Б. Юлин: Разумеется. И, кстати, здесь был интересный момент. Как генерал Алексеев, например, выходил из положения... Когда на фронте нет продовольствия - это действительно катастрофа. То есть если какая-нибудь будет проблема в результате, допустим, немецкой операции наступательной, с поставками продовольствия, то 5-6-дневный запас продовольствия, сгорит моментально. И вот здесь «генерал Алексеев наложил секвестр на 1900 вагонов

хлеба, подготовленных для отправки из юго-западного края в Архангельск. Вслед за этим наложил запрет на отправку хлеба наместник Кавказа. Тем не менее к 1 июля 17-го года в Архангельск было доставлено 2 миллиона пудов хлеба из приволжских губерний. За границу удалось отправить только 1 миллион 311 тысяч пудов. Начавшиеся волнения на почве продовольственных затруднений вынудили направить часть заготовленного хлеба для удовлетворения нужд населения».

То есть, собственно говоря, Алексеев создавал даже такие отряды, которые перехватывали эшелоны, которые идут в Мурманск, перегонял их в направлении фронта.

Д. Пучков: Самим жрать нечего было.

Б. Юлин: Но вот эти вот действия правительства, действия командования...

Д. Пучков: Как-то не вяжется с известным лозунгом «Все для фронта, все для победы». Куда ж вы это продаете-то, если солдатам жрать нечего?

Б. Юлин: Ну как, в Германии, например, зато другая проблема тоже есть. Там нехватка людских ресурсов. В конце 16-го года немецкое командование поставило перед правительством запрос, перед Рейхстагом, о том, чтобы расширить воинскую повинность на возраст от 15 до 60 лет. Потому что некого ставить под ружье.

Д. Пучков: До 60 лет хорошо.

Б. Юлин: От 15. Так вот, но, правда, Рейхстаг этот закон зарубил, потому что тогда бы сразу в Германии вспыхнула революция. Так вот, сделали как – применили эти нормы только для призыва во вспомогательные силы. Чисто тыловое обеспечение. Вот такие проблемы. Но это как раз то, что у нас касается проблем сторон. То есть у немцев не хватает продовольствия и населения, у Австрии не хватает

всего, у Турции не хватает в первую очередь экономики, промышленности. У нас проблемы с обеспечением вооружением промышленности и возникающие проблемы с продовольствием. При этом значительная часть проблем связана даже не с отсутствием самого продовольствия как такового, а с логистикой. Так вот, у союзников наших проблемы, опять же, с продовольствием, то есть ограничения по нормам питания и так далее.

Вот, кстати, с ограничением по нормам питания. Дело в том, что немцы пытались, ну вот англичане душили Германию морской блокадой. Немцы пытались нанести ответный удар. И в этом отношении как раз таки наиболее показательный 17-й год. Дело в том, что после Ютландского сражения немцы уже не рассчитывали на то, чтобы разгромить Англию на море силами своего флота, надводных кораблей, и основной упор сделали на подводные лодки. То есть они объявили Англии неограниченную подводную войну. До этого были какие-то попытки следовать правилам ведения войны на море, то есть требованиям остановиться, провести досмотр и так далее. Немцев потом, правда, стали забивать из-за английских судов-ловушек. Постепенно, по нарастающей все эти правила ведения войны отмирали. Война становилась все более тотальной.

Д. Пучков: Напомни, что такое судно-ловушка.

Б. Юлин: Дело в том, что англичане, столкнувшись с проблемой немецких подводных лодок и не имея серьезных средств борьбы с ними, стали создавать суда, которые идут, идет вроде бы судно под нейтральным флагом. Немецкая подводная лодка всплывает, требует остановиться. Судно останавливается. И вот немецкая подводная лодка высылает досмотровую партию на это судно для того, чтобы проверить...

Д. Пучков: Чего вы там везете.

Б. Юлин: Да, нет ли там контрабандного груза, который позволяет либо это судно захватить, либо утопить. И вот в этот момент падают щиты, закрывающие орудия, а на флагшток взлетает английский флаг, и открывается огонь по стоящей подводной лодке. Лодка обычно гибнет. Но при этом англичане выполняли такое формальное требование – непосредственно перед первым выстрелом флаг как раз поднимается. То есть они со всем этим очень хорошо насобачились. Ясно, что после этого о каких-то нормальных досмотрах речи не идет, потому что подводники – они тоже не идиоты...

Д. Пучков: Увидел – топи.

Б. Юлин: Да. Но за это, так сказать, как бы... порицание.

Д. Пучков: Вали всех, Господь рассортирует.

Б. Юлин: Здесь вот неограниченная подводная война – это когда официально объявлено о том, что мы топить будем всех. И вот первоначально у немцев, на самом деле, лодок было вроде бы не очень много, то есть они всего-то в момент объявления неограниченной войны держали на коммуникациях противника в это время порядка 40 подводных лодок.

Д. Пучков: Это немного, да?

Б. Юлин: Не, ну как, их количество постепенно росло, то есть у немцев приняло участие в войне порядка 400 подводных лодок, из которых на момент капитуляции Германии там довольно много еще было в строю.

Д. Пучков: Я всегда думал, что они в основном появились во Вторую мировую.

Б. Юлин: Не, во Второй мировой использовали опыт Первой мировой войны, с еще большим размахом. Здесь картина какая была: когда была объявлена неограниченная подводная война, за 3 месяца было

утоплено примерно 1 миллион 800 тысяч тонн торгового тоннажа.

Д. Пучков: Ого.

Б. Юлин: Это очень много. Так вот, это оказалось настолько много, что перед Англией встала угроза голода. То есть у них стал сокращаться торговый флот. Правда, с учетом развязывания постепенного этой войны подводной, англичане оказались все-таки психологически к этому готовы и какие-то меры уже прорабатывали и стали их применять. Меры, которые они применили, – самое главное, это введение системы конвоев.

То есть собирается 2–3 десятка транспортов, одинаковые по скорости подбирались, и под охраной нескольких боевых кораблей они совершают переход через океан. При этом маршруты этих конвоев, они немногочисленны, они все патрулируются, то есть чтобы подводные лодки... Подводные лодки тогда были не подводные, они были ныряющими по сути. То есть подводная лодка могла находиться под водой, активно действовать несколько часов, просто висеть под водой могла 2–3 дня максимум, пока хватит воздуха.

Д. Пучков: А во Вторую мировую как было?

Б. Юлин: Да не сильно лучше. То есть характеристики лодок улучшились, они стали глубже погружаться, дольше могли двигаться под водой, с большими скоростями двигаться, лучше торпеды стали, но принципиального улучшения до появления атомных подводных лодок не было. И вот подводная лодка, она, разрядив аккумуляторы, и, так сказать, выдыхав весь воздух, должна была всплывать, вентилироваться и заряжать аккумуляторы. То есть большую часть времени подводные лодки находились в надводном положении, поэтому были уязвимы для атаки надводных кораблей, – необходимо было временное погружение. Но если их загнать и долго не давать

всплывать, то чаще всего лодка гибла просто потому, что ей не давали всплыть.

И, кроме того, под водой скорость у подводной лодки была достаточно небольшая, что не позволяло, допустим, нормально преследовать конвой, чтобы его атаковать. Преследование могло идти разве что в надводном положении. Но вот такие вроде бы несовершенные подводные лодки, у которых из средств наблюдения только перископ, никаких радаров, ничего нет, они вот набили за 3 месяца 1 миллион 800 тысяч тонн. А всего, по-моему, за 17-18-й год они набили больше 6 миллионов торгового тоннажа. Как раз с весны и до лета 17-го года успехи подводных лодок немецких были наибольшими. Дальше количество подводных лодок росло, но количество судов гибнущих стало снижаться. Во-первых, те суда, которые ходили в составе конвоев, они теряли менее одного процента того, что ходит в конвоях.

Д. Пучков: Небогато.

Б. Юлин: Ну как, это все речь шла, учитывая, что они по несколько раз ходили, эти конвои, речь шла о сотнях судов, но все равно гораздо меньше, чем раньше. Кроме того, очень серьезно за англичан в это время вписались американцы, которые начали строить торговые суда просто в колоссальных количествах, так же, кстати, как и противолодочные корабли, которые как специализированное средство тоже появились в это время. Англичане вводили систему очень серьезную прибрежных патрулей, чтобы на подходах к портам подводные лодки разгуляться не могли. Свои подводные лодки размещали на путях выхода немецких подводных лодок, то есть английские подводные лодки занимались в основном противолодочными задачами.

Кроме того, англичане ставили в огромных количествах минные заграждения. Самое шикарное заграждение у них было - это специальный такой

барраж, который они построили (минное заграждение) от Шотландии до Норвегии.

Д. Пучков: Однако.

Б. Юлин: Лодки немецкие все равно продолжали выходить на коммуникации.

Д. Пучков: А это что было – сети, мины, что это?

Б. Юлин: Это были минные заграждения. А, допустим, Адриатическое море перекрыли и минами, и сетями, чтобы австрийские лодки не лазили в Средиземное море. То есть подходили очень серьезно, капитально. Средства были затрачены на это колоссальные, но зато это позволило обеспечить дальнейшее снабжение в Англии, а в дальнейшем и переброску в Англию американских войск, когда США вступили в войну. Кстати, в 17-м году США уже в войне, но боевых действий их части еще не принимают. То есть они довольно быстро развертывали армию, начали перебрасывать, но активное участие в боях приняли уже в 18-м году. Поэтому здесь мы американцев пока не рассматриваем.

Вот картина, как бы экономическая подоплека. И дальше начинаются планы о том, как же мы хотим разбить врага. Сначала разработан был план Жоффра по поводу истощения Германии рядом последовательных наступлений. Жоффр, собственно, довольно верно определил, что пока не будет сломлена экономическая мощь, то есть пока не окажется, что немцам нечем воевать, разгромить их не удастся. То есть победа лежит не в чисто военной области, а в экономической, потому что постоянно идут сражения, постоянно то одни, то другие наступают, но вопрос упирается в экономику. Но Жоффра из-за всех неудач, которые были в 16-м году, сняли, поставили героя обороны Вердена Нивеля.

И вот Нивель, он предложил свой план, где вместо ряда последовательных наступлений ровно с той же

целью, что у Жоффра, нужно было провести общее единое наступление, то есть одним ударом, но могучим сломить противника, прорвать на всю глубину оборону немецкую, выйти на оперативный простор и перемолоть немецкие силы. И когда у Германии силы кончатся, победа будет одержана.

Д. Пучков: Толково придумано. Что получилось?

Б. Юлин: Дело в том, что когда Нивель начал планировать развертывание своих сил, неожиданно немцы ему немножко сорвали начало операции, просто взяв и отойдя на довольно приличное расстояние на подготовленную линию обороны. То есть местами отход на несколько десятков километров был.

Д. Пучков: То есть знали о том, что...

Б. Юлин: Нет, не знали, они готовились просто с учетом нехватки сил к обороне на более удобных и на более коротких по длине рубежах. Поэтому Нивелю пришлось несколько перенести наступление. Кстати, его наступление секретом не являлось, то есть сосредоточение сил немцами было выявлено. Когда силы были сосредоточены, а это 100 пехотных дивизий и 10 кавалерийских дивизий, то есть 1 миллион 400 тысяч человек было сосредоточено для наступления.

Д. Пучков: Так.

Б. Юлин: Так вот, сосредоточив эти колоссальные силы, союзники устроили еще мощную артподготовку, имея огромное количество орудий, как раз 200 орудий на километр фронта. И немцы прекрасно знали, где будет наступление, на каком направлении. Они не знали точно, какими силами, но то, что оно будет, было известно. И так как это было известно, то основные силы немцев были сосредоточены на тыловых позициях, а не непосредственно на первых линиях окопов, которые превращены были в лунный ландшафт.

И когда начиналось наступление английских и французских войск, те сумели вклиниться как раз в

первые рубежи обороны, но на всю глубину немецкую оборону прорвать не получалось. Немцы перебрасывали дополнительные резервы, союзники колоссальными усилиями продвигались на десятки либо сотни метров в день. За 2 недели боев, короче, англичане потеряли 80 тысяч человек, французы 120 тысяч человек, то есть 200 тысяч человек за 2 недели. Немцы, правда, в это время, по французским данным, потеряли даже больше. В основном за счет того, что они огромные потери несли просто от артиллерийского огня. То есть союзники теряют в наступлении, немцы – от артиллерийского огня. Но при этом расход материальных средств, конечно, со стороны Нивеля был колоссальный.

Кстати, в этой «бойне Нивеля», оно и получило название «бойня Нивеля», потому что потери вроде бы меньше, чем под Верденом, но под Верденом-то за полгода, а здесь за 2 недели. То есть в расчете, так сказать, на сутки боев «бойня Нивеля» чуть ли не самое страшное сражение Первой мировой войны. Так вот, там в первых эшелонах участвовали как раз таки русские войска, направленные во Францию, пушечное мясо. То есть 20 тысяч человек в русских бригадах приняли участие в первых линиях наступающих войск.

Д. Пучков: По-братски, да.

Б. Юлин: Нужно же было чем-то с союзниками рассчитываться.

Д. Пучков: Да.

Б. Юлин: Но «бойня Нивеля» захлебнулась, и более того, она резко усилила антивоенные настроения во Франции, особенно во французской армии. То есть дошло до того, что стали происходить восстания в войсковых частях, вплоть до полка.

Д. Пучков: Успешная война, что сказать.

Б. Юлин: Да. Но при этом наступление Нивеля полностью захлебнулось. Кстати, в это же время должно было быть наступление итальянских войск. Ну,

ты же помнишь, у итальянцев в 2,5 раза превосходство в силах было, но Луиджи Кадорна, который командовал итальянскими войсками, решил, что он самый хитрый, и решил подождать результатов наступления, в это время не наступал, а потом, так сказать, добиться успеха итальянскими войсками отдельно. Успеха не добился.

Там было несколько наступлений на реке Изонцо, которые все проваливались и при этом страшно деморализовали итальянскую армию. То есть солдаты итальянские тоже уже не хотели воевать, потому что во время этих нескольких наступлений, по тому, как отмечали, собственно говоря, сами итальянцы, картина была не сильно лучше, чем в «бойне Нивеля». Но при этом, кстати, Луиджи Кадорна, когда обрисовывал, почему войска итальянские имеют низкую боеспособность, мы дальше к сражению при Капоретто перейдем, так вот, у него были виноваты мятежная пропаганда и агитационный яд. Ничего не напоминает? Заметь, Ленина в Италии нет и Троцкого нет. Там вообще большевиков нет. Однако мятежная пропаганда и агитационный яд виноваты в низкой боеспособности итальянской армии.

Д. Пучков: Не итальянская же армия виновата.

Б. Юлин: Главное, не итальянские генералы, не итальянское правительство. Кстати, в Германии тоже Людендорф и Гиденбург, но они, правда, позже, уже в 18-м году, обвиняли в низкой боеспособности немецких войск и в проблемах в моральном духе немецкий Рейхстаг и социал-демократов немецких. Также знакомо, да? Вот здесь, короче, «бойня Нивеля» закончилась, дальше были попытки союзников наступать севернее, под Ипром, это уже фактически, берег Северного моря, то есть район франко-бельгийской границы. И там была, например, проведена уникальная операция наступления под Мессингом, она коротенькая была, то

есть местное такое ограниченное наступление. Задача была сбить немцев с господствующих высот, с которых они постоянно наносили большие потери союзникам, неся меньшие потери. Нужно было поменять местами, отодвинуть немцев буквально километра на два, захватить эти высоты и дальше уже им наносить большие потери. Так вот, для того чтобы прорвать немецкий фронт, было построено 8 километров подземных галерей, заложено 600 тонн взрывчатки.

Д. Пучков: Ого.

Б. Юлин: И вот, короче, все это взяли и подорвали. Немцы сидели настолько офигевшие в своих окопах, это полное было онемение, так сказать, немецкой армии, что англичане без особых проблем вломились на немецкие позиции, побрали кучу пленных, то есть соотношение потерь там было чуть ли не 4 к 1 в пользу англичан, то есть немцы там пленных много потеряли. Но дальше это наступление развития не получило. Это способ борьбы как с крепостями в полевой войне. То есть под окопы делать подкопы и закладывать камуфлеты вот такие. Шестьсот тонн взрывчатки...

Д. Пучков: Жажнуло от души, наверное.

Б. Юлин: Это как землетрясение уже, 600 тонн. Это близко к ядерному взрыву. А дальше там продолжались бои вообще на севере в районе Ипра, с июля по ноябрь. Кстати, у англичан получилось с легкой руки английского журналиста, историка Лиддела Гарта сражение под Пашендейле, или Битва за Пашендейл. На самом деле, эта многомесячная борьба, она привела к тому, что на участке где-то километров 15 англичане сумели продвинуться максимум до 6 километров и не больше.

Д. Пучков: То есть опять ни о чем, да?

Б. Юлин: Да. И при этом обе стороны потеряли за вот эти вот бои с июля по ноябрь полмиллиона человек убитыми и ранеными. Ты вот, кстати, спрашивал насчет

того, что было ли такое, как в 16-м году. Вот, во весь опор. И когда шли вот эти вот бои за Пашендейл как раз, произошло сражение при Капоретто. Когда австриякам надоело отбивать постоянно наскоки итальянцев на реке Изонцо, они решили нанести сами удар по итальянским войскам. При этом итальянская армия имела двойное численное превосходство. Австрияки при поддержке немцев начали наступление, прорвали итальянский фронт. Итальянцы, бросая оружие, неся колоссальные потери, откатывались вглубь Италии.

То есть итальянская армия фактически прекратила существование как организованная сила. Во время сражения при Капоретто итальянцы потеряли 130 тысяч убитыми и ранеными и 335 тысяч пленными. Но при этом там еще какая была картина неприятная. Дело в том, что боеспособными осталось всего лишь около 400 тысяч человек, а остальные были небоеспособны, деморализованы. То есть их нужно было приводить в чувство, фронт еле сумели стабилизировать. Сумели стабилизировать, потому что у союзников по-прежнему были, вернее, у австрияков и немцев были по-прежнему проблемы на других фронтах.

Д. Пучков: А приводить в чувство – это что? Сесть побеседовать или массовые расстрелы?

Б. Юлин: Не знаю, может, вина налить. Нет, массовые расстрелы здесь уже бесполезны, потому что, извини, сразу взбунтуются. Но, правда, после этого сражения при Капоретто наконец-то Луиджи Кадорна сняли с его поста. То есть он уже дальше, так сказать, сдвинутый с этого поста, рассказывал о мятежной пропаганде и агитационном яде. Но, правда, в честь него потом... Ну как, его в 1924 году произвели в Италии в маршалы, а после того, как он умер, еще в честь него называли крейсер. То есть такой славный военный был. И когда как раз таки завершалось

сражение при Капоретто, началось наступление англичан у Камбре. Это сражение, где англичане сумели сходу прорвать на всю глубину немецкую оборону. Правда, не сумели развить успех, и немцы потом контрударами восстановили линию фронта, но там что было... Это фактически был приговор немецкой обороне. Там фронт был прорван за счет того, что англичане впервые по-настоящему массированно использовали танки. То есть в операции использовалось 476 танков.

Д. Пучков: Обалдеть.

Б. Юлин: Часть из них использовалась как боевые, а часть использовалась как танки поддержки, тащили на себе фашины для заваливания окопов и рвов противотанковых. Танки наступали тремя волнами. Короче, англичане сумели сходу прорвать все три линии обороны немцев.

Д. Пучков: Собственно, для этого танки и были разработаны.

Б. Юлин: Да. К тому же они здесь продолжали совершенствоваться. А у нас в это время что происходило – опять же, в соответствии с планами у союзников мы должны были весной-летом начать наступление против немцев и австрияков. Ну, против немцев у нас наступление так и не началось вообще, а против австрияков, считая, что их разгромить и вывести из войны можно, у нас было так называемое июльское наступление. То есть наши сосредоточили 42 пехотные дивизии, 9 кавалерийских дивизий, порядка 300 тысяч человек. И вот это вот было уже наступление армии Временного правительства, которое серьезно переиначил небезызвестный генерал Корнилов. То есть из частей были выделены добровольцы – батальоны смерти. Так сказать, привет фильму «Батальон», который, в общем-то, по той же программе проходил.

Так вот, созданы были такие добровольческие части ударные, которые должны были показывать пример всем остальным и обеспечить как раз успех наступления. Вот здесь сказалось...

Д. Пучков: Чем-то мне это напоминает Украину.

Б. Юлин: Но вот здесь, кстати, это очень сильно напоминает... не то что напоминает, дело в том, что ты в армии служил, правильно? И прекрасно понимаешь, что, допустим, в любой роте, в любом взводе, то есть везде, есть и люди, которые могут паникой заразить, и вот нужно не дать им этого сделать, и те, кто являются стержнем своеобразным, то есть кто может взять, допустим, и первым подняться в атаку или, наоборот, как раз погасить панику.

Д. Пучков: Или хотя бы не убежать.

Б. Юлин: Которые являются стержнем. И таких человек обычно всего несколько на роту, правильно? Так вот, дело в том, что генерал Корнилов, он этих людей по сути повыдергивал. То есть он из всех рот и батальонов на эти ударные батальоны, на батальоны смерти, выдернул тех, кто действительно готов воевать, готов сражаться...

Д. Пучков: Военный гений, да.

Б. Юлин: Так вот, и когда пошли, собственно говоря, эти ударные части в наступление, они прорвали Австрийский фронт. В первый же день было взято большое количество австрийских пленных, было взято большое количество пулеметов, артиллерии, то есть успехи пошли, пошли победные реляции. Воспользовавшись этим, Временное правительство сразу устроило в Москве и в Питере разгром большевиков и вообще всякой оппозиции, типа вот же у нас. Ну то есть они решили как - использовать успех в наступлении для того, чтобы резко закрутить гайки. А через несколько дней пошли реляции строго обратные. Дело в том, что все эти ударные батальоны очень

быстро кончились, потому что в них была лишь небольшая часть армии. А остальная армия – это как: либо прямо во время наступления сдаются в плен австриякам, либо штыки в землю и пошли по домам. То есть фронт рухнул даже без серьезного усиления противодействия со стороны австрияков и немцев.

И в итоге мы, захватив сначала небольшую территорию, потом в 3 раза большую территорию немцам и австриякам отдали, это наше наступление. При этом австрияки и немцы наступать даже не собирались, оно так получилось.

Д. Пучков: А важнейший момент большевистской пропаганды, которая и привела ко всему этому?

Б. Юлин: Ну, разумеется, мятежная пропаганда и агитационный яд, он у всех виноват. То есть он у нас также виноват. То есть это не Корнилов выдернул из частей всех сколько-нибудь стоящих солдат и похоронил их, так сказать, бросив в атаку в первых эшелонах. Да, он добился прорыва фронта противника, а что дальше делать? Но это виноваты большевики.

Д. Пучков: Да, серьезные военные, да.

Б. Юлин: Ну да, так у итальянцев такой же есть, правильно? Да и у немцев тоже там Рейхстаг виноват. И вот получается какая картина к 17-му году. Война на море привела к тому, что усилилась блокада Англии немцами и Германии англичанами. То есть неограниченная подводная война серьезно заставила англичан напрячься, но они это преодолели. Блокада Германии, ну как, она и оставалась достаточно плотной блокадой Германии. В это время уже не Российская империя, а Российская республика успехами похвастаться никакими не смогла. Не смогла похвастаться даже серьезным отвлечением немецких сил от Западного фронта.

На Западном фронте активность была постоянно у союзников, то есть они пытались как раз таки

разгромить противника, серьезно его истощили, себя тоже серьезно истощили, положили огромное количество народа, чем вызвали рост антивоенных настроений в Англии и Франции. Ну и больше всего отличились итальянцы, которые, имея превосходство в 2,5 раза, потерпели сокрушительное поражение. И более того, вот это вот сражение под Капоретто... Дело в том, что в 17-м году, по сути, австрийская армия была уже на грани начала разбегания, то есть в ней положение было еще хуже, чем в армии Временного правительства у нас.

То есть реально Австрийская империя на грани катастрофы. Народ кормить нечем, за что народ воюет, он не понимает, мобилизованы в армию почти все. То, что было описано в «Похождениях бравого солдата Швейка», оно, в общем-то, соответствовало действительности, то есть примерно так и было. Но вот эта вот грандиозная победа при Капоретто с огромным количеством пленных, чудовищным количеством пленных, с огромным количеством трофеев. То есть там итальянцы потеряли пушек и минометов порядка 7 тысяч. Это больше, чем, допустим, артиллерии в армиях воюющих стран, кроме Германии на начало войны, то есть вообще всех.

И вот эта победа, она на короткое время поддержала Австрийскую империю, то есть опять всплеск ура-патриотизма, эйфория и надежда, что вот-вот действительно сейчас противника разгромим, такая блестящая победа. Правда, командование немецкое, которое наблюдало за этой победой, оценивало ее не очень высоко в каком плане – основную задачу решить не удалось, развить успех не смогли, и Италия остается в войне. Если бы она вылетела из войны, это был бы серьезный успех. А так он не принципиален. Это грандиозная победа, которая принципиальную картину не меняет вообще. Ну как, хотя, конечно, изменила,

потому что иначе Австрия рухнула бы в конце 1917 года. Вот это и есть операции 1917 года.

Еще были все-таки операции, которые очень важны для нашей истории, хотя не играют почти никакой роли с точки зрения Первой мировой войны, – это Рижская и Моонзундская операции. То есть когда немцы, организовав взаимодействие армии и флота, взяли Ригу, кстати, имея в 2 раза меньше сил, чем у нас, они провели наступательную операцию и взяли Ригу. И захватили Моонзундский архипелаг. Там как раз очень интересная картина в чем была. С одной стороны, значение Моонзунда, что показано, кстати, в прекрасном фильме «Моонзунд». Так вот, они сражались героически, сражались против явно превосходящих немецких сил, то есть у немцев там было 12 линейных кораблей, у нас 2 броненосца, 2 линейных корабля старых. По остальным силам тоже не в нашу пользу было.

И там немцы сумели вытеснить наш флот, но, правда, все силы защиты Рижского залива они уничтожить не смогли, хотя ставили эту задачу. Они смогли захватить Моонзундский архипелаг, но захватили его с боями, на это потребовалось время. То есть операция, в общем-то, полностью успешная, с одной стороны, Рижский залив полностью оказался под контролем немцев, Рига оказалась под контролем немцев. Наши силы ушли в Финский залив. Но наши войска сражались, моряки в основном, энергично, мужественно, но в очень небольшом количестве. То есть, например, в это время у нас в Финском заливе стояли остальные силы нашего флота, то есть 4 новых дредноута, 2 броненосца, крейсера, эсминцы, подводные лодки, которые во весь опор сидели там и ничего не делали.

Д. Пучков: Почему?

Б. Юлин: Ну, вообще-то было даже прямое распоряжение не выпускать линкоры против немцев, вдруг немцы их убьют.

Д. Пучков: Да, действительно опасно.

Б. Юлин: Ну да. Наш флот в Первую мировую войну довольно серьезно бездельничал. То есть наши, например, балтийские линкоры не приняли участие ни в одной боевой операции Первой мировой войны.

Д. Пучков: Оригинально.

Б. Юлин: Да. То есть первая у них перестрелка была с восставшими фортами, это уже когда шла Гражданская война, большевики против белых.

Д. Пучков: А вопрос. Случилась Октябрьская революция, она как-то повлияла на положение на фронтах?

Б. Юлин: Повлияла, но я бы хотел об этом рассказать, уже когда будет про 1918 год, потому что у нас как раз конец 17-го – начало 18-го – это выход России из войны, это заключение Брестского мира. Что, кстати, очень сильно напрягло англичан и французов. Но там просто есть важный политический момент, который хотелось бы осветить как раз вместе с остальным. А так – да, повлияла. Дело в том, что в это время на смену Российской империи активно шли Соединенные Штаты, а проблемы Германии выход России из войны решить все равно не смог.

Д. Пучков: Картина настолько изрядная, что я даже не знаю.

Б. Юлин: Ну как, 17-й год совсем незаметен по сравнению с 16-м?

Д. Пучков: Да-да. Ну, это, как ты вначале сказал, люди, которые изучают историю по школьным учебникам, я чуть не подавился, но, видимо, да. Если так подходить, то действительно ничего и не было.

Б. Юлин: Ну потому, что в школьных учебниках в 16-м году упоминаются 4 сражения, а в 17-м году не

упоминается ни одного.

Д. Пучков: Молодцы.

Б. Юлин: Хотя видно, что война, она идет просто по нарастающей. А, кстати, чего хотелось интересное сказать, это о новых тактических приемах. То есть мало того, что уже перешла, так сказать, от сплошной линии фронта к узлам обороны система обороны, немцы стали использовать, например, так называемые широкие траншеи шириной до 5 метров. Они хуже защищали от артиллерийского огня, с одной стороны, а с другой стороны, через них не мог переехать танк. Помогало. То есть в сочетании с противотанковыми рвами. Росла роль противотанковой обороны. При этом немцы до конца 17-го года, очень как-то брезгливо относились к танкам и, несмотря на достаточный военный потенциал, танков не делали. Потом, когда они их сделали, их танки оказались сразу лучше, но они сделали 17 танков за всю Первую мировую войну. А вот наши пытались сделать танки, но у нас не получилось. Это танк Лебедеенко, безумный монстр.

Д. Пучков: Это на колесах который?

Б. Юлин: Да. И танк Пороховщикова, который не был танком, не имел брони и мог ездить только по прямой. На этом наши эксперименты по танкам, по сути, закрылись. Единственное, что у нас было из бронетехники, это вот когда мы поставляемые нам союзниками грузовики «Остин» на Путиловском заводе бронировали и получили броневик «Остин-Путиловец» с двумя башенками, знаменитый.

Д. Пучков: Ильич с такого выступал?

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Картина безрадостная какая-то.

Б. Юлин: Разрабатывались новые методы прорыва обороны противника, то есть немцы в это время переобучали свою пехоту, снабжали ее средствами окопного... То есть если союзники сделали ставку в

основном на артиллерию и на танки, то немцы сделали упор на штурмовые группы. То есть пехота, вооруженная не винтовками со штыками, а пистолетами – люгерами, артиллерийскими удлиненными, у которых даже разработан был специально для этого новый магазин на 32 патрона. Тогда же они разработали свою гранату знаменитую – колотушку вот эту вот, картофеледавилку на длинной ручке, очень удобная в окопах оказалась.

Д. Пучков: Для чего? Бросать или по башке стучать?

Б. Юлин: Бросать удобно. Больших навыков не нужно.

Д. Пучков: Ручка способствует.

Б. Юлин: Да. Тем более, что ее можно было открутить и использовать гранату без нее. И вот даже впоследствии, в 18-м году под эти штурмовые группы был разработан первый в мире пистолет-пулемет нормальный, МП-18, как раз под этот дурацкий магазин для люгера, то есть барабан и дальше такая длинная часть, которая вставляется в рукоятку пистолета как раз. Она теперь вставлялась в специальную рукоятку, в бок торчащую у этого МП-18. Смотрелось довольно дико, но, в принципе, оружие неплохое было. Кстати, первый пистолет-пулемет изобрели итальянцы в конце 16-го года. У них появился пистолет-пулемет Пирелли, который был... Первым считается немецкий, изобретенный в 18-м году, потому что итальянский представлял из себя очень странную конструкцию. Это было два ствола, гашетка, как у пулемета, сзади, а сошки (упор) спереди. При этом вот такой длины конструкция была. Два магазинчика. Темп стрельбы – 1100 выстрелов в минуту.

Д. Пучков: О Господи!

Б. Юлин: То есть ты берешь так, ставишь, нажимаешь гашетку, и у тебя сразу все уходит куда-то

в ту сторону. Вот такое оружие было. Формально первый пистолет-пулемет, но формально.

Д. Пучков: Исключительно познавательно, да.

Б. Юлин: И вот как раз подготовка позволила проводить наступление это уже в 18-м году обеим странам довольно успешное в плане прорыва обороны. Хотя способы прорыва были совершенно разные. Все это отработывалось в 17-м году. Ну и, кстати, гораздо меньше, чем в 16-м году, стало играть роль оружие массового поражения. То есть химическое оружие стало сходить на нет банально просто с большим распространением противогазов.

Д. Пучков: Не пригодилось, как говорится. Один раз траванули, всё...

Б. Юлин: Не один, несколько раз.

Д. Пучков: Ну, по большому-то что... Кроме Ипра, я, например, ничего и не знаю.

Б. Юлин: Да, все остальное сильно слабее.

Д. Пучков: Да, как-то не так получалось.

Б. Юлин: А, и еще, в 17-м году начались стратегические налеты, дальние налеты авиации. То есть если раньше только дирижабли немецкие летали Англию бомбить либо Париж, что было достаточно малоэффективно, то тут уже начали летать дальние бомбардировщики – как английские на Германию, так и немецкие на Англию.

Д. Пучков: Для меня удивительный пример. Горячо мной любимая группа Led Zeppelin, на обложке альбома Led Zeppelin II, они сидят на фоне дирижабля немецкого, который бомбил Лондон, они сидят в немецкой форме.

Б. Юлин: Они так видят мир.

Д. Пучков: Я в глубокую задумчивость впал. Ты знаешь, это как у нас, не знаю, не будем называть, сфотографируются в форме пилотов Люфтваффе,

которые бомбили Москву. Очень странно у них там в Европах. Или так надо?

Б. Юлин: Ну они же назвали себя цеппелинами. А это немецкие дирижабли.

Д. Пучков: А дирижабль, он вообще пользу какую-то приносил, нет? Или это не так?

Б. Юлин: Ну как, больше психологическое давление оказывать. Он же здоровый, уязвимый.

Д. Пучков: А сколько он бомб мог привезти?

Б. Юлин: Да немного. Речь обычно шла о нескольких сотнях килограммов.

Д. Пучков: То есть не тонны, не десятки тонн, да?

Б. Юлин: Можно было загрузить и тонну, и больше тонны, но в этом случае чем больше мы загружаем, тем ниже высота полета. А дирижабль здоровый, а во время войны по нему стреляют. Он должен забираться повыше, иначе его собьют сразу. Поэтому нагрузку обычно брали сравнительно небольшую, и поэтому эффект у дирижабля был более психологический, тем более что с дирижабля прицелиться и попасть... опять же, бросая бомбу с горизонтального полета, с большой высоты, не имея возможности эффективно рулить дирижаблем, потому что управляется он очень плохо по сравнению с самолетом. Бомбы сбрасываем примерно в тех местах. То есть попасть в небольшой город - уже проблема.

Д. Пучков: Сильно.

Б. Юлин: Например, был налет немецких дирижаблей еще до этого, в 15-м что ли году, на английскую военно-морскую базу, где они отбомбились по кораблям. Ни одна бомба в цель не попала. А дальше, когда самолеты стали летать лучше, дирижабли оказались уже совсем беспомощными и бесполезными. И стала выходить на первое место бомбардировочная авиация.

Д. Пучков: А, собственно, бомбардировщики, которые сначала тоже горизонтально летали...

Б. Юлин: Они все-таки лучше управляются, чем дирижабли.

Д. Пучков: Их уже потом переделали в пикирующие.

Б. Юлин: Это уже во Вторую мировую.

Д. Пучков: Но это чтобы еще точнее попадать?

Б. Юлин: Да. А в Первую мировую войну, там как – бомбардировщик, он, во-первых, все-таки, когда бомбу сбрасывал, он сбрасывал ее с меньшей высоты, потому что по нему попасть сложнее, чем по дирижаблю, и он может поэтому летать ниже. Так вот, и он гораздо лучше управляется, то есть можно подрулить, чтобы прицелиться, в отличие от дирижабля, с которого можно просто бомбу уронить и все. Кстати, есть такой совершенно... один из любимых фильмов моего детства, «Большие гонки».

Д. Пучков: У номера пять отвалятся колеса.

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: Или мотор. Номер пять – это мы.

Б. Юлин: А помнишь, там, когда машину как раз пытались разбомбить с дирижабля?

Д. Пучков: Да-да.

Б. Юлин: Вот там сложности прицеливания как раз в какой-то мере видны. И там примерно так использовалось – прилетели...

Д. Пучков: У меня он, кстати, есть. Я когда-то даже американский DVD купил, но так и не посмотрел. Большая радость детства была.

Б. Юлин: Да.

Д. Пучков: «Кто там, Макс? – Дети, профессор. – Глупые дети». Ну, ждем 18-го года, что же там у нас...

Б. Юлин: И итогов войны.

Д. Пучков: Да, приключилось с большевиками, и чем же все это закончилось. Очень интересно, да.

Спасибо, Борис Витальевич. А на сегодня все. До новых встреч!

Об итогах Первой мировой войны

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую! Борис Витальевич, доброе время года!

Б. Юлин: Аналогично.

Д. Пучков: Подкрались к 1918-му?

Б. Юлин: Да. К завершению Первой мировой войны. На этот раз 1918 год мы начнем с 1917-го. Потому что в 1917 году произошло довольно серьезное событие. Не все о нем сейчас помнят, не все о нем слышали. Это Великая Октябрьская революция.

Д. Пучков: Социалистическая.

Б. Юлин: Да. Великая Октябрьская социалистическая революция. Некоторые знают как Октябрьский переворот, а некоторые не знают вообще. И вот первыми декретами советской власти были «Декрет о мире» и «Декрет о земле». «Декрет о земле» – это ликвидация помещичьего и кулацкого землевладения и распределение земли между крестьянами по числу едоков. Что и было сделано. А «Декрет о мире» был большевиками взят не на голом месте. Они исходили из мирных предложений Германии 1916 года, как раз о мире без аннексий и контрибуций. То есть большевики, по сути, приняли германское предложение.

Д. Пучков: То есть: «Пацаны, хорош, расходимся. Никто никому ничего не должен». Никто ни у кого ничего не отнял.

Б. Юлин: Да. Более того, сразу после Октябрьской революции немцы согласились с предложениями большевиков. Большевики приняли мирные предложения Германии, и немцы подтвердили: «Да, мир

без аннексий и контрибуций». И стали немцы ждать пока исчезнут остатки русской армии. То есть то, что оставалось на момент Октябрьской революции. Дело в том, что армия была практически небоеспособной, но очень многочисленной, с достаточно большим количеством вооружения. И вот «Декрет о мире» фактически привел к тому, что армия стала расходиться. То есть люди отправлялись по домам. Это, кстати, хорошо видно в фильме «Бумбараш».

Д. Пучков: «Наплевать, наплевать, надоело воевать. Ничего не знаю, моя хата с краю».

Б. Юлин: Но спустя некоторое время немцы неожиданно выдвинули претензии территориальные и по контрибуции. Хозяева своего слова – дали слово, забрали слово. То есть на самом деле просто кинули, самым натуральным образом. Большевики сначала пробовали возмутиться, но у немцев вооруженные силы есть, а у большевиков в этот момент, по сути, нет. И немцы начали захватывать новые территории, чтобы стимулировать скорейшее заключение мира. У нас в Брест-Литовск отправилась делегация. Троцкий с лозунгом «ни мира, ни войны» сорвал переговоры, хотя был главой делегации. Из-за этого условия мира для нас стали еще более худшими. То есть увеличилась территория, которую немцы себе «отжимали», и увеличивался размер контрибуции. У нас как раз начали в это время создавать Красную армию. И она уже успела вступить в боевые действия с немцами. И, собственно говоря, подписали немецкие требования.

Д. Пучков: А какие территории они захватывали?

Б. Юлин: Часть территории была захвачена еще до Октябрьской революции, собственно говоря, Польша, Литва, часть Украины. Во время переговоров, во время первого этапа переговоров... Первоначально они хотели эти земли себе оттяпать. Они захватили еще Латвию с Эстонией и большую часть Украины. То есть резко

увеличили территории под оккупацию. И вот часть из них отходила к немцам и австриякам, а часть осталась временно оккупирована, пока не будет выплачена контрибуция.

Д. Пучков: А денег много хотели?

Б. Юлин: Денег хотели много. Там речь шла, по моему, именно о золоте. Полтора миллиарда золотых марок, что-то такое. И территории, которые они в этот момент стали благополучно грабить для того, чтобы разрулить продовольственный кризис на своей территории. Но при этом, несмотря на переговоры о мире, а затем заключение Брестского мира, немцы начали вести враждебные действия против большевиков. То есть где можно было, они старались подорвать их власть. Они, например, поддержали белофиннов. И они стали спонсировать армию Краснова, она стала создаваться на территориях, оккупированных немцами, они выделили ему из трофейного вооружения на 200 тысяч человек. Вооружений, боеприпасов. И выделили ему денежные средства, на которые и была создана армия Краснова, которая пошла на Царицын.

Д. Пучков: Какой прекрасный человек. Так.

Б. Юлин: Это ситуация с нашей страной и с Брестским миром. Казалось бы, немцы с австрияками провернули очень хитрую вещь. Но дело в том, что эта хитрая вещь дальше им вышла боком. Перейдем к соотношению сил. В начале 1918 года Германия имела три с половиной миллиона человек на западе и более миллиона военнослужащих на востоке, в России. Плюс к этому еще были австрийские войска, турецкие войска, болгарские войска. Но ключевые моменты у нас это запад и восток. То есть немцы для того, чтобы грабить советские территории, вынуждены были держать на востоке более миллиона человек. Антанта на западе имела в это время более четырех миллионов. То есть у немцев превосходство было в силах над англичанами и

французами, но из-за ограбления советской территории сил против Антанты оказалось несколько меньше.

Д. Пучков: Так.

Б. Юлин: При этом дивизий у немцев было больше в это время. У Антанты 181 дивизия, у Германии 193 дивизии. Ну, кстати, дивизии очень сильно отличались от того, что было в начале войны. Например, в начале войны немецкая дивизия это было 16 800 человек. И она имела 54 полевых пушки и 18 полевых гаубиц. Здесь же дивизия имела 12 400 человек. То есть вместо четырех полков оказалось три. При этом количество стрелков в полках уменьшилось. Из 12 400 человек стрелков было всего 5400. То есть меньше половины личного состава дивизии. Зато возросло количество артиллеристов, то есть в дивизии появились минометы, в дивизии появилась тяжелая артиллерия калибром до 150 миллиметров, 12 тяжелых орудий. Стало большое количество пулеметов, большое количество пулеметных команд и пулеметных подразделений в дивизии. Появились в дивизии довольно многочисленные инженерные части. То есть дивизия была уже такая, приспособленная к позиционной войне. Но примерно такие преобразования произошли и во французских, и в английских дивизиях. То есть везде перешли с четырехполкового на трехполковой состав. Кроме России, где оставался четырехполковой состав. У нас, наоборот, сократилось количество орудий в дивизиях с 48 до 36. А количество личного состава оставалось прежним. Здесь тенденция была другая.

Немцы, имея несколько больше дивизий, решили попробовать переломить борьбу в свою пользу. Ситуация на начало 1918 года: советская Россия грабится и выведена из войны. Силы какие-то высвобождены для запада и переброшены туда. Но уже вступили в войну США, и войска начали прибывать в Европу. Ясно, что у США большие людские ресурсы,

очень большой промышленный потенциал. Германия не выдержит длительную войну с Англией, Францией и США. Ну, Германия с Австрией и Турцией. Долгую борьбу выдержать невозможно. Поэтому нужно быстро решить вопрос разгрома Франции, без затяжной войны. Здесь как раз сразу видно, как себе подгадили немцы, проявив жадность с Советской республикой. Кстати, часто любят говорить, что мы заключили сепаратный мир с Германией, вышли из войны, именно из-за этого мы лишились больших плюшек, которые нам должны были дать. Вот Румыния, например, тогда же вышла из войны, капитулировала и заключила сепаратный мир с Германией и Австрией. Она плюшки получила. Почему? Потому, что она сепаратный мир заключила, но революции там не было. А Италия, например, рассчитывала на большие плюшки, но получила только сапогом по морде. То есть ей дали очень мало, гораздо меньше, чем она рассчитывала. То есть здесь просто ведущие, наиболее сильные страны определяют, кому что достанется. Как всегда и как везде. Поэтому говорить о том, что если бы мы продолжали воевать, нам бы отдали черноморские проливы, бессмысленно. Нет, никто нам бы их не отдал.

Д. Пучков: Зачем.

Б. Юлин: Да. Зачем отдавать, когда можно не отдавать. Немцы делают ставку на то, чтобы разгромить французов и англичан и вывести Францию из войны. И вот если они в 1917 году на западе в основном оборонялись, здесь они переходят в решительное наступление. Мы в прошлый раз разговаривали о новой тактике. Как раз о тактике штурмовых групп, которые должны вклиниться в оборону, распределение артиллерии по категориям. То есть часть поддерживает пехоту, часть занимается контрбатареями, часть обеспечивает подавление укреплений, часть ведет борьбу с

вражеской артиллерией на большую глубину. Взаимодействие с авиацией, использование в дивизиях аэростатов для наблюдения за обстановкой на поле боя. То есть очень тщательно продуманное наступление. И вот в Пикардии немцы начинают наступление, 59 немецких дивизий наносят удар по 32 английским дивизиям. Фронт англичан был прорван. Основной удар должен был наносить правый фланг немцев, но там наступление затормозилось. Зато левый фланг пошел вперед. И туда немцы бросили резервы. Фронт удалось прорвать на протяжении более чем 100 километров.

Д. Пучков: Ого.

Б. Юлин: И продвинуться на расстояние до 70 километров. После битвы на Марне, первой, 1914 года, это был самый крупный наступательный успех немецкой армии. Но здесь сложилась ситуация, когда немцы подготовили все для прорыва фронта, но у них оказалось ничего не готово, чтобы реально развить успех. То есть они прорвали фронт, они наступают, французы перебрасывают с помощью автомобильного транспорта большие подкрепления, затыкают брешь между французскими и английскими войсками. Немцы под конец уже не рассчитывали взять Париж, разгромить англичан и французов, они хотели хотя бы взять Амьен, и то не дали им. То есть перебросили подкрепления, немецкое наступление было остановлено, захлебнулось. Обошлось это наступление в Пикардии немцам в 230 тысяч человек убитыми и ранеными.

Союзники потеряли, кстати, больше. Англичане только пленными потеряли 90 тысяч человек, общие потери были близки к 400 тысячам человек.

Д. Пучков: Обалдеть.

Б. Юлин: Но израсходовали большие стратегические ресурсы. Прорвались вроде бы, успешный прорыв, а успеха стратегического нет. Затем

они несколько меняют направление удара и во Фландрии проводят наступление на реке Лис. Еще 143 тысячи человек Антанта потеряла, немцы потеряли около 100 тысяч человек. Но опять же, частный успех, а победы все нет. После этого немцы переходят в наступление на реке Эн. То есть у них образовался выступ на север, тут они начали наступать в другую сторону. Кстати, после наступления в Пикардии они приблизились к Парижу достаточно, чтобы начать его обстреливать из сверхдальнобойной артиллерии. То есть у них появились такие пушки своеобразные, пушка «Колоссаль», например, которая была на сто с лишним километров.

Д. Пучков: «Большая Берта».

Б. Юлин: Нет, «Большая Берта» – это еще в начале Первой мировой войны, 420-миллиметровая осадная мортира. Она способна любые укрепления разрушать, но стреляет не очень далеко. А это сверхдальнобойные пушки. Так вот, сверхдальнобойные пушки это чисто оружие террора. Там, кстати, в Париж попало две трети снарядов, а остальные даже в Париж не попали. И пушка стреляет достаточно редко, снаряд не особенно мощный. Но город находится далеко от линии фронта. Там находится огромное количество людей, в основном гражданские. И туда эпизодически, в разные места падают снаряды, и ничем это остановить нельзя. Это просто направлено на деморализацию населения. То есть запугать. В данном случае немцы занимались с помощью сверхдальнобойной артиллерии банальным терроризмом.

Д. Пучков: Можно ли к этому приравнять бомбардировки городов типа Дрезден, Хиросима?

Б. Юлин: Там уже не террор, там именно уничтожение мирного населения, геноцид. А здесь террор. Немцы не пытались сверхдальнобойными пушками стереть Париж с лица земли. У них мощи не

хватало, была бы возможность – и снесли. Но не хватало. Кстати, во время наступления в Пикардии немцы активно использовали химические боеприпасы. Не из баллонов пускали газ, а в основном снаряды химические. Снаряды химические у них были в богатом ассортименте. Они только так называемый «желтый крест» использовали 250 тысяч снарядов во время этого наступления. А у них еще был «голубой крест», «зеленый крест». То есть там были снаряды, которые действуют отравляющими веществами, то есть без фугасного, осколочного эффекта. Снаряды, которые действуют отравляющими веществами и, к тому же, поражают еще осколками и взрывной волной. «Черный крест» – это были снаряды, которые позволяли ставить дымовую завесу, которая обладала еще и удушающими свойствами. А снаряды «голубой крест» имели такую особенность: там были ядовитые осколки. То есть если попадает осколок в человека, там идет воздействие отравляющими веществами. То есть разнообразие богатейшее.

Д. Пучков: Это, замечу, Европа. Это не дикие варвары, это «цивилизованные» европейцы.

Б. Юлин: В это время воздействие химического оружия уже носило больше психологический характер. Но в целом за время войны убито и ранено химическим оружием было 500 тысяч человек.

Д. Пучков: Немало.

Б. Юлин: Очень солидно. Тем более, что пострадавшие от химического оружия обычно становились инвалидами. Короче, немцы в Пикардии понаступали. Дальше пошло наступление там же, где они наступали в Пикардии, только уже на юг, это на реке Эн. И там тоже немцы потеряли 98 тысяч человек. А Антанта потеряла там, англичане, французы, 55 тысяч человек только пленными. А в общей сложности, наверное, под 200 тысяч человек. Но тоже наступление

было остановлено. Опять же, перебрасываются автомобилями войска в зону прорыва, и прорыв купируется. И затем, наконец, началась «вторая Марна». То есть попытка немцев прорваться непосредственно к Парижу. В это время Гинденбург, который решающую роль играл в это время в Германии, говорил, что: «Только военный успех может дать выход из этого тяжелого положения».

То есть несмотря на эти успешные наступления, на то, что французы и англичане несли бóльшие потери, чем немцы, а немцы все больше приближались к Парижу и успешно его уже обстреливали, положение у немцев становилось все более безнадежным. И вот эта «вторая Марна» – это последний удар немцев в Первой мировой войне. Удалось вклиниться, но наступление было не только остановлено французами, но и французы перешли в контрнаступление. В это время соотношение сил на фронте было 3,6 миллиона у англичан и французов против 3,3 миллиона у немцев. Соотношение было лучше, чем в начале немецкого наступления. Немцы уже истощили свои ресурсы, а французы еще совсем нет. И вот этот выступ, который образовался во время «второй Марны», был большей частью французами ликвидирован, то есть немцев оттеснили обратно.

То есть это у нас начинаются события, наступление в Пикардии – это март-апрель. На реке Лис – апрель. На реке Эн – это май-июнь. «Вторая Марна» – это середина июня. И вот уже с середины июля до начала августа идет контрнаступление французов. А затем, в августе, проходит крупная союзная Амьенская операция, где на довольно широком фронте вклинивание немецких войск было ликвидировано наступлением союзников. Амьенская операция, она чем интересна? Ее назвали «черным днем немецкой армии».

Д. Пучков: По причине?

Б. Юлин: Дело в том, что союзники в это время начали наступление с помощью танков, довольно массированно используя танки, авиацию, используя большое количество артиллерии. Они прорвали немецкий фронт и начали наступать. В этот момент стало очевидно, что немецкая армия не способна больше нормально сражаться. То есть то, что было в русской армии в конце 1916 года и в 1917 году, это теперь дошло и до немцев. Армия, которая считалась сильнейшей в мире, оказалась неспособной сражаться. Немецкие части без приказа оставляли позиции.

Д. Пучков: Большевики виноваты, нет?

Б. Юлин: Не большевики. Рейхстаг и социал-демократы. С большевиками в этот момент в Германии плохо было, но виноваты все равно. Были факты перехода целых частей немецких в плен. Часть бросается в контратаку и при этом сдается противнику. То есть то, что у нас было раньше, появилось у немцев. Сдача в плен при наступлении. То есть они наносят контрудар, и части, идущие в контратаку, бросают оружие. Войска сражаться не хотят. То есть Амьенская операция резко показала, что немецкая армия утратила веру в победу. Вообще утратила, полностью. А у союзников появилась уверенность, что они теперь победят. На уровне рядового состава. Они знали, что они войну уже выиграли. Война еще идет, но она уже выиграна. И немцы знали, что война еще идет, но ее они уже проиграли. Дальше была Сен-Миельская операция, это на юг от Вердена выступ такой, который создавал угрозу окружения Вердена. Эта операция была довольно крупной, но самый интересный момент в том, что это первая операция американских войск. Американцы разгромили противостоящие им немецкие части. Разгромили без больших потерь. То есть наступали, прорвали немецкую оборону. Вытеснили

немцев с этого выступа. Соотношение сил было 7:1 в пользу американцев.

Д. Пучков: Неплохо.

Б. Юлин: Американцы подошли старательно. У них все очень хорошо было с боеприпасами. С тяжелой артиллерией, со всем. И вот почти сразу после окончания этой Сен-Миельской операции начинается от Вердена и до Северного моря, то есть более чем на половине протяженности фронта, начинается общее наступление Антанты. Уже просто обрушиваются все немецкие рубежи. Идет сдача немецких войск в плен. И принимается решение немецким командованием, что нужно заключать перемирие на любых условиях. То есть Германия воевать больше не способна. При этом был еще в 1918 году выход немецкого флота. Выход был достаточно неудачный, он был обнаружен английской подводной лодкой, линейный крейсер «Мольтке» получил торпеду, и немцы вернулись обратно. А потом, под конец, перед капитуляцией, чтобы не сдавать флот противнику, немцы решили дать последний бой Антанте на море. И флот должен был выйти в такой героический бой с британским флотом. В итоге вспыхнуло восстание на кораблях немецкого флота.

Д. Пучков: Никто не хотел умирать.

Б. Юлин: Немцы уже понимали, что войну проиграли. Моряки тоже это понимали, а умирать они не хотели непонятно за что. То есть, типа, «героически пасть должен немецкий флот». Ага. Короче, флот взбунтовался. И в этот момент сумели себя еще проявить, очень своеобразно, итальянцы. Дело в том, что в это время уже шло наступление и на Салоникском фронте, и на Палестинском фронте турок громили. И страны стали вылетать из войны. Итальянцы наконец-таки взяли и 29 октября 1918 года, под самый конец войны, начали наступление против австро-венгерских войск. Большое, масштабное наступление. Австрийский

фронт практически сразу рухнул. То есть 25 октября началось наступление, «Витторио Венето», операция знаменитая. А 29 октября Австро-Венгрия уже пошла на подписание перемирия на любых условиях, и 3 ноября капитулировала. Австро-Венгрия просто уже рассыпалась, ее нет, итальянцы устраивают наступление. Они это наступление объявили решающим наступлением сил Антанты в Первой мировой войне, которое привело к разрушению Тройственного союза.

Д. Пучков: Тонко.

Б. Юлин: То есть итальянцы нанесли удар, и весь Тройственный союз рухнул. То есть сначала Австрия, затем, когда сдалась Австрия, сдалась и Германия. «Мы, итальянцы, самые крутые». Они хвастаются, какие силы использовали, сколько пленных взяли. Но то, что в это время воевать уже было не с кем, война закончилась реально месяца за два до этого, итальянцы умалчивают. А в честь «Витторио Венето» назвали новейший линейный корабль перед Второй мировой войной. Так что такая занятная картина.

А теперь что хотелось бы показать. Во-первых, подготовка к операции. Вот здесь у нас показано накануне немецкого наступления в Пикардии. То есть на начало 1918 года. Здесь есть такие занятные моменты. Заметь, фронт примерно километров сто, да? Глубина где-то километров до сорока. И вот здесь часть выделена – это как называется?

Д. Пучков: Поле воронок.

Б. Юлин: Поле воронок. Лунный ландшафт.

Д. Пучков: Все желающие могут в Интернете поискать, там до сих пор выглядит как лунный ландшафт.

Б. Юлин: А дальше там заштриховано как болото.

Д. Пучков: Опустошенный германцами район при отходе в 1917 году.

Б. Юлин: Когда они спрямляли линию фронта, они на самом деле там уничтожили все. То есть это была пустыня, можно было снимать сцены Апокалипсиса. Это как «цивилизованные» европейцы ведут войну. Поле воронок, опустошенные районы, правильно? Это вот как они воевали.

Д. Пучков: А другие приличнее себя вели? А то, помню, я был в городе Амьене. И там стоит возле главного их собора памятник Петру Пустыннику. Петр Пустынник, как ты помнишь, – один из организаторов Первого крестового похода. Когда их там и Иерусалиме обложили и жрать уже было нечего, Петр Пустынник предложил жрать мусульман и сказал, что у них мясо, как у фазанов. Ну, там глубокая история, в общем-то.

Б. Юлин: Так вот. Помнишь, мы говорили в прошлый раз про дирижабли? Вот, допустим, Германия за всю войну построила 109 дирижаблей. Из них 89 «Цепеллинов», то есть наиболее «крутые» дирижабли с жестким корпусом. Дирижабли совершали полеты в глубокие тылы, бомбили Париж и Лондон. Использовались против морских целей, правда, неудачно. Тут написано, что использовались, но не написано, что не попадали. Они обладали большой грузоподъемностью, продолжительностью полета и большим радиусом действия, но были легко уязвимы. На Лондон и другие объекты Англии было совершено 53 налета дирижаблей. Из действующих дирижаблей сбито, разбилось или погибло – 20. То есть вот как использовались.

А вот это у нас будет самое интересное. Самое интересное потому, что собой представляла война. Война обошлась в 10 миллионов убитых, 20 миллионов раненых. И вот теперь военное производство. Пулеметы. Россия: 28 000 пулеметов. Австро-Венгрия: 40 000 пулеметов. Англия: 239 000 пулеметов. Франция: 312 000 пулеметов. Германия: 280 000 пулеметов.

Артиллерия. Россия: 11 700 орудий. При этом, в основном, легкие, трехдюймовые. Англия: 26 000 орудий. Франция: 23 000 орудий. Германия: 64 000 орудий. При этом очень большой процент тяжелых орудий. Австрия: 15 900 орудий. Минометы. Англия: 2500 минометов. Франция: 3000 минометов. Германия: 12 000 минометов. Россия и Австрия в производстве минометов не замечены.

Д. Пучков: Я правильно помню, что миномет придумал кто-то наш?

Б. Юлин: Гобято в Порт-Артуре. На самом деле сложно сказать, кто придумал. Прообразы минометов были во Франции и так далее. Формально миномет XX века – это как раз Порт-Артур, миномет Гобято. Но вот не выпускали. Танки. Англия: 2800 танков. Франция: 5300 танков. Самолеты. Россия в Первую мировую войну: 3500 самолетов. Австрия: 5400 самолетов. Италия: 12 000 самолетов. Англия: 47 800 самолетов. Германия: 47 300 самолетов. Франция: 52 100 самолетов.

Д. Пучков: Несопоставимо конечно.

Б. Юлин: Артиллерийские снаряды. Россия: 67 миллионов снарядов. Большею частью трехдюймовые. Англия: 218 миллионов снарядов. Франция: 290 миллионов снарядов. Германия: 306 миллионов снарядов. При этом очень большой процент тяжелых снарядов, которых наши почти не выпускали. Австрия: 80 миллионов снарядов. Вот здесь, кстати, интересный момент. Дело в том, что у Австрии цифры по военному производству получаются больше, чем у России. На самом деле они больше не были, просто Австрия позже вышла из войны. В целом австрийское производство было или на равных, или чуть слабее производства Российской империи.

Д. Пучков: Эта микроскопическая Австрия.

Б. Юлин: Ну как микроскопическая. Это была огромная Австро-Венгерская империя, включавшая нынешнюю Австрию, Венгрию, часть Румынии, вот эти Хорватию, Словению, Чехословакию. То есть это была большая страна. Но, в принципе, с теми же проблемами, что и Российская империя. Эти проблемы и показали, что Австрийская империя выпустила столько же оружия, сколько мы, и воевала с таким же напрягом, как и мы. С таким же надрывом. Но, правда, Австро-Венгрии единственное, что можно сказать в легкое оправдание, что у нас было население 180 миллионов человек, а у них только 40 миллионов. А выпуск вооружений одинаковый. То есть тоже вот такой показатель неприятный. Кстати, что самое интересное, французы, англичане, немцы использовали во время войны каски. То есть под конец войны это сплошь стальные каски. А мягкие головные уборы использовались в русской армии, в австрийской и в турецкой. Потому что они тоже стоят денег, каски. Вот такая картина. То есть производство у нас больше всего просело по самолетам, в какой-то мере по пулеметам. Самолеты, которые у нас выпускались, 3500 самолетов, у нас было выпущено 2800 моторов.

Д. Пучков: Немного.

Б. Юлин: Наши любят гордиться четырехмоторными бомбардировщиками «Илья Муромец», их было выпущено меньше сотни. При этом там была такая интересная практика. Когда делали самолет, часто с прежнего самолета, изношенного, снимали двигатель и ставили на него. Потому что хорошие немецкие двигатели «Аргус» стояли, еще довоенные. Так вот. Здесь что становится видно? Что Первая мировая война – это война потенциалов. То есть война народов, которые вооружаются своими государствами. И у кого достаточно серьезный военный потенциал, тот и рулит. То есть успехи, в первые годы,

немецкого оружия и даже возможность наступать в 1918 году были связаны с колоссальным военным потенциалом Германии. Но военный потенциал Антанты был больше, чем военный потенциал Германии. Особенно это сказалось после вступления в войну США. Например, в 1917 году Антанта выплавляла стали и чугуна в три раза больше, чем Германия. Несмотря на всю хваленую сталелитейную промышленность Германии.

Д. Пучков: Даже это не помогает. Так.

Б. Юлин: Нет, ну, помогает, немцы долго держались. Но выдержать такую войну они не могли. Война стала бесперспективна, народ разуверился в войне. Германская империя войну проиграла, и в результате проигранной войны там вспыхнула революция и произошло падение монархии. В Австро-Венгерской империи не просто была свергнута монархия, но это государство еще и распалось на отдельные куски.

Д. Пучков: Печально.

Б. Юлин: Точно так же произошло падение Османской империи. Там тоже была свергнута монархия. То есть пострадала в этом плане не одна Российская империя. Но в Российской империи нашлись большевики, которые сумели собрать государство, тем более в условиях иностранной интервенции, и обеспечить ему последующий бурный подъем. А Австро-Венгерская империя как единое государство свое существование прекратила вообще. Османская империя тоже. В Германии, правда, потом был подъем реваншизма при Гитлере. То, что проигранная война ведет к революции, а не революция к проигрышу войны, здесь, по-моему, вполне очевидно. Кстати, формально, из-за тягот войны монархия пала и в Италии. То есть вроде король оставался, но уже в 1922 году, то есть сразу после Первой мировой войны, к власти пришел

Муссолини и был установлен фашистский режим, который уже далеко не монархия. Вот это то, что касается Италии, страны, вроде бы победившей в войне.

Д. Пучков: А теперь у нас многие хотят монархию вернуть. Наиболее «передовой» способ управления государством. Нащупанный тысячелетиями. Так хорошо все шло, а тут вдруг зачем-то свергли, давайте вернем.

Б. Юлин: Хотя помню, когда самое сильное государство древности формировалось, Римское, оно стало самым сильным в мире еще будучи республикой.

Д. Пучков: Парадокс.

Б. Юлин: Да. То есть монархии здесь пали. Центральные державы капитулировали. Румыния срочно присоединилась к победителям, получила Трансильванию, отобранную у Австро-Венгрии распавшейся. А Советский Союз в это время отмахивался от иностранной интервенции. Причем сначала интервенты, это были немцы, австрияки и турки. А затем им на смену пришли англичане, французы, американцы, японцы и даже румыны.

Д. Пучков: Этим тоже хотелось.

Б. Юлин: Они себе Молдавию отжали тогда, Бессарабию.

Д. Пучков: А вопрос. Вот Германию объединенными усилиями придушили. И немцев погнали со всех территорий, которые захвачены были.

Б. Юлин: Ну, как. Их заставили срочно оставить территории Франции и Бельгии. Заставили передать союзникам 5000 орудий, 25 000 пулеметов, 3000 минометов, 1700 самолетов, 5000 паровозов, 150 000 вагонов. По условиям перемирия. Еще до заключения Версальского договора.

Д. Пучков: А у нас что произошло?

Б. Юлин: А на нашей территории немцам запретили выводить войска. Они должны были поддерживать порядок на территориях, которые контролировались

немецкой армией, чтобы там не распространилась «большевистская зараза». Собственно говоря, красных, большевиков, в Латвии, в Эстонии, на Украине, в Финляндии задушили именно немцы. Местные белые бы не справились, у них сил не хватало. Задушили немецкие войска.

Д. Пучков: Сволочи.

Б. Юлин: В данном случае они уже не совсем по своей воле это делали. Победители, англичане и французы приказали. А потом их части выводились.

Д. Пучков: Ну и какую же пользу Россия извлекла из всего этого? То есть вписывались за то, чтобы отнять Стамбул, проливы.

Б. Юлин: Вот мы разговаривали о том, какие были вообще причины Первой мировой войны. Когда еще про 1914 год разговаривали, про предпосылки к войне. Теперь кто чего достиг. Что досталось странам-победительницам. Соединенные Штаты территориальных приобретений получили крайне мало. Но зато они превратились из должника очень большого в очень большого кредитора. То есть они сумели серьезно поднять свою промышленность в Первую мировую войну, обеспечив вооружением сначала Антанту, а затем и себя любимых. Они сумели поднять огромное количество денег, им все стали очень много должны. Американцы сумели поднять качественный уровень своих вооружений. Они, кстати, выпустили свою автоматическую винтовку, знаменитый «BAR», Browning Automatic Rifle, который, правда, как винтовка оказался тяжеловат и был перекалибрирован в ручной пулемет. И, собственно говоря, американцы в это время сделали заявку на роль сильнейшей морской державы. То есть пока Европа воевала, американцы построили очень мощный флот и очень современный. Правда, такую же заявку сделали еще и японцы. Так

вот, Япония нахапала бывших немецких колоний в ассортименте.

Д. Пучков: Это где?

Б. Юлин: Острова Тихого океана. В основном в районе экватора, там, где Папуа - Новая Гвинея. Маршалловы острова они захватили, Марианские острова. Вот это все. То есть это было немецким, стало японским. Экономической роли это не играло, это играло роль в плане базирования удобного в центральной части Тихого океана. Кроме того, они отжали себе в Китае немецкую сферу влияния с базой Циндао. И, воспользовавшись тем, что все заняты в Европе, очень серьезно продвинулись в своих устремлениях в Китае. У японцев в этом плане было все хорошо. Опять же, они торговали оружием. Они продавали нам старые корабли наши за полноценные деньги. То есть наши выкупили для создания в Мурманске флотилии броненосец «Полтава», который был уже переименован. Этот броненосец был старым во время Русско-японской войны. Выкупили более новый броненосец «Пересвет». Он был, по-моему, утоплен подводной лодкой на Средиземном море. Выкупили крейсер «Варяг», он был в итоге разобран на металлолом в Англии. Но выкупалось это за полные деньги. Выкупили у японцев винтовки Мосина, которые попали к японцам в качестве трофеев во время Русско-японской войны. Японцы серию эсминцев сомнительной удачности продали французам. Тоже за вполне приличные деньги. То есть японцы на этом очень хорошо поднялись и развили свою судостроительную промышленность.

Французы. Франция была войной крайне серьезно истощена. Она, правда, поживилась за счет немецких колоний в Африке. Тут совместно с англичанами они какую вещь сделали. Была ведь организована Лига наций странами-победителями. Как такая совершенно

шикарная организация, призванная поддерживать справедливость во всем мире и не допускать войн. Ну, как потом ООН организовывалась. Собственно говоря, получилась такая же порнография, как нынешняя ООН. То есть по мандату Лиги наций отобранные у Османской империи земли были переданы Англии и Франции на 25 лет в подмандатное управление. Или на 30 лет? То ли на 25, то ли на 30 лет. То есть: «Колонии сейчас захватывать не комильфо, мы вели войну не из жадности, не из желания грабить кого-то. А чтобы освободить народы. Поэтому эти подмандатные территории нам передаются для того, чтобы народы, которые там проживают, подготовили к цивилизованной жизни, создали необходимые структуры управления. И потом дали им независимость».

Д. Пучков: Какая прелесть.

Б. Юлин: Я могу перечислить страны, которые были подмандатными территориями: Ирак, Кувейт, Сирия, Палестина, Иордания. Но это подмандатные территории. То есть там с миром, с цивилизацией все ну просто в шоколаде. На самом деле их грабили, довольно серьезно. Например, Ирак с Палестиной и Иорданией, и Кувейтом, ну Кувейт был частью Ирака, перешли под мандат Англии. А Ливан и Сирия перешли под мандат Франции. Такие добрые, хорошие, согласились взять на себя эту обузу. Молодцы ведь, ничего не жалеют. Так вот, Франция получила подмандатные территории и часть немецких колоний. И получили кроме того репарации и контрибуцию от немцев. Ну как, должны были получать.

Д. Пучков: А мы?

Б. Юлин: Мы не получили ничего, кроме одного. Дело в том, что как только Германия капитулировала, советская Россия денонсировала условия Брестского мира. И то, что было недоплачено немцам, –

недоплатили. А то, что смогли территориально отобрать обратно, – отобрали.

Д. Пучков: Прекрасно. Хоть так.

Б. Юлин: Правда, немцы нам все равно устроили подлянку, которая была потом подтверждена Лигой наций. Лига наций признала независимость прибалтийских республик и независимость Польши. Срочно, в авральном порядке. А Польшу еще поддерживали в войне против советской России активно вооружениями, деньгами, всем. Англия. Англия отобрала большую часть немецких колоний. Пожирнее Франции нажилась на подмандатных территориях. То есть у нее добыча получилась богаче. Сумели защитить свои рынки, в своих колониях. Дело в том, что перед Первой мировой войной немцы своими товарами вытесняли англичан даже из их собственных колоний. Потому что немецкие товары были дешевле и лучше. Как сейчас с Китаем картина. Так вот, здесь они свои колонии на тот момент защитили. Тоже обложили Германию контрибуцией. Главное, убрали полностью военно-морского конкурента в Европе. Немецкий флот был в принципе сравним с английским, но послабее несколько. А тут просто конкурентов у английского флота в Европе не осталось.

Кстати, интересна дальнейшая судьба немецкого флота, который восстал, отказался выходить и погибать героически. Дело в том, что по условиям перемирия флот был передан англичанам, по условиям мирной конференции. И передан в Скапа-Флоу. То есть в главную английскую базу. И вот в этой базе он стоял. А потом немцы совершили, немецкие моряки, акт, который у многих вызывает бурный восторг, типа сохранили честь. У других вызывает искреннее недоумение. Дело в том, что когда стало ясно, что Германия капитулирует и флот будет, скорее всего, передан странам Антанты, немцы, прямо в Скапа-Флоу,

затопили свои корабли. То есть открыли кингстоны и утопили. Англичане пытались это остановить. С кораблей уже был к этому времени сгружен боезапас, с орудий были сняты замки, корабли были небоеспособны. То есть сражаться это не могло никак. Но они взяли и затопили свои корабли. Большую часть флота. Некоторые корабли англичане сумели спасти. Остальное было прямо там, в Скапа-Флоу затоплено. И вот, казалось бы, такой мужественный шаг «не отдадим свои корабли врагу». В итоге стоимость флота была пересчитана на контрибуцию, увеличилась контрибуция, и немцам пришлось отдать значительную часть торгового флота.

Д. Пучков: Ловко.

Б. Юлин: А оставшиеся корабли, которые не были затоплены, то есть часть кораблей, англичане сумели спасти, эти корабли на самом деле... То, что досталось итальянцам и французам, какое-то время еще служило потому, что им это было нужно. То, что досталось англичанам и американцам, использовалось в основном как мишени. Американцы один из линкоров, который им достался, использовали, чтобы отрабатывать бомбометание. Сильнейший немецкий линкор, «Байерн», достался англичанам. Они его использовали для отстрела своих орудий, чтобы разобраться, как работает артиллерия по немецкой броне. То есть для своих флотов корабли были не нужны. Вот такой «героический» момент гибели немецкого флота в Скапа-Флоу.

Д. Пучков: Удачно получилось.

Б. Юлин: Но какие минусы обрела Великобритания от этой войны? Яркие минусы, довольно серьезные. Это то, что за это время очень сильно выросли Соединенные Штаты. И теперь они в значительной мере контролировали мир. То есть не то что заняли место немцев, а скорее начали занимать место англичан. И,

кроме того, создали флот, не уступающий английскому. Англия в мирное время содержать такой флот не могла. Кроме того, Англия превратилась в должника тех же самых США, что было для Англии не здорово. Англия вышла из войны в положении несколько худшем, чем была до войны. Но лучше, чем Франция, не так серьезно пострадала в плане людских ресурсов.

Кто там еще? Ну Австро-Венгрия из войны не вышла вообще, там большое количество государств. В Турции остался центральный кусочек. По сути, метрополия, Анатолийский полуостров. Турцию лишили всего. Они допрыгались до того, что была даже греческая интервенция, когда греки чуть было Анкару не взяли.

Д. Пучков: Прямо как в известной присказке: «Пошел за шерстью, вернулся стриженным».

Б. Юлин: То есть здесь картина была совсем для них печальная. По сути, больше всего выиграли от Первой мировой войны такие страны, как США и Япония. Которые воевали на стороне победителей, но в боевых действиях серьезно не участвовали. То есть много добычи, мало расходов. Большие финансовые доходы. Вот это кто чего получил.

Что получила наша страна. Наша страна в результате событий, связанных со свержением монархии, неудачами в войне, интервенциями, лишилась Прибалтики, Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии, Финляндии. Но на уровень Российской империи Советский Союз вышел уже к 1926 году. Пять лет с момента окончания Гражданской войны. При этом, заметь, с учетом потерянных территорий.

Д. Пучков: А ведь там была промышленность, люди.

Б. Юлин: Да. У нас наиболее развитой частью страны была Польша.

Д. Пучков: В которую, как когда-то в Прибалтику, тоже, по всей видимости, вкладывались деньги.

Б. Юлин: Там и дороги основные строились железные, те, что французы требовали. Как раз для ведения войны. Но что показала эта война, кроме того, что это война потенциалов? Пока не сокрушишь военный потенциал, ни победы, ни поражения особой роли не играют. То есть там разгромили противника, здесь потерпели поражение, все это нивелируется, потому что есть массовая армия, есть всеобщая мобилизация. Пока людские и промышленные ресурсы не исчерпаны, любые проблемы можно решить. То есть победы и поражения, они играли роль в плане истощения противника. Когда мы противнику сломаем экономический хребет, тогда мы его разобьем. Очень важный урок был, который очень хорошо усвоил Советский Союз. То есть страна, которая не имеет мощного промышленного потенциала, – беззащитна. Какую бы она армию хорошую и сильную не имела накануне войны. Почему? Потому, что эта армия быстро кончится. А дальше начинается противостояние потенциалов. Немцы ко Второй мировой войне серьезно подошли, учли это. И не только готовили серьезно потенциал, но и разработали стратегию, чтобы противник не мог использовать свой потенциал. Стратегию «блицкрига». Но оказалось, что ей тоже есть чем противодействовать. То есть Советский Союз продемонстрировал, как ей можно противодействовать. И оказалось, что все равно на первое место выходит все-таки потенциал. То есть страна, если хочет считать себя защищенной, должна иметь мощную промышленность и иметь возможность себя обеспечивать всем необходимым.

Д. Пучков: А вот в настоящий момент, как ты считаешь, как это понятно, нет?

Б. Юлин: Ты знаешь, я даже не знаю, как сказать. Это написано во всех учебниках еще советского периода. Допустим, есть история военного искусства, которую изучают во всех военных училищах. Это вещь такая, уже общеизвестная. Но вопрос между «знать» и «реализовывать»...

Д. Пучков: Да, увы. Совсем разное.

Б. Юлин: Так вот, здесь ключевой момент – это война потенциалов. Интересны были еще условия Версальского мирного договора. Про Версальский мир, о том, что он был вообще, многие слышали. В чем он состоит, тоже многие знают, но уже несколько меньше, потому что его применяют обычно только к Германии. Дело в том, что была поставлена задача ликвидировать Германию, как угрозу будущей войны. Французы вообще предлагали Германию разделить, потому что они как раз верно оценили момент, связанный с потенциалом. То есть пока в Германии промышленность мощнее и народу больше, чем во Франции, Германия сильнее Франции. Но им расчленить ее не дали, не дали англичане. Почему? Потому, что англичанам не нужна сильная Франция. Поэтому Германию оставили единой, промышленность ей сохранили. Но Германии было запрещено иметь вооруженные силы более 100 тысяч человек. Запрещено было иметь, разрабатывать и строить военные самолеты, подводные лодки, тяжелую артиллерию, танки. То есть все это запрещено полностью. Флот оставался крайне незначительным, состоящим из старых кораблей. Небольшую эскадру оставили, броненосцы, несколько старых крейсеров. Флот убогонький по Версальскому договору оставался. Запрещено было использовать всеобщую воинскую повинность. Это считалось стратегически важным ресурсом. У нас сейчас пытаются отойти от всеобщей воинской повинности, типа «мы создадим профессиональную армию». Так вот, после Первой

мировой войны Германии усиленно навязывали профессиональную армию, запретив всеобщую воинскую повинность.

Д. Пучков: Ну, которая никакого сопротивления не окажет.

Б. Юлин: Потом хваленый немецкий вермахт, который захватил всю Европу, он как раз формировался по принципу всеобщей воинской повинности. Это на тему профессионализма. Кстати, противостоящие, английские, войска набирались по волонтерскому признаку. В начале войны. Которые были разбиты. Дюнкерк знаменитый и так далее. Там профессионалы против непрофессионального вермахта. То есть всеобщая воинская повинность в Германии была запрещена. Немцы, правда, занимались очень мощной подготовкой сержантского состава. Прятали тяжелые орудия, особенно в Восточной Пруссии. Разрабатывали оружие не на своей территории, а на территории нейтральных стран: в Испании, в Голландии, в Швеции. Там работали немецкие инженеры. Короче, это то, что было запрещено.

Дальше. Чтобы Германия не могла использовать свой промышленный потенциал, была объявлена Рейнская демилитаризованная зона, которую контролировали французские войска. Но оттуда, правда, когда Гитлер пришел к власти, французов выставили. Но пока французы это контролировали, Германия, разумеется, начать войну не могла. Но французы серьезно противодействовать немцам в этом случае не могли, потому что немцев поддерживала Великобритания. То есть немцы, мол, в своем праве.

Д. Пучков: А вот вопрос. Ты сказал: «Чтобы не допустить войны». Там же кто-то при подписании в вагончике сказал, что: «Это не мир, это перерыв на 20 лет».

Б. Юлин: Нет, это не в вагончике сказали. В вагончике подписывали капитуляцию Германии. Потом в зеркальном зале Версальского дворца подписывался мирный договор. Как раз по поводу этого мирного договора было сказано, что «это не мир, а перемирие». А американский представитель сказал, что он видит в этом мирном договоре не меньше 18 поводов для следующей войны.

Д. Пучков: Я к чему. Что всем было понятно, что следующая война все равно на подходе. Потому что сходятся такие противоположные интересы. И только наш Сталин ничего не знал о грядущей войне.

Б. Юлин: Ну, наша страна в Версальском договоре, в Версальской системе вообще никак не участвовала.

Д. Пучков: Ну наблюдали же.

Б. Юлин: У нас в это время Гражданская война шла. Нам было немного не до этого. Мы в это время были непризнанным государством. То есть у нас положение было ничуть не лучше, не будем говорить про организацию, запрещенную в Российской Федерации, ничуть не лучше, чем у государства талибов в Афганистане. Весь Запад не признавал наше Советское государство. Нас первым признал как раз Афганистан. Через некоторое время нас турки признали, правительство Ататюрка. Мы в этом Версальском процессе не участвовали вообще, даже в виде наблюдателей.

Но, что знают гораздо меньше народу, Версальские ограничения распространялись еще на бывшую Австро-Венгрию. Дело в том, что под такие же ограничения попали Австрия и Венгрия. То есть Чехословакия или Югославия, бывшие территории Австро-Венгрии по сути, это территории как бы стран-победительниц. А Австрия и Венгрия – это государства-агрессоры. Поэтому Австрии были те же требования, что и Германии, предъявлены. Численность вооруженных сил

ограничивалась 20 тысячами человек. В Венгрии 30 тысячами человек. То есть эти три страны были разоружены, обложены контрибуциями. На Германию наложили контрибуцию вообще запредельную, которую даже выплатить невозможно, – 50 миллиардов марок золотом. Часть этой контрибуции была выплачена. А оставшуюся, когда Гитлер пришел к власти, он всем простил. Англия и США это признали.

Д. Пучков: Перебор был.

Б. Юлин: Нет. Потому что им в основном вернули, а остались должны в основном французам. Поэтому французам можно «кинуть». Англия и США, по сути, простили немецкий долг французам. Все как положено. Вот, собственно говоря, чем закончилась Первая мировая война. Она закончилась на самом деле еще одной важной вещью. Во-первых, возникновением Советского Союза. Во-вторых, резким ростом коммунистического движения и левых организаций во всех странах. И в Азии. В Японии, в Китае, в Турции той же самой. И в европейских странах. И в странах-победительницах: во Франции, в Англии, в Италии. И в побежденных странах, в той же самой Венгрии и в Германии. В Венгрии, например, победила социалистическая революция, она была потом подавлена внешней интервенцией. Без внешней интервенции там тоже была бы социалистическая республика. В Баварии, в Германии тоже произошла социалистическая революция, тоже ее подавили.

Во Франции и в Англии резко возросла роль профсоюзного движения. То есть трудящиеся добились довольно больших поблажек себе. Кстати, в значительной мере способствовали срыву французской интервенции против Советского Союза трудящиеся Франции. Под лозунгом: «Руки прочь от советской России!» В Америке такие же точно происходили демонстрации, там тоже был подъем левого движения.

То есть благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции трудящимся стало жить лучше во всем мире, пришлось пойти на уступки, чтобы такое не произошло у них. На самом деле, если мы разберемся с точки зрения капиталистических интересов, «у каждой страны есть свои интересы, страна должна их отстаивать», скажи вот, даже страны-победительницы, Италия, Франция, что - их народ очень сильно выиграл от этой войны? А в той же самой Франции в расчете на душу населения потери были гораздо больше, чем в Германии или у нас. То есть там реально был выбит, по сути, генофонд Франции. Франция поставила под ружье самый большой процент населения - 40 процентов всего мужского населения от младенцев до стариков было во французской армии, огромные потери. То есть меньше, чем в Германии, но в расчете на душу населения - больше. Оно им надо было? Весь северо-восток Франции, до этого процветающий... Ты сам говоришь, видел, что там творится, а прошло больше 100 лет.

Д. Пучков: Нет, ну, там хорошо, безусловно. Масса восстановленного. Но первое, что меня лично удивило, там всё про Первую мировую войну. Всё. И есть в городе Байерн, где гобелен, Вильгельм напал, он принуждал их к миру. Там подробно на этой портянке разрисовано, он ничего не хотел, эти негодяи просто вынудили его напасть на Англию. Там стоит мемориал, посвященный высадке американских войск. Что там большая благодарность, американцы пришли, освободили. Про нас там нет упоминаний нигде вообще. Действительно, их там американцы освобождали. Масса музейных фотографий, чего там происходило. Город Реймс, где собор, в котором короновались французские короли. Разнесено все просто в щепы. Памятники стоят везде погибшим.

Б. Юлин: Земли, опустошенные немцами при отходе, поле воронок.

Д. Пучков: Поле воронок чудесно выглядит вообще. Сто лет прошло, а там как на Луне.

Б. Юлин: Это не колхозное поле, если вдоль него идти, это поход на несколько дней.

Д. Пучков: Ущерб нанесли серьезнейший. Людей поубивали огромное количество, иначе они бы об этом и не помнили.

Б. Юлин: А собственно говоря, выиграли французские концерны очень неплохо. Шнайдер, Крезо, Рено и так далее. Например, танки Рено в основном выпускала. Концерны поднялись, а людям чего с этого? Классическая империалистическая война, за империалистические интересы. То есть больше всего выиграли те страны, которые сидели за океаном и торговали оружием. При этом крупные капиталисты выиграли на самом деле во всех странах. Даже в побежденных, даже в Германии. Например, Круппы стали богаче, чем были до войны.

Д. Пучков: Был под городом Гамбург, в городе Мюнстер. Где у них там танковая школа вермахта и рядом танковый музей. Ну, и нарисован немецкий танк времен Первой мировой. Стрелочками обозначено, кто какие запчасти поставлял. Ну, там все присутствуют, все, кого мы сегодня знаем. Все немецкие конторы.

Б. Юлин: То есть они как-то не исчезли после поражения в этой войне.

Д. Пучков: Да. Только разбогатели, по-моему.

Б. Юлин: Кому война, кому мать родна. Вот. Все, что хотелось рассказать, если кратко излагать, о Первой мировой войне.

Д. Пучков: Ну, ключевое, что от этого получает рядовой гражданин, – только могилу, ничего другого. Да. А про Вторую мы так поговорим, нет?

Б. Юлин: Если доберемся. Тем-то у нас много.

Д. Пучков: Хотелось бы.

Б. Юлин: Было бы время приезжать, записывать.

Д. Пучков: Спасибо, Борис Витальевич.

Б. Юлин: Всегда рад.

Д. Пучков: А на сегодня все. До новых встреч!